

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Б. Т. РУБЦОВ

**ЭВОЛЮЦИЯ
ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ
В ЧЕХИИ**

(XIV—начало XV в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

Б. Т. РУБЦОВ

ЭВОЛЮЦИЯ
ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ
В ЧЕХИИ

(XIV — начало XV в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М о с к в а 1958

В книге освещаются история аграрных отношений в Чехии, особенности эволюции феодальной ренты в разных частях страны, усиление феодальной эксплуатации и ухудшение положения крестьян накануне гуситского революционного движения, выясняются причины крупнейшего в истории Европы XV в. антифеодального выступления народных масс — Великой крестьянской войны в Чехии.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. Д. КОРОЛЮК

ВВЕДЕНИЕ

Особенности развития аграрного строя Чехии в XIV—XV вв. в настоящее время изучены недостаточно. Это становится очевидным на фоне чрезвычайно значительной, практически даже необозримой литературы о гуситских войнах.

Неисследованность аграрной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. находит свое объяснение в том, что на протяжении многих лет буржуазная наука объясняла происхождение гуситского революционного движения не особенностями внутреннего развития, а идеями, заимствованными извне. Классовое содержание гуситского революционного движения систематически извращалось. Крупнейшее выступление чешского крестьянства сводилось к чисто религиозным моментам.

В обширной литературе по гуситским войнам можно найти весьма основательные труды по истории военного дела, духовной культуры, по истории правовых институтов и т. д. Что касается работ, характеризующих социально-экономические предпосылки движения, то среди них можно назвать ценные исследования, посвященные городу, но вместе с тем приходится отметить исключительную бедность литературы, раскрывающей особенности развития чешской деревни.

Одной из важных проблем аграрной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. является проблема эволюции феодальной ренты. Ни в чем не проявляется так ярко специфика производственных отношений феодальной формации, как именно в том, каким путем присваивает феодал прибавочный продукт, производимый трудом зависимого крестьянина. Вопрос о формах фео-

дальной ренты, об их исторической преемственности и об их зависимости от уровня развития производительных сил имеет особенное значение при характеристике положения крестьян на разных этапах развития феодальной формации. Феодальная рента является средоточием всей совокупности производственных отношений феодальной формации. Маркс характеризует «непосредственное отношение собственников производства к непосредственным производителям», выступающее в качестве специфической экономической формы, в которой неоплаченный прибавочный труд «высасывается из непосредственных производителей», как основу всего общественного строя, определяющую «отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства», и отмечает, что оно в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие¹.

Марксистская политическая экономия различает три формы феодальной ренты — отработочную, продуктовую и денежную. При этом сам процесс развития феодальной ренты выражается в последовательном переходе от одной формы феодальной ренты к другой, более прогрессивной. Одновременно изменение феодальной ренты проявляется в ее количественном возрастании, а именно — в усилении феодальной эксплуатации. Сама эволюция феодальной ренты не может рассматриваться как нечто самодовлеющее. Она определяется характером и темпом развития производительных сил в отдельных странах.

Несмотря на различие форм ренты — отработочной, продуктовой и денежной, все они являются ф е о д а л ь н о й рентой, т. е. реализацией собственности феодала на главное средство производства — землю. Даже наиболее развитая форма ренты — денежная — предполагает, что «непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги»².

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 804.

² Там же, стр. 810.

Смена форм феодальной ренты, установленная Марксом в III томе «Капитала», предполагает последовательный переход от ренты отработочной к продуктовой и, наконец, к денежной. Но Маркс вместе с тем подчеркивает, что в процессе прогрессивного движения феодальной ренты последующая ее форма не исключает полностью предыдущую. Более того, он показывает, что продуктовая рента сочетается с отработочными повинностями и сохраняется тогда, когда денежная форма ренты приобретает определяющее значение³.

Основоположники марксизма-ленинизма показали, что во всех таких случаях эта грубая форма феодальной эксплуатации порождается не примитивным уровнем производительных сил, а всей совокупностью развитых феодальных отношений. В самом деле, феодал-крепостник стремится здесь уже не к получению продуктов для удовлетворения своих непосредственных потребностей, как это было на ранних ступенях развития феодализма, но заинтересован в получении продуктов для последующей продажи, что становится возможным только в условиях высокого развития товарного производства.

Эволюция феодальной ренты в отдельных странах и в некоторые периоды иногда видимым образом отклоняется от той последовательной смены ее форм, которая установлена основоположниками марксизма-ленинизма. Так, в странах, лежащих к востоку от Эльбы, на исходе средневековья укрепляется и расцветает барщинная система эксплуатации крестьян, представляющаяся на первый взгляд классическим образцом отработочной ренты. Эта форма жесточайшей эксплуатации крестьян, на основе которой приобретает особенно уродливые и отвратительные черты крепостное право, была исчерпывающе охарактеризована Марксом, Энгельсом и Лениным на примере валашских, прусских и русских крестьян. На живучесть отработочной ренты неоднократно указывал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России».

Изучение эволюции феодальной ренты имеет особое большое значение для истории Чехии кануна гуситского революционного движения. Определение гуситских войн

³ См. там же, стр. 808—811.

как «национально-чешской крестьянской войны»⁴ требует особенно пристального внимания ко всем вопросам истории чешских крестьян в XIV — начале XV в. Без выяснения положения крестьян — главных производителей материальных благ в средневековье, невозможно создать верное представление о грандиозных событиях, составивших важный момент не только чешской, но и всемирной истории. Причины, движущие силы крестьянской войны, характерные особенности тактики, поведения и идеологии восставших крестьян теснейшим образом связаны с эволюцией феодальной ренты в XIV—начале XV в. Между тем структура и динамика развития ренты в Чехии в указанное время не являлись предметом специальных исследований. Было бы совершенно неправильным сказать, что буржуазные ученые обошли полным молчанием этот вопрос. Однако и специальных работ, посвященных этой проблеме, чрезвычайно мало, а общие высказывания по большей части не подкреплены соответствующим фактическим материалом. Правда, еще Палацкий для иллюстрации доходов крупных церковных феодалов обращался к отдельным показаниям исторических документов, а В. Томек посвятил этому немало страниц в своем труде по истории Праги. Однако Томек, который довольно широко привлекал данные неопубликованных в то время чешских поземельных описей, уделил все свое внимание изучению структуры доходов и организации административного аппарата крупной церковной и монастырской вотчины, а об изменениях в положении крестьян высказывался лишь на основании общих соображений. Так, он склонен был полагать, что уже самый факт упорядочения крупного вотчинного хозяйства настолько увеличивал доходы феодалов (в частности, пражского архиепископа и монастырей), что последние сочли возможным и даже необходимым облегчить положение зависимых крестьян⁵.

Несмотря на явную бездоказательность такого тезиса, искажающего действительное положение крестьян и представляющего церковных феодалов в качестве «благодетелей» трудящихся масс, эта точка зрения осталась преобладающей в чешской буржуазной науке вплоть до

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 180 (разр. наша. — Б. Р.).

⁵ W. Tomek. Dějepis města Prahy, d. III, v Praze, 1875.

последних лет существования буржуазной Чехословацкой республики.

Еще в 20-х годах текущего столетия Ф. Вацек повторил рассуждения об улучшении положения чешского крестьянства к началу XV в., односторонне используя для этой цели данные тех же чешских поземельных описей. Он дал скрупулезное перечисление крестьянских повинностей и платежей во владениях различных католических орденов и архиепископа. Довольствуясь рассмотрением одной только формально-юридической стороны крестьянских держаний, Ф. Вацек сделал вывод об улучшении положения чешских крестьян в связи с распространением так называемого эмфитевтического или немецкого права в стране⁶. При этом он не обратил внимания на факты имущественного расслоения среди крестьян и свел все различия между ними к юридическим особенностям владения на дедичном и эмфитевтическом праве⁷. Вацек считал, что эмфитевтическое право укрепляло крестьянскую собственность и поэтому отождествлял распространение этого права с общим улучшением положения крестьян. Отсюда видно, что для Вацека аграрные отношения и, в частности, крестьянские повинности и платежи целиком определялись юридическим статусом их держаний.

Все же следует отметить, что не будучи даже специалистом-историком⁸, Вацек использовал большое количество поземельных описей и других исторических источников. Хотя у Вацека отсутствуют анализ и систематизация, столь необходимые для исторического исследования, некоторые его наблюдения помогают выяснению предпосылок Великой крестьянской войны XV в. В частности, Вацек обратил внимание на случаи роста барщины в Припражском районе⁹.

Наиболее неверную, далекую от действительности оценку положения чешского крестьянства этой эпохи находим в трудах реакционного буржуазного историка

⁶ F. Vacek. Emfyteuse v Čechách ve XIII a XIV století. Časopis pro dějiny venkova. (в дальнейшем: CDV). R. VI—IX, v Praze, 1919—1922.

⁷ CDV, VIII, str. 31, 40, 41, 133.

⁸ Вацек был преподавателем закона божьего.

⁹ F. Vacek. K dějinám selské roboty v Čechách do r. 1680. CDV, 1936, str. 7.

И. Пекаржа. Хотя И. Пекарж не занимался монографическим изучением аграрной истории Чехии XIV—начала XV в., в целом ряде его книг имеются ничем не аргументированные положения и отдельные высказывания, подтверждающие общую его концепцию гуситских войн, по которой он видел причину крупнейшего крестьянского восстания в зажиточности и свободе крестьян.

В 1927 г. И. Пекарж писал, что положение чешского крестьянства в начале XV в. было более благоприятным, чем когда-либо в прошлом, и что оно изменялось в сторону улучшения¹⁰. Более того, Пекарж утверждал, что в указанный период положение феодалов якобы ухудшалось, так как крестьяне отказывались работать на своих господ. Повинности крестьян, заявлял Пекарж, были твердо и навсегда установлены, а земля находилась в их наследственном неотчуждаемом владении, и землевладельцы редко прибегали к барщине¹¹. Собственно здесь нашли свое логическое завершение взгляды Пекаржа, высказанные еще до первой империалистической войны о том, что накануне гуситских войн крестьяне по отношению к панам оказывались все в большей выгоде — им жилось все легче и легче¹².

В работе другого буржуазного историка, В. Халоупецкого, «Крестьянский вопрос в гуситском движении»¹³ положение крестьян освещено на основании голословных утверждений. В этой работе отсутствует всякая научная аргументация, а вывод ее состоит в том, что в Чехии XIV—XV вв. положение крестьян неуклонно улучшалось. Это становилось возможным, по мнению Халоупецкого, благодаря воздействию западного мира. Можно только присоединиться к мнению крупного историка народно-демократической Чехословакии И. Мацека, который выражает свое негодование тем, что совершенно не подкрепленная или даже игнорирующая источники книга Халоупецкого послужила для буржуазных ученых основополагающей работой по аграрной истории¹⁴.

¹⁰ J. Pekař. Žižka a jeho doba, d. 1, v Praze, 1927, str. 190.

¹¹ Там же, стр. 191.

¹² J. Pekař. Kniha o Kostí. Praha, 1911.

¹³ V. Chaloupecký. Selská otázka v husitství. Bratislava, 1926.

¹⁴ J. Maček. Tábor v husitském revolučním hnutí. II vydání, d. I, v Praze, 1956, str. 103.

Хотя в некоторых своих работах крупнейший чешский буржуазный историк К. Крофта призывал отойти от крайностей Пекаржа ¹⁵, однако и он оказался в плену изложенных выше взглядов. Являясь автором многих ценных исследований по истории средневековой Чехии, Крофта попытался наметить в общих чертах путь, пройденный чешским крестьянством ¹⁶. Однако сам Крофта признавал, что интересы его книги ограничивались в основном юридическими вопросами, историей сельского чешского права. Крофта сожалел, что такие проблемы, как характер земледелия, его развитие и другие, оказались исключенными из книги, и ими никто не занимался ¹⁷.

Поземельные отношения в Чехии и Моравии в XIV—XV вв. являлись в представлении К. Крофта не чем иным, как наследственной арендой крестьянами панских земель, причем сами эти арендные отношения зачастую показываются Крофтой как проявление внеклассовых и внеисторических капиталистических отношений. В итоге Крофта считает, что «в этот период наблюдается укрепление благосостояния как сельского населения, так и господ, на чьей земле находились крестьяне». Это положение Крофта довольно неожиданно аргументирует самым фактом быстрого распространения норм заимствованного с Запада так называемого «немецкого права» в Чехии и Моравии ¹⁸. Крофта склонен полагать, что прикрепление крестьян к земле, которое началось сразу же после гуситских войн, явилось якобы результатом уменьшения населения в стране ¹⁹. Паны вынуждены были, по мнению Крофты, решиться на закрепощение, так как крестьяне, сохранившие свою жизнь после гуситских войн, отвыкли от земледельческой работы, вследствие чего земли пустовали и не обрабатывались ²⁰.

¹⁵ Věstník česke akademie zemědělské (в дальнейшем: VCAZ), 1937, str. 389 a násl.

¹⁶ K. Krofta. Dějiny selského stavu v Čechách, v Praze, 1949

¹⁷ VCAZ, 1937, str. 389—392.

¹⁸ K. Krofta. Dějiny selského stavu..., str. 43.

¹⁹ VCAZ, 1937, str. 389 a násl.

²⁰ Věstník československého zemědělského Musea (в дальнейшем: VCZM), R. 1938, str. 828. Почти буквально то же утверждал и В. Черный (см. V Cerný. Vyvoj patrimoniijného veľkostatku jeho správy. Sborník přednášek proslovených na prvém sjezdu čl. profesorů filosofie, filologie a historie v Praze 3—7 dubna, 1929, Praha, 1929, str. 434—440).

Крупный вклад в аграрную историю Чехии внес своими трудами буржуазный ученый-славист А. Н. Ясинский, который впервые широко привлек для изучения положения чешских крестьян материалы поземельных описей. Еще в конце XIX в. Ясинский поставил перед собой задачу — создать многотомное капитальное исследование по социальной и экономической истории Чехии в средние века.

К сожалению, ему не удалось осуществить этот замысел, хотя в течение своей сорокалетней деятельности А. Н. Ясинский опубликовал ряд работ по истории Чехословакии ²¹.

Исторические взгляды А. Н. Ясинского отличаются сложностью и не свободны от внутренних противоречий. Большим достоинством трудов А. Н. Ясинского было то, что он стремился не отрывать историю славян от истории других народов, указывая, что все они прошли во многом сходный путь развития. Наряду с этим Ясинский признавал самостоятельное, или «самобытное», развитие Чехии. Положительным моментом является и то, что исходным пунктом развития всех народов вообще и чехов в частности А. Н. Ясинский считал общинную организацию с общественной собственностью на землю, которую он именовал «коллективными формами быта». На основе этих «коллективных форм» у славян, и в том числе у чехов, выработал-

²¹ А. Н. Ясинским написаны следующие работы по истории Чехии: «Падение земского строя в чешском государстве (X—XIII)». Киев, 1895; «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века, т. I. Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права». Юрьев, 1901; «Основные черты развития права в Чехии в XIII—XIV вв. Историко-юридический очерк». Юрьев, 1902; «Введение немецкого права в селах Чехии XIV века» (Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев, 1904); «Присяга крестьян по чешскому средневековому праву» (Сборник по славяноведению, I, 1904); «Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии» (Сборник в честь Ламанского, 1905); «Происхождение и природа чешских поземельных единиц» (Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. II, 1924); «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии» (Труды Белорусского гос. ун-та, т. XII, 1926); «Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии» (Ученые записки Ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских ин-тов общественных наук), т. III, М., 1929.

ся так называемый «земский строй», покоившийся, по словам Ясинского, «на основах общеславянского демократического и патриархально-родового быта». Под влиянием развития индивидуального землевладения «земский» строй уступает место строю «сословно-привилегированному», в связи с чем ухудшается положение крестьянства. Утверждение сословно-привилегированного строя, по Ясинскому, это процесс, «определившийся в главных своих чертах во вторую половину XIV века»²². Если отвлечься от туманной терминологии, то придется заключить, что формирование чешского феодализма относится А. Н. Ясинским к непомерно позднему времени. В своих трудах А. Н. Ясинский не смог выйти за пределы формально-юридических методов исследования, лишь в немногих случаях стихийно подмечая и выделяя рост ренты и обусловленные им конкретные изменения в имущественном положении крестьян²³.

Вопреки неоднократно высказанному им самим взгляду о самобытном развитии аграрного строя средневековой Чехии, Ясинский ставил в зависимость ухудшение положения крестьян только от распространения немецкого права, которое, по его мнению, подрывало основы крестьянской собственности на землю²⁴. Желая проиллюстрировать ухудшение положения чешских крестьян в селах, где уже утвердилось немецкое право или эmfитевзис, А. Н. Ясинский объявил «вопрос о переустройстве начал и устоев жизни чешского народа под влиянием так называемого немецкого права» важнейшей проблемой чешской средневековой социальной истории²⁵. Немецкое право могло быть, по мнению Ясинского, занесено в Чехию только тогда, когда в силу внутреннего развития страна переходила от земского строя к сословно-привилегированному. «Чехи, —

²² А. Н. Ясинский. Падение земского строя в чешском государстве. Киев, 1895, стр. 1.

²³ См. А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века, т. I. Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права. Юрьев, 1901, стр. 191.

²⁴ См. А. Н. Ясинский. Поземельная опись Градищенского монастыря. «Труды Белорусского гос. ун-та», т. II, 1926, стр. 57.

²⁵ См. А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 14.

писал А. Н. Ясинский,— заимствовали юридические формы для явлений, самостоятельно у них возникших»²⁶.

Уже в 1904 г. он выступил с прямым призывом опровергнуть укоренившийся в литературе взгляд о благотворном влиянии немецкого права, способствовавшего якобы упрочению правового положения крестьян, улучшению их благосостояния²⁷.

А. Н. Ясинский отмечает, что при введении немецкого права крестьяне лишаются собственности, которую он, не понимая существа феодальной собственности, находил вслед за Владимирским-Будановым в предшествующем периоде, в недрах своего излюбленного земского строя. Однако в этих трудах А. Н. Ясинский допускает переоценку значения немецкого права, связывая только с его распространением все ухудшения в положении чешского крестьянства.

В своих дальнейших работах Ясинский последовательно отказывается от самого термина «немецкое право». Всегда соединяя с этим термином всю сумму изменений социально-экономического строя Чехии XIV в., он говорит только о праве «эмфитевзиса». В одной из последних своих работ, суммируя итоги длительного изучения общественного строя средневековой Чехии, А. Н. Ясинский приходит к заключению, что утверждение эмфитевзиса в средневековой Чехии шло «путем вымогательства и притеснения крестьянской массы»²⁸.

Не сумев проникнуть в сущность законов исторического развития, Ясинский не мог, естественно, подняться до понимания характера смены отдельных социально-экономических формаций. В связи с этим, смена земского строя (рисовавшегося воображению Ясинского едва ли не идеальным состоянием общества) строем сословно-привилегированным так и не получила в его трудах последовательного объяснения. Не говоря уже о том, что сами эти поня-

²⁶ А. Н. Ясинский. Падение земского строя в чешском государстве. Киев, 1895, стр. 1; ср. стр. 180.

²⁷ См. А. Н. Ясинский. Введение «немецкого права» в селах Чехии XIV в. Сб. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904, стр. 229.

²⁸ А. Н. Ясинский. Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии. «Ученые записки Ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских ин-тов общественных наук (в дальнейшем: УЗ ИИ Ранион)», т. III, 1929, стр. 198.

тия отличаются расплывчатостью и неопределенностью, следует подчеркнуть, что А. Н. Ясинский не понимал прогрессивности исторического развития средневековой Чехии. Падение земского строя и утверждение на его месте строя сословно-привилегированного вызывает у Ясинского лишь «скептическое отношение к тому развитию, которое привело к гуситским войнам»²⁹. В связи с этим А. Н. Ясинский, регистрируя все те ухудшения, которые произошли в положении чешского крестьянства к концу XIV в., довольствуется лишь сожалениями по поводу ненормальностей в развитии Чехии, имевших место в связи с утверждением немецкого права, но не улавливает внутренней закономерности и необходимости происходящих изменений. Не понимая классовой природы феодального государства и относя утверждение сословно-привилегированного строя лишь к XIV в., А. Н. Ясинский готов порой идеализировать любой остаток старины, сколько-нибудь связанный с земским строем. Так, в работе «Основные черты развития права в Чехии», появившейся почти одновременно с «Очерками», А. Н. Ясинский жалеет, что к XV в. «большинство чешского народа... уже было лишено счастья пользоваться нормами самобытного земского права»³⁰, а сам земский суд, представлявший собой типичный орган феодальной юрисдикции, рисуется его воображению как учреждение, «всегда руководившееся началами равноправия и беспристрастия»³¹. Косность чешских феодалов и их стремление оградить свои привилегии от вмешательства королевской власти являются, согласно утверждению А. Н. Ясинского, свидетельством господства среди панов «здорового юридического смысла». «До какой степени в среде этого класса господствовало здоровое юридическое сознание, видно — по словам Ясинского — из того, что паны всячески противились попыткам государей под видом кодификации ввести нормы римского или немецкого права»³².

Смещение базиса и надстройки приводило А. Н. Ясинского к тому, что под названием немецкого права он по-

²⁹ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 21.

³⁰ А. Н. Ясинский. Основные черты развития права в Чехии в XIII—XV вв. Юрьев, 1902, стр. 41—43.

³¹ Там же, стр. 19.

³² Там же, стр. 20.

нимает не одни только юридические формы, но целую сумму процессов самого разноречивого характера. Закономерное развитие феодальных отношений, в которых Ясинский усматривает одни лишь отрицательные стороны, сливается в его воображении с немецким правом. Рассматривая усиление феодальной эксплуатации к концу XIV в., случаи произвола и насилия со стороны феодалов, А. Н. Ясинский все сводит лишь к объяснению ухудшения в положении крестьян. Он не видит никакого прогресса в развитии общественных форм, вступивших на смену земскому строю, т. е. А. Н. Ясинский не видит исторической неизбежности замены феодальным строем предшествующих социально-экономических формаций.

В связи с этим Ясинский так и не смог правильно разрешить проблемы так называемого немецкого права в Чехии, косвенно признав в конечном итоге решающим иностранное влияние на развитие аграрного строя в Чехии в средние века.

Вместе с тем А. Н. Ясинский был совершенно прав, когда в отличие от других буржуазных ученых констатировал, опираясь на документы, факты прогрессирующего ухудшения положения крестьян к началу XV в. Однако недостаточно обоснованно Ясинский видит причины этого ухудшения в первую очередь в распространении немецкого или, придерживаясь его формулировки, эмпитевтического права, тем более что сам процесс введения этого права кажется А. Н. Ясинскому рядом последовательных действий королей и панов. Между тем немецкое право, как и всякое право, являлось одним из элементов надстройки, вырастающей на основе того или иного базиса. В частности, та совокупность правовых норм, которая обычно неправильно обозначается наименованием «немецкое право», вырастает на той ступени развития феодальных производственных отношений внутри Чехии, когда определяющую роль в системе феодальной ренты приобретает денежная рента. Таким образом, становление денежной ренты и оформление соответствующих правовых норм были вызваны объективными законами экономического развития. Вместе с тем, повышая удельный вес денежной ренты и вводя новые правовые нормы, определявшие и регулировавшие характер крестьянских держаний, феодалы подчинялись объективной закономерности экономического

развития и в то же время использовали ее в своих классовых интересах.

Наряду с этим, нельзя было бы усматривать во введении немецкого права юридических признаков перехода к капиталистическим производственным отношениям, и в частности к капиталистической аренде. Немецкое право было еще типично феодальным институтом, соответствовавшим условиям феодального развития Чехии, ибо в пору появления и распространения денежной ренты производственные отношения остаются прежними, т. е. феодальными, и соответствуют в основном уровню развития производительных сил, а сама денежная рента является в этот период простым изменением форм феодальной ренты³³.

³³ Процесс распространения так называемого немецкого права на территории Чехии шел неравномерно; даже там, где источники говорят о сохранении норм местного права, старые термины постепенно наполняются новым содержанием. Поэтому несостоятельными оказываются попытки буржуазных историков связать все существенные изменения в положении крестьян с юридическим статусом села, находящегося на немецком или чешском праве. Немецкое право — это юридическое оформление такого этапа в развитии феодального базиса, когда рост товарного производства и крепнущая связь феодальной вотчины с рынком начинают диктовать феодалу стремление к превращению всех видов феодальной ренты в денежные платежи, к такому положению, когда непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а цены этих продуктов. В связи с этим и традиционное обычно-правовое отношение зависимого крестьянина к землевладельцу превращается здесь в чисто денежные отношения, основанные на договоре (См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 811).

Действительно, важным внешним отличительным признаком немецкого права является наличие документального оформления отношений между крестьянами — безразлично, иноземными поселенцами или местными уроженцами — и собственником земли — феодалом. Можно было бы привести многочисленные случаи, когда обе стороны придают большое значение наличию соответствующей документации. Вместе с тем выдача грамоты была орудием в руках феодала для извлечения дополнительных доходов. Помимо тех платежей, которые устанавливались грамотой, при ее получении и во всех случаях последующего восстановления или подтверждения грамоты, землевладельцы взимали дополнительные суммы — купу или анлайт. Отсутствие купы допускалось лишь в очень редких случаях и всегда оговаривалось особо. Ввиду сказанного, из всех наименований, встречающихся в источниках и в научной литературе предмета, наиболее отвечающим содержанию новых правовых норм в чешской деревне представляется термин закупное право (*zakup*).

Итак, и в трудах А. Н. Ясинского, которые остались лучшими в буржуазной науке ³⁴, проблема эволюции феодальной ренты в Чехии XIV—XV вв. фактически не ставилась и по сути была подменена проблемой права средневековой Чехии. Тем не менее многие замечания А. Н. Ясинского и вся совокупность собранного им материала подготовили почву для дальнейшей разработки аграрной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. ³⁵

Разработка истории гуситских войн занимает одно из центральных мест в молодой марксистской науке Чехословацкой народно-демократической республики. Среди большого количества книг и статей следует особенно выделить труды З. Неедлы, И. Мацека, Ф. Грауса, Я. Дурдика и других. Заслуга академика З. Неедлы состоит в том, что

Оставаясь правом феодальным, закупное право соответствовало, однако, более прогрессивному этапу развития феодального базиса. Сам этот базис в пору распространения закупного права, т. е. в XIII—XIV вв., соответствовал развитию производительных сил. В связи с этим и закупное право, способствуя торжеству денежной ренты, помогало как часть надстройки укреплению феодального базиса.

Таким образом, факт распространения закупного права в Чехии XIII—XIV вв. был органически связан со всем внутренним развитием страны и явился одной из форм выражения этого процесса. Отсюда следует, что распространение закупного права являлось объективной закономерностью всего развития Чехии и прогрессивный его характер в начале его распространения (с конца XII до середины XIV в.) вряд ли может оспариваться. Но в XIV — начале XV в. роль закупного права оказывается уже несколько иной. С ростом и укреплением товарно-денежных отношений стремление феодалов к получению максимальной суммы феодальной ренты превращает закупное право в одно из орудий сеньюальной реакции. Разрывая традиционное отношение крестьянина к земле и заменяя их договором, устанавливаемым по воле и в интересах землевладельца, нормы закупного права используются для дополнительного нажима на крестьян, для ухудшения условий крестьянских держаний.

³⁴ Высокую оценку трудам А. Н. Ясинского дал К. Крофта, посвятивший анализу взглядов и итогов научной деятельности А. Н. Ясинского специальную работу (см. К. Krofta. A. N. Jassinskij. Praha, 1935).

³⁵ А. Н. Ясинский предполагал издать несколько томов своего обширного исследования «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века», но опубликовал только один том «Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права», где изучалась история Чехии в X—XIII вв.

он в течение более чем полувековой научной деятельности всегда уделял главное внимание народному характеру гуситских войн, подчеркивал значение крестьянства как основной движущей силы исторического развития Чехии в средние века. Он глубоко изучил народное творчество Чехии, в котором отражались чаяния трудящихся масс, в том числе и крестьян ³⁶.

Серьезным вкладом в историческую науку явились монографические исследования И. Мацека ³⁷. В своих работах И. Мацек выдвинул и обосновал марксистскую концепцию гуситских войн, подвергнув аргументированной критике идеалистические построения буржуазной историографии. Крупным достижением чешского ученого является то, что он показал роль народных масс в формировании идеологии гуситских войн и в развитии самих революционных событий. Особое внимание Мацек уделил выяснению значения деятельности народных проповедников-хилиастов Гуски, Коранды, Чапека и многих других, роль которых была искажена и фальсифицирована буржуазной наукой.

И. Мацек в своем исследовании о Таборе, основанном на большом документальном материале, и в других работах, посвященных истории гуситских войн в целом, касается вопросов аграрного развития и справедливо критикует чешских буржуазных авторов, бездоказательно выдвигавших тезис об улучшении положения крестьян накануне революционных событий XV в. Проблема изменения феодальной ренты накануне гуситских войн поставлена И. Мацек, но ограниченность привлеченных им для ее изучения материалов и общий характер его трудов, в рамках которых содержатся соответствующие замечания, не дали ему возможности углубиться в детальное изучение вопросов ³⁸.

³⁶ В первую очередь мы имеем в виду монументальные труды З. Неедлы по истории гусизма.

³⁷ J. M a c e k. Tábor v husitském revolučním hnutí, d. I, v Praze, 1952; d. II, v Praze, 1955; d. I, druhé vydání, v Praze, 1956; d. II, v Praze, 1956; «Табор в гуситском революционном движении», т. I, М., 1956 (рус. перевод); «Husitské revoluční hnutí», Praha, 1952; «Гуситское революционное движение», М., 1954 (рус. перевод); «Prokop veliký». Praha, 1954; «Husité na Baltu a ve Velkopolsku». Praha, 1952, и другие работы.

³⁸ В небольшом разделе первого тома монографии о Таборе, специально посвященном анализу положения крестьян накануне гуситских войн, И. Мацек пользуется материалами не опубликован-

Весьма ценны работы Ф. Грауса³⁹, посвященные изучению некоторых особенностей гуситских войн. В отличие от буржуазных ученых он видит в городе не только патрициат и бюргерство, но и бедноту, сыгравшую значительную роль в гуситском революционном движении. Хотя Граус исследует чешский город и выясняет место Чехии в торговых связях средневековой Европы, однако многие замечания относительно рыночных связей того времени, ценообразования и движения цен оказывают помощь в деле изучения аграрной истории Чехии. В частности, для каждого исследователя чешской деревни большое значение имеют экскурсии Грауса о движении цен на продукты сельского хозяйства. Как и в книгах Мацека, в центре исследования Грауса находятся народные массы, показана их роль в подготовке революционных событий Великой крестьянской войны XV в.

Что касается работы Ф. Грауса по истории чешских крестьян⁴⁰, то хотя в ней и ставится проблема изучения движения феодальной ренты, но, поскольку в вышедшем первом томе изложение доводится лишь до середины XIII в., ценные выводы и наблюдения Ф. Грауса могут быть использованы лишь в качестве отправного пункта при исследовании проблем аграрного строя Чехии накануне Великой крестьянской войны.

Однако, несмотря на наличие целого ряда трудов, посвященных различным вопросам истории Чехии накануне Великой крестьянской войны, аграрная история Чехии этого периода остается белым пятном историографии. И. Мацек отмечает, что «отсутствие монографии, посвященной проблеме крестьянства в XIV и начале XV в., является большим пробелом нашей историографии»⁴¹.

При изучении аграрной истории Чехии в ходе анализа сложного и запутанного материала источников большую методологическую помощь оказывают труды советских ученых по истории средневековой деревни, и в первую

ного до сих пор второго тома работы Ф. Грауса «История чешских крестьян».

³⁹ F. Graus Chudina městská v době předsutské, v Praze, 1949; Český obchod se sukrem ve 14. a počátkem 15 století, v Praze, 1950.

⁴⁰ F. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předsutské, d. I, Praha, 1953.

⁴¹ J. Maček. Tábor..., str. 118 (ср. рус. перевод, стр. 159).

очередь капитальные исследования Б. Д. Грекова и Е. А. Косминского.

Неисследованность аграрной истории предгуситской Чехии объясняется и тем обстоятельством, что разрешение многих важных вопросов встречает серьезные препятствия ввиду отсутствия в имеющихся источниках — нарративных, законодательных и актовых — необходимых сведений и материалов. В этой связи особое значение приобретают чешские поземельные описи.

В основу настоящей работы положены следующие поземельные описи: отрывок поземельной описи имений епископа Пражского (около 1290 г.)⁴², поземельная опись владений Роудницкого монастыря (1338 г.)⁴³, поземельная опись имений Збраславского монастыря (1342 г.)⁴⁴, отрывок поземельной описи Погледского монастыря (середина XIV в.)⁴⁵, поземельная опись владений Хотешовского монастыря (1367 г.)⁴⁶, поземельная опись владений Тржебоньского монастыря (1378 г.)⁴⁷, поземельная опись имений панов из Рожмберка (1379 г.)⁴⁸, поземельная опись Островского монастыря (1388—1395 гг.)⁴⁹, поземельная опись владений Пражского архиепископства (1390 г.)⁵⁰, поземельная опись владений Бржезновского монастыря (около 1406 г.)⁵¹, поземельная опись Гради-

⁴² Fragmentum urbarii episcopatus pragensis anno CC. MCCXC° compilatum, Decem registra censuum bohémica compilata aetate bellum husiticum praecedente, v Praze, 1881 (в дальнейшем: DR).

⁴³ Conscriptio bonorum monasterii S. Mariae Rudnicensis anno MCCCXXXVIII° facta. DR, II, str. 4—9.

⁴⁴ Registrum monasterii Aulae Regiae de omnibus proventibus anno MCCCXLII° scriptum. DR, X, str. 309—312.

⁴⁵ Fragmentum urbarii monasterii Vallis S. Mariae. DR, III, str. 20—22.

⁴⁶ Urbarium monasterii Chotiessovensis anno MCCCLXVII compilatum. DR, IV, str. 23—52.

⁴⁷ Urbář z roku 1378 kláštera Třebonského (Registrum censuum ac proventuum monasterii Trzebonensis), Historický Archiv, č. 52, v Praze, 1949 (в дальнейшем: UT).

⁴⁸ Registrum bonorum Rosenbergicorum a. MCCCLXXIX compilatum. K vydání upravil Jos. Truhlař, Pojednání králevské české společnosti nauk, VI Rady, d. 10, v Praze, 1880 (в дальнейшем: RR).

⁴⁹ Registrum bonorum monasterii S. Johannis Bapt. Ostroviensis, DR, V, str. 53—91.

⁵⁰ Registrum bonorum archiepiscopatus pragensis anno CC. 1390 conscriptum. DR, VI, str. 92—150.

⁵¹ Registrum bonorum monasterii Brzewnowiensis anno MCCCVI° conscriptum. DR, VII, str. 151—218.

щенского монастыря (около 1410 г.)⁵², поземельная опись владений Страговского монастыря (1410 г.)⁵³, поземельная опись имений Пражского пробства (около 1410 г.)⁵⁴.

Используя данные поземельных описей⁵⁵, значительное количество которых относится к последнему столетию накануне гуситских войн, мы получаем возможность не только пополнить указания других источников, но и поставить проблемы, вытекающие из специфики самих поземельных описей как памятника историко-статистического, соединяющего сведения описательные с большим количеством цифровых данных. Цифровые данные поземельных описей и все содержание этих памятников, дающих массовые сведения, ставят их в особое положение среди других источников по аграрной истории средневековой Чехии.

Более ста лет тому назад⁵⁶ было обращено внимание на ценность поземельных описей как исторических источников. Однако приходится констатировать, что чешские поземельные описи и в настоящее время разработаны недостаточно. Действительно, хотя в изучении чешских урбариев в буржуазной литературе было несколько направлений, но ни одно из них не использовало этих материалов для всестороннего изучения предпосылок гуситских войн.

К первому направлению в изучении чешских поземельных описей можно отнести исследователей, которые довольствовались внешним и формальным описанием урбариев, давая в лучшем случае не анализ, а более или менее подробный пересказ содержащихся в них сведений. Наиболее типичным представителем этого направления является Ф. Вацек. Его работа об урбариях⁵⁷, заслу-

⁵² Zlomek urbáře Kláštera hradišského. Pojednání král česke společnosti nauk. r. 6, d. 12, v Praze, 1885 (в дальнейшем: УН).

⁵³ Registrum bonorum monasterii Strahoviensis anno MCCCCX compillatum. DR, VIII, str. 219—302.

⁵⁴ Registrum bonorum praepositurae ecclesiae Pragensis saeculo VX ineunte compillatum. DR, IX str. 302—308.

⁵⁵ В источниках встречаем следующие названия чешских поземельных описей: *urbarium*, *registrum*, *bonorum*, *conscriptio bonorum*, *liber censualis*. В настоящей работе пользуемся как равнозначными терминами: поземельная опись, урбарий, регистр.

⁵⁶ V. Tomek. Urbář Kláštera Strahovského složený roku 1410. «Památky Archeologické», d. II, v Praze, 1856.

⁵⁷ F. Vacek. Urbáře a pozemkové knihy. ČDV, v Praze, 1926.

жившая признание в чешской буржуазной исторической науке⁵⁸, ничем не отличается от более кратких введений ученых, впервые напечатавших чешские поземельные описи. к изданным ими текстам. В этой работе дается простой пересказ содержания документов, и нет даже попытки поставить вопрос о том, какая историческая обстановка породила урбарии вообще и каждый из них в отдельности. Вместо этого Вацек занимается выяснением термина «урбарий». Таким образом, сначала формальное источниковедение заменяет историю, а потом описание и этимология заменяют источниковедение.

Другие чешские буржуазные ученые (И. Шуста⁵⁹, особенно И. Салаба⁶⁰) пытались выйти за пределы чисто внешнего и описательного изучения чешских поземельных описей, стремясь установить отношение этих поземельных описей к другим видам сохранившихся первоисточников. Нельзя отрицать при этом значения полученных ими частных выводов и заключений, например, по вопросу датировки отдельных памятников, выяснения палеографических особенностей и т. п. Однако и эти ученые не сумели использовать полученные результаты для воссоздания социальной истории Чехии накануне гуситских войн. Всего ярче выразилось их недостаточное понимание характера и значения поземельных описей для изучения жизни чешского народа в средние века в том, что они единогласно объявляли, что сами урбарии порождены не чешской действительностью, а являются результатом заимствования у западных соседей⁶¹.

Гораздо более плодотворно исследовал чешские поземельные описи А. Н. Ясинский⁶². Ясинский сделал

⁵⁸ См. например, обзор В. Черного: V. Černý. Badania v zakresie, dziejów gospodarczych, a szczególnie rolniczych w Czechosłowacji od r. 1918. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», d. II, 1932—1933, str. 11.

⁵⁹ I. Šusta. Glossy k rožmberskému urbařu. «Český časopis historický», 1906, str. 34 a násl.

⁶⁰ J. Salaba. Příspěvky ke kritice urbařů, pozemkových a jiných knih, katastrů, map, starých účtů atd. «Selský archiv», 1921—1923; Doplnky ke kritice českých urbařů. «Věstník kralovské české společnosti nauk», 1929.

⁶¹ См. например, F. Vacek. Urbáře a pozemkové knihy, str. 12; J. Salaba. Doplnky ke kritice českých urbařů, str. 30.

⁶² А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной

серьезную попытку выяснить условия происхождения урбариев, которые он совершенно справедливо считал явлением, закономерно порожденным социально-экономической обстановкой внутри самой Чехии⁶³. Следует отметить, что в работе о поземельной описи Градищенского монастыря А. Н. Ясинский показывает пример глубокого монографического анализа источника как со стороны его происхождения, так и со стороны заключавшихся в нем сведений⁶⁴.

Но не преодолев методологической ограниченности буржуазной науки, А. Н. Ясинский оказался не в состоянии четко поставить и разрешить вопрос о том, чьи классовые интересы выражают урбарии. Нельзя не признать также, что, привлекая данные поземельных описей конца XIV и начала XV в. для выяснения социально-экономического развития Чехии в XII—XIII вв. и систематически сопоставляя данные поземельных описей с показаниями грамот XIII, XII и даже XI вв.⁶⁵, А. Н. Ясинский в значительной мере лишил свое исследование правильной исторической перспективы.

В самом деле, при таком подходе к памятникам из поля зрения исследователя совершенно выпал вопрос о том, каким образом правильно подмеченные самим Ясинским сдвиги в социально-экономическом положении Чехии, происшедшие на рубеже XIV—XV вв., подготовили Великую чешскую крестьянскую войну XV в.

Историки народно-демократической Чехословакии, уделяя изучению Великой крестьянской войны XV в. большое

и экономической истории Чехии в средние века, т. I. Юрьев, 1901, стр. 26 и сл.

⁶³ В этой связи особо следует отметить, что уже в самом начале XX в. А. Н. Ясинский дал отповедь И. Шусте, пытавшемуся вопреки фактам и исторической правде доказать, что чешские урбарии являются заимствованием у «западного мира». (А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 24—25). Аргументированная критика Ясинским этих лженаучных взглядов вызвала необоснованные нападки И. Пекаржа (см. статью: J. Pečář. K českým dějinám agrárním ve středověku... Český časopis historický, VIII, 1901).

⁶⁴ А. Н. Ясинский. Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии. «Труды Белорусского гос. ун-та», т. XII, 1926, стр. 34 и сл.

⁶⁵ Особенно большое число примеров подобного сравнения и использования материалов урбарием мы находим в третьей главе работы А. Н. Ясинского «Очерки...», стр. 244 и сл.

внимание, привлекли цифровые данные чешских поземельных описей для воссоздания подлинной картины жизни чешских крестьян накануне гуситских войн. Приходится, однако, констатировать, что в этом отношении предпринимаются только первые шаги. Так, в упомянутом выше монографическом исследовании «Табор в гуситском революционном движении» И. Мацек использует сведения, почерпнутые из трех урбариев XIV — XV вв. — Златоко-руньского, Тржебоньского и Страговского. Оставляя в стороне выводы И. Мацека относительно дифференциации чешских крестьян накануне гуситских войн, сделанные на основании недостаточных материалов, следует признать серьезным достижением и самую постановку вопроса о расслоении чешского крестьянства в XIV в., и привлечение для его разрешения данных поземельных описей. Вместе с тем нельзя не отметить, что И. Мацек допускает неточность, рассматривая владения Страговского монастыря как единое компактное целое⁶⁶. Вотчины Страговского монастыря были разбросаны по разным частям Чехии. Страговский монастырь владел в начале XV в. десятком сел в непосредственной близости от своих стен, четырьмя селами на противоположном берегу Влтавы, 16 селами на севере, в долине Огрже, близ Лоуни. Сверх того, монахам принадлежало семь сел недалеко от Колина, несколько сел в юго-западной Чехии, в окрестностях Пацова и, наконец, 18 сел на крайнем юге, между землями Рожмберкского, Фрим-буркского и Крумловского панств Рожмберков.

Значительные препятствия встречает исследователь при изучении чешских поземельных описей XIV—XV вв. Прежде всего необходимо отметить, что до настоящего времени изданы далеко не все из сохранившихся описей того времени. Следует добавить, что сами издания текстов поземельных описей во многих отношениях неудовлетворительны и далеко не всегда снабжены комментарием, глоссарием и прочим необходимым научным аппаратом⁶⁷.

⁶⁶ И. Мацек. Табор в гуситском революционном движении. т. I. М., 1956, стр. 161.

⁶⁷ Исключением в этом отношении является новейшая публикация памятника подобного рода — урбария Тржебоньского монастыря в Южной Чехии, изданного в народно-демократической Чехословакии в 1949 г. А. Крейчиком (Urbář z roku 1378 a účty kláštera Třeboňského z let 1367—1407. Vydal PH DR Adolf Lud.

Нельзя умолчать также о том обстоятельстве, что подавляющее большинство сохранившихся поземельных описей — и это в первую очередь относится к наиболее древним из них — дошло до современного исследователя в виде отрывков, иногда крайне фрагментарных и бессвязных. Работа с поземельными описями усложняется тем, что язык этих памятников отличается всеми качествами плохой средневековой латыни и к тому же обильно насыщен отдельными терминами и оборотами чешских и немецких языков. Во многих местах составители употребляли значки и обозначения, специально придуманные для каждого отдельного случая. Поэтому изучение чешских поземельных описей и использование их требуют значительных усилий⁶⁸. Материалы описей позволяют довольно глубоко проникнуть в сущность революционных событий, взволновавших феодальную Европу XV в. Содержащиеся в урбариях сведения важны для изучения аграрного строя и развития социальных отношений в средневековой Чехии. Приступая к описанию имения или группы имений, входящих в крупную феодальную вотчину, составитель наиболее подробных урбариев сообщает обыкновенно количество поземельных единиц — ланов или дедин в каждом населенном пункте, норму барщинных работ, сумму натурального и денежного обложения с каждой единицы земельной площади, перечисляет земельные держания, указывая количество земли в каждом, титул владения, имя держателя и общую сумму приходящихся на его долю отработок, повинностей и платежей. В заключение он подводит итог всем видам феодальной ренты по каждому селу или хутору. Кроме того, подробные поземельные описи часто содержат и другие важные сведения. Здесь можно найти перечисление сельскохозяйственных культур, засевавшихся в той или иной вотчине, известия о наличии в том или ином населенном пункте домена, данные о коли-

Krejčík. «Historický Archiv», č. 52, v Praze, 1952). Это издание снабжено подробным введением, словарем, указателями, а в приложении помещены другие важные документы, характеризующие хозяйственную деятельность Тржебоньского монастыря в этот период.

⁶⁸ Весьма поучительно в этом смысле высказывание А. Н. Ясинского в одной из последних его статей о том большом напряжении, которого требует работа над средневековыми чешскими урбариями. См. «Труды Белорусского гос. ун-та», т. XII, 1926, стр. 62.

честве подсоседков, работающих, как правило, на этом домене, упоминания о панских стражниках и их вооружении, ценные данные о взимании берны и других налогов, а также свидетельства о наличии в различных пунктах ремесленников и их мастерских⁶⁹. Краткие поземельные описи сообщают лишь часть этих сведений в различных сочетаниях, но почти всегда содержат указания о сумме феодальной ренты в каждом селе или по крайней мере приводят ее нормальные размеры.

Данные сохранившихся поземельных описей дополняются некоторыми уцелевшими документами хозяйственного учета⁷⁰. Эти приходо-расходные ведомости крупных вотчин приоткрывают нам завесу над той стороной исторической действительности, которая не нашла себе ясного выражения в поземельных описях. Последние указывают обычно лишь нормы и сроки обложения крестьян, учетные же книги обрисовывают конкретную практику выкачивания феодальной ренты. Кроме того, эти документы позволяют судить о характере и темпах вовлечения вотчины в товарно-денежные отношения, и их показания в этом

⁶⁹ Материалы, содержащиеся в чешских поземельных описях, являются неоценимым пособием также и для изучения частных вопросов. Так, они дают многое для ознакомления с чешскими монетными единицами и монетным счетом, для установления единиц измерения земельных площадей и других метрологических величин, для уточнения географии, топографии и гидрографии средневековой Чехии. Кроме того, поземельные описи, содержащие большое количество личных и географических имен, составляют прочный фундамент для чешской исторической ономатологии и являются косвенным источником для истории языка.

⁷⁰ В частности, в настоящей работе использованы соответствующие материалы, относящиеся к архиепископству Пражскому, Тржебоньскому монастырю и Новоградскому панству Рожмберков, (*Účet pokladníka arcibiskupa pražského*. Н. А. ч. 37, в Праге, 1912; *Účty kláštera Třeboňského z let 1367—1407*. Н. А. ч. 52, в Праге, 1949; *Purkrabské účty panství Novohradského z let 1390—1391*, Н. А. ч. 35, в Праге, 1909); отрывок инвентаря Бржегновского монастыря (*Zloměk inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394*, в Праге, 1889).

Кроме того, привлечены также грамоты, относящиеся к Роудницкому монастырю (*Diplomatář kláštera blahoslavené Panny Marie řeholních kanovníků řádu sv. Augustina v Roudnici, VKČSN*, в Праге, 1895), Страговскому и другим монастырям.

Наконец, при рассмотрении материала по владениям архиепископства Пражского мы прибегали к показаниям регистра берны (*Registrum bernae in bonis archiepiscopatus pragensis anno MCCCLXXIX^o collectae — DR, XI*).

отношении являются порой прямо-таки уникальными. Ввиду этого мы старались в настоящей работе использовать все доступные нам памятники такого рода.

Нужно отметить, что охваченная поземельными описями (разумеется, не сплошь) территория относительно велика. Особенно ценным является то обстоятельство, что в силу разбросанности монастырских, архиепископских и рожмберкских владений мы получаем одновременные показания о различных по своим географическим и социально-экономическим условиям районах страны ⁷¹. Несмо-

⁷¹ Владения крупнейших магнатов, состоявшие из десятка больших вотчин, не были сплошными территориальными княжествами. Самые богатые и могущественные светские феодалы страны — паны из Рожмберка — владели колоссальными, но не сплошными массивами земель. Главные их вотчины находились на юге Чехии и объединялись в большие вотчинные комплексы — панства. От южных границ страны на север располагались панства Витоньское, Фримбургское, Рожмберкское, Крумловское, Майдштейнское, Новоградское и Витингауское. Далее к северу находились вотчины, составлявшие Буковское, Подегуское и Гельфенбургское панства. Еще ближе к центру страны лежали Хоустницкое, Пришибеницкое, Пришибеническое, Миличинское панства и часть Седльчанских вотчин. На западе, в Плзеньском крае, находились панства Страшицкое и Вильштейнское, а также остальные вотчины обширного Седльчанского панства. Восточнее Праги, в Коуржимском крае, Рожмберкам принадлежали села, входившие в Жижелицкое панство. В общей сложности в руках Рожмберков находились десятки городов, сотни сел, тысячи ланов земли с десятками тысяч крепостных или зависимых крестьян. Но помимо перечисленных владений у панов из Рожмберка были еще земли в Моравии и даже в Австрии (Хазлахское панство), не говоря уже о мелких вотчинах, рассеянных по всей Чехии, домах в Праге и других городах и т. п. Подобным образом были разбросаны по стране и владения других панов или крупных духовных феодалов. Например, Бржевновский монастырь владел многочисленными деревнями, огородами и отдельными дворами в Пражском, Литомержицком и Прахенском краях (юго-запад страны) и обширными вотчинами в Полицком и Броумовском панствах (северо-восток страны). Кроме того, у монастыря были еще не включенные в опись владения в Чехии и Моравии, составлявшие в общей сложности 36 сел. Подобную картину представляли и владения архиепископа Пражского, многих монастырей и других крупнейших феодалов. Некоторые из них владели вотчинами или группами вотчин в соседних государствах и даже далеко от границ Чехии. С другой стороны, и иноземным феодалам принадлежали в Чехии отдельные села, вотчины. Поэтому карта феодальных владений средневековой Чехии, как и многих других стран того времени, представляла собой пеструю и мозаичную картину. Границы отдельных феодальных владений и вотчин были запутаны и переплетены.

тря на всю недостаточность этих сведений, они все же позволяют с известной степенью вероятности наметить некоторые локальные особенности социально-экономического развития охваченных ими областей.

Т а б л и ц а 1

Размещение населенных пунктов Чехии, привлеченных для изучения феодальной ренты XIV - начала XV в.

Наименование	Дата составления описи	Количество населенных пунктов, привлеченных для изучения ренты по районам						
		Крайний юг	Юг	Юго-Восток	Центр	Север	Запад	Всего
Роудницкий монастырь	1338	—	—	—	—	30	—	30
Збраславский монастырь	1342	—	—	—	9	—	—	9
Хотешовский монастырь	1367	—	—	—	—	—	47	47
Тржебоньский монастырь	1378	7	—	—	—	—	—	7
Паны из Рожмберка	1374—1379	181	171	16	—	—	34	402
Островский монастырь	1388—1395	7	—	—	37	5	—	49
Архиепископство Пражское	1390	—	84	88	—	38	5	215
Бржегновский монастырь	1406	—	9	—	35	43	—	87
Градищенский монастырь	1404—1410	—	—	—	—	35	—	35
Страговский монастырь	1410	17	4	7	14	16	—	58
Пражское пробство	1410	—	20	—	—	—	—	20
		212	288	111	95	167	86	959

Хотя составители урбариев, описывая владения феодалов, как правило, не перечисляли населенные пункты в строгом географическом порядке, а зачастую приводили подряд повинности крестьян сел, разбросанных и на юге, и на севере, и на востоке, и на западе, и в центре Чехии, уже при беглом ознакомлении с поземельными описями бросается в глаза различие в характере ренты в разных частях страны.

Впрочем, более обстоятельно мы вернемся к этому вопросу во второй главе.

**Обзор материалов о структуре феодальной ренты
в Чехии XIV—XV вв.**

№№ пп	Наименование панств или округов	Имена владельцев	Дата описа- ний	Количе- ство на- селен- ных пунк- тов, рас- смотрен- ных для изучения ренты	Источники
	К р а й н ы й ю г				
1	Рожмберкское	Паны из Рожм- берка	1374— —1379	75*	RR, str. 1—II, № 1—77
2	Витоньское			16	RR, str. 25—26, № 206—222
3	Фримбуркское			10	RR, str. 26—28, № 223—234
4	Крумловское			36	RR, str. 30—35, № 257—300
5	Майдштейнское			12	RR, str. 35—36, № 301—313
6	Новоградское			17	RR, str. 11—14, № 78—94
7	Витингауское (Тржебоньское)	Тржебоньский монастырь Островский мо- настырь Страговский монастырь	1378 1388— —1390 1410	14	RR, str. 54—56, № 465—480
8	Тржебоньское			7	UT, str. 1—10
9	Затонское			7	DR, V. 71—73
10	Захлумское и Затонское			18	DR, VIII, 221—228
		И т о г о		212	

* И здесь, и во всех других случаях при перечислении населенных пунктов, входивших в состав тех или иных феодальных владений, мы включаем не только целые села, но и части сел.

Преимуществом чешских поземельных описей как исторического источника является то, что содержащиеся в них сведения допускают сопоставление, сравнение и до некоторой степени и статистическую обработку. Ни один вид исторических источников не дает для аграрной и социальной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. подобного рода данных о таком большом количестве населенных пунктов. Для изучения, например, соотноше-

№№ пп	Наименование панств или округов	Имена владельцев	Дата описа- ния	Количе- ство на- селен- ных пунк- тов, рас- смотрен- ных для изучения ренды	Источники
	Ю г				
11	Гельфенбургское	Паны из Рожм- берка	1374— —1379	11	RR, str. 39—41, № 333—359
12	Подегуское			18	RR, str. 37—39, № 314—332
13	Буковское			17	RR, str. 41—43, № 360—378
14	Хоустницкое			28	RR, str. 18—21, № 133—165
15	Пршибеницкое			37	RR, str. 14—17, № 95—132
16	Пршибеническое			32	RR, str. 43—48, № 379—411
17	Миличинское			14	RR, str. 48—50, № 412—426
18	Седльчанское (часть)			14	RR, str. 54—55, № 427—440
19	Тынское			31	DR, VI, 137—145; XI, 342—355
20	Хиновское	Архиепископст- во Пражское	1390	12	DR, VI, 133—137; XI, 355—360
21	Пршибрамское			27	DR, VI, 145—150; XI, 314—337
22	Рожмитальское			14	DR, VI, 107—110; XI, 337—342
23	Волинское	Пражское проб- ство	ок. 1400	20	DR, IX, 302—305
24	Незамыслицкое	Бржевновский монастырь	1406	9	DR, VII, 184—188
25	Пацовское	Страговский мо- настырь	1410	4	DR, VIII, 228—230
		Итого		288	

№№ пп	Наименование панств или округов	Имена владельцев	Дата описа- ний	Количе- ство на- селен- ных пунк- тов, рас- смот- ранных для изучения ренды	Источники
З а п а д					
26	Хотешевское	Хотешевский монастырь	1367	47	DR, IV, 23—41
27	Страшицкое	Паны из Рожм- берка	1374— —1379	17	RR, str. 53--54, № 446—464
28	Вильштейнское			13	RR, str. 21—22, № 166—178
29	Радницкое			4	RR, str. 51—52, № 441—445
30	Рокицанское	Архиепископ- ство Пражское	1390	5	DR, VI, 107
И т о г о				86	
Ю г о - в о с т о к					
31	Погледское	Погледский мо- настырь	Сере- дина XIV в.	—	DR, III, 21—22
32	Жижелицкое	Паны из Рожм- берка	1374— —1379	16	RR, str. 22—24, № 179—196
33	Гералецкое			—	DR, XI 388—392
34	Ржечицкое			61	DR, VI, 113—133; XI, 360—388
35	Крживсоудов- ское	Архиепископст- во Пражское	1390	9	DR, VI, 112—113; XI, 392—396
36	Штепановское			7	DR, VI, 110—112; XI, 396—400
37	Бродское			11	DR, VI, 104—106
38	Колинское	Страговский мо- настырь	1410	7	DR, VIII, 239—251
И т о г о				111	

№№ пп	Наименование панств или округов	Имена влад ельцев	Дата описа- ний	Количе- ство на- селен- ных пунк- тов, рас- смотрен- ных для изучения ренты	Источники
Ц е н т р					
39	Збраславское	Збраславский монастырь	1342	9	DR, X, 309—310
40	Душницкое	Архиепископст- во Пражское	1390	—	DR, XI, 322
41	Влтавско-Сазав- ское	Островский мо- настырь	1388— —1395	37	DR, V, 53—69
42	Костелецкое	Бржевновский монастырь	1406	9	DR, VII, 180—183
43	Клуминское			10	DR, VII, 175—179
44	Бржевновское			16	DR, VII, 155—165
45	Страговское	Страговский мо- настырь	1410	10	DR, VIII, 230—239, 288—296
46	Хаберское			4	DR, VIII, 286—288
И т о г о				95	
С е в е р					
47	Роудницко- Сланское	Роудницкий мо- настырь	1338— —1341	30	DR, II, 4—17
48	Сланское	Островский мо- настырь	1388— —1395	5	DR, V, 70—71
49	Роудницкое	Архиепископст- во Пражское	1390	20	DR, VI, 92—98
50	Гельфенбург- ское			11	DR, VI, 100—103
51	Бехарско-Зер- чицкое			7	DR, VI, 98—100
52	Литомержицкое	Бржевновский монастырь	1406	5	DR, VII, 166—169
53	Полицкое			24	DR, VII, 199—207
54	Броумовское			14	DR, VII, 189—199

№ пп	Наименование панств или округов	Имена владельцев	Дата описания	Количество населенных пунктов, рассмотренных для изучения ренты	Источник
55	Патецкое	Страговский монастырь	1410	16	DR, VIII, 251—286
56	Градищенское	Градищенский монастырь	1410	35	UT, 1—24
Итого				167	

ния величины крестьянских наделов мы на основании поземельных описей располагаем материалами почти по 400 населенным пунктам, а для рассмотрения величины феодальной ренты и установления удельного веса повинностей и платежей — материалами более чем 900 населенных пунктов. Ввиду этого и выводы, получаемые на таком сравнительно обширном материале, не будучи, может быть, абсолютно убедительными во всех отношениях, заслуживают, как нам кажется, определенного внимания.

Из приложенных таблиц видно, что для изучения ренты в настоящей работе использованы сведения по 959 населенным пунктам, которые входили в состав 11 крупных феодальных владений и распределялись неравномерно по всей территории Чехии. В южных и юго-восточных районах страны находилось 611 населенных пунктов, в центральных и северных — 262. Особняком стоят села в западной Чехии (86 населенных пунктов). Прежде, однако, чем приступить к анализу особенностей структуры и эволюции феодальной ренты по этим группам сел в отдельности, следует хотя бы кратко остановиться на тех общих закономерностях в развитии аграрного строя Чехии в XIV—XV вв., которые выявляются на основании привлеченных в настоящей работе источников.

Глава первая

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕХИИ В XIV — XV вв.

В XIV—начале XV в. Чехия была одной из наиболее развитых стран Европы. В этот период наблюдается значительный рост производительных сил во всех отраслях хозяйства. Чешское горное дело выдвигается на ведущее место в Европе. В стране увеличивается число городов, многие из которых стали довольно крупными торгово-ремесленными центрами. Растет объем внутренней торговли, крепнут торговые связи, иногда даже с отдаленными странами. Значительный прогресс наблюдается и в сельском хозяйстве¹. Но этот хозяйственный подъем не меняет существа феодального способа производства, феодальные производственные отношения все еще соответствуют в основном характеру производительных сил.

Одна из особенностей чешских поземельных описей, положенных в основу настоящей работы, состоит в том, что сведения о технике сельского хозяйства, проскальзывающие в них, редки, случайны и недостаточно определены. Несколько более обширны данные о составе сельскохозяйственных культур, об общем характере земледелия и скотоводства. Зато весьма многочисленны и неоценимы по своему значению материалы, рисующие усиление феодального гнета и все более ухудшающееся положение непосредственных производителей — крестьян. Ввиду этого

¹ О развитии сельскохозяйственного производства в Чехии до середины XIII в. см. работу: F. Graus. *Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské*.

нижеследующие замечания о сельскохозяйственной технике ни в коей мере не могут претендовать на полноту и исчерпывающую глубину исследования.

В сельском хозяйстве Чехии, все более втягивающемся в товарно-денежные отношения, в изучаемый период наблюдается дальнейшее развитие производительных сил. К этому времени трехпольная система земледелия давно уже занимает господствующее место в стране. Наличие трехполя и четкое разграничение между озимыми (*Huematica*) и яровыми (*Estivalia*) культурами отмечается во всех поземельных описях, начиная с наиболее ранних. Это находит свое выражение в точной регламентации крестьянских повинностей, где указывается, какие именно хлеба должны убирать крестьяне,—озимые или яровые, либо какие поля им надлежит пахать и по сколько дней. Иногда указываются и размеры, выраженные в ланах* или других единицах измерения. Кроме зерновых культур (пшеница, ячмень, рожь, овес), часто встречаются указания на просо. лен и на коноплю, которые в связи с ростом товарно-денежных отношений занимают все большее место как в барском, так и в крестьянском хозяйстве. На юге, в частности, выделяются уже районы сплошного льноводства. Наконец, немалое значение имеет разведение гороха и репы.

Что касается непосредственно техники земледелия, то само собою разумеется, что для полного разрешения свя-

* Единицей измерения земли, наиболее часто употребляемой составителями поземельных описей, являлся лан. Из источников известно, что эта мера не была одинаковой в разное время и в разных пунктах. В документах упоминаются ланы малые, большие, королевские, господские, сельские, а также ланы различных областей. Иногда вместо лана в качестве единицы измерения выступают дедина (*hereditas*), поле (*ager*), плуг (*aratrum*), земля (*tega*), а также такие меры, как загон, рейт, манс и др. При этом составители поземельных описей часто приравнивают их к лану. Как показывает материал поземельных описей, наделами в лан и больше владела только незначительная часть крестьян. Основную массу сельского населения составляли держатели полулановых и четвертьлановых (или приближающихся к ним по величине) участков. Другой единицей измерения является подсоседский участок (*area subsidialis*), представляющий собой типичный карликовый надел крестьянина, лишённого, как правило, рабочего скота. Величина этой меры не может быть определена с точностью даже для одной какой-либо местности, ибо не только ланы были различной величины, но и со-

занных с нею вопросов необходимо привлечение данных археологии².

Поскольку большие тяжелые колесные плуги, которые в этот период распространяются в чешских землях, требовали использования значительной тягловой силы, они могли находить применение главным образом в хозяйствах крупных феодалов и лишь в редких случаях в собственно крестьянских хозяйствах. Косвенным показанием об отсутствии больших плугов у крестьян является упоминание в урбарии Рожмберкских владений, свидетельствующее, что при обработке барской земли такими плугами крестьянские хозяйства вынуждены были объединяться, чтобы обеспечивать тяжелому барскому плугу необходимую тягловую силу³. Большая часть крестьянских наделов обрабатывалась преимущественно легкими плугами или даже сохами. Не приходится сомневаться, что и господская земля обрабатывалась в значительной части такими же крестьянскими сохами.

Что касается удобрения почвы, то в изученных источниках содержатся лишь указания на соответствующий инвентарь, в частности, встречаем упоминание о повозке для перевозки удобрений («*Currum pro fimum*») для огородов («*fimare ortos et fimum inducere super ortos*»)⁴.

стояли из различного числа единиц меньшего размера, называвшихся югерами. Так, в описях, вошедших в сборник Эмлера, мы встречаем ланы мерой в 60, 64, порой 72, иногда даже и 96 югеров. Иногда величина ланов варьирует даже в пределах одного населенного пункта. Определить с точностью величину лана весьма затруднительно. Нам кажутся наиболее обоснованными подсчеты А. Крейчика, установившего величины некоторых ланов в Чехии в 10,2; 17,7 и 35,9 гектара. А. Krejčík. *Míry, Váhy...* str. 6.

² F. Gauss. Указ. соч., стр. 91—95.

³ Этот пример находится в описании села Штиптонь, где в одной его части насчитывалось 19 участков, держатели которых должны были отбывать барщину совместно с каждых двух наделов: «*Item duo reut simel debent terna vice arare per 3 dies*». Другие хозяйства в этом же селе, где были меньшие участки, должны были выполнять барщину на равных основаниях с первыми за исключением того, что *in aratura debent se ex istis tres simel componere et simel arare*. RR, str. 12, № 85. На этот пример обратил внимание еще Ясинский. См. А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 178—179.

⁴ DR. VI. 101, 109 и др.; ср. также УН, str. 20; относительно возов для навоза. (см. УТ, 17). Упоминание об удобрении полей находим и в приходе-расходной ведомости Новоградского панства, где крестьянин, возивший навоз на поля (*Silgero qui duxit fimum super agros*), получил 6 грошей. Historický Archiv, č. 35, str. 38.

О распространении удобрений говорит тот факт, что монахи Осецкого монастыря продавали крестьянам для нужд их хозяйства овечий помет из монастырских хлебов⁵.

В целом, общий уровень техники обработки земли в Чехии XIV в., несмотря на известное улучшение по сравнению с предшествующим периодом, соответствовал классическому определению В. И. Ленина, указывающему, что условием и следствием феодально-крепостнической системы хозяйства «было крайне низкое и рутинное состояние техники»⁶.

Это не исключало, разумеется, определенного технического прогресса. Известный подъем сельскохозяйственного производства в этот период проявляется в улучшении техники помола зерна. Значительно возрастает количество водяных мельниц, начиная с XIII в. упоминаются и ветряные⁷. Особенно поражает обилие мельниц в южной Чехии.

Показательно, что в числе мельниц в XIV в. встречаются мельницы, имеющие по 4, 5, 6, 7, 8, 9 и даже по 10 колес⁸. Производственное назначение и применение мельниц было неодинаковым. Большая часть мельниц была невелика и они облагались примерно в тех же размерах, как и пол-лана земли. Были и такие мельницы, держатели которых платили* феодалам по несколько

⁵ F. V a s e k. Emfyteuse v Čechách. ČDV, r. VIII, 1921, str. 193.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

⁷ V. P r a s e k. Zerna-mlyny. «Selský Archiv», r. II, 1903, str. 27.

⁸ DR, VI, 141; VII, 187, 188; VIII, 252; IX, 306; см также V. P r a s e k. Zerna-mlyny, str. 25 a násl.

* Как известно, в XIV в. в Чехии существовала единая монетная система, основой которой была серебряная монета — пражский грош. 60 грошей составляли счетную единицу — копу.

Однако наряду с этим во многих местах Чехии (особенно на юге страны, где располагался основной массив владений панов из Рожмберка), существовал счет на марки, одна марка равнялась 64 гр. Мелкой разменной монетой служили денары и галлержи. Обычно грош приравнивался 6—7 денарам, денар — 2 галлержам. 30 денаров носило особое название — солид. 8 солидов составляли особую счетную единицу — либру или талант, равнявшийся, таким образом, 240 денарам. Распространен был счет и на фертоны, обычно равнявшиеся 16 гр. Иногда в XIV в. в Чехии чеканилась и золотая монета, имевшая малое распространение.

Таким образом, несмотря на то, что после денежной реформы 1300 г. чешского короля Вацлава II, пражский грош имел самое

коп грошей, т. е. столько, сколько платили целые деревни⁹.

Значительная часть мельниц находила себе применение не только для помола зерна и изготовления различных сортов круп. Известно, в частности, применение мельницы в горнодобывающей промышленности для размолота золотоносной и сереброносной руды¹⁰. В поземельных описях встречаем упоминание о мельницах, использовавшихся в лесопильном деле (*molendinum cum sarra*)¹¹.

Водяной двигатель применялся и в других отраслях средневековой промышленности, особенно в железо-плавильном деле. Позднее появились пороховые и бумажные мельницы. В XIV в. количество мельниц в стране было уже весьма велико и исчислялось сотнями.

Кроме хлебопашества в чешских землях в XIV—начале XV в. достаточно сильно были развиты огородничество, садоводство и виноградарство. Документы неоднократно упоминают плодовые сады (*romaria*), где выращивались яблоки, груши, сливы и орехи, иногда даже персики; огороды (*horti*), где произрастали горох, чечевица, репа, свекла, брюква, лук, чеснок, салат, укроп, капуста, мак и всякие приправы — сельдерей, тмин.

Огородничество вблизи городов, как показывают дан-

широкое хождение как в Чехии, так и за ее пределами, денежное обращение в стране отличалось пестротой.

По сравнению с продуктами сельского хозяйства промышленные изделия были дороги. Локоть сукна стоил от 3 до 5 гр., топор — 3 гр., колесо для телеги — 4 гр.; в то же время за 50—60 гр. можно было купить лошадь (конечно, стоимость породистого коня могла быть во много раз большей), за 30—35 гр. — корову, за 7—10 гр. — свинью, а за 1 гр. — 2—4 курицы.

Не следует забывать, что качество чешской монеты в течение второй половины XIV в. неуклонно ухудшалось. В конце XIV—начале XV в. серебряные пражские гроши стали чеканиться все реже, не говоря уже о том, что курс их упал по отношению к дукату (золотому) с 12 до 23 за один дукат. Зато все больше появлялось мелкой разменной монеты — галлержей, носивших название нуммов, патавиензов, пеннзей и др. При этом курс мелкой монеты падал значительно быстрее курса гроша. См. K. Castelin. *Ceská drobná mince...* str. 143.

⁹ RR, str. 15, № 115; DR, VI, 141; VII, 169, 187 и DR, I, 1; II, 5, 12, VII, 163, 164, 179 и др.

¹⁰ DR, VII, 188; RR, str. 15, № 115.

¹¹ V. P r a s e k. *Žерна-mlyny*, str. 26; RR, str. 5, № 19.

ные поземельных описей, было тесно связано с рынком, в связи с чем среди владельцев огородов следует различать две категории. Мелкие огородные участки имелись в хозяйствах большинства крестьян, а у беднейших являлись почти единственным источником существования. Наряду с этим источники позволяют выделить крупные хозяйства зажиточных крестьян, специализирующихся на продаже огородных и садовых культур. О размерах этих хозяйств и о их товарном характере позволяют судить поражающей своей величиной суммы денежных чиншей. Известны случаи, когда с сада или огорода уплачивался денежный чинш, равный или даже превышающий сумму денежных поступлений с целых сел—3—4, в отдельных случаях 5 и свыше 5 коп грошей¹².

Значительное место в сельском хозяйстве чешских и моравских земель занимало виноградарство, особенно распространенное на юге Моравии, а также в центре Чехии — в окрестностях Праги. Виноградники встречались во многих имениях как светских, так и духовных феодалов. При этом иногда попадались владельцы половины, четверти и даже восьмой части виноградника. Небольшие виноградники входили также в состав крестьянских держаний и облагались десятиной¹³.

В связи с растущим обменом количество виноградников постоянно увеличивается. К XV в. поступления от продажи вина составляли существенную долю в доходах крупных светских и монастырских владений. Расширение площади под виноградники ложилось дополнительной тяжестью на плечи крестьян. Отмечены случаи, когда общинные угодья или крестьянские наделы превращались в господские виноградники. Кроме того, обработка виноградников, требовавшая (особенно в первый период после их основания) большого труда, возлагалась пана-

¹² Огородница Манда, проживавшая около Бржевнова, платила 4 копы 20 гр. в год, Клишон — 4 копы, а огородник Шиндел платил 5 коп 10 гр. в год. DR, VII, 155—156.

¹³ Например, во владениях Страговского монастыря упоминается курия на горе Петржин, которая «*per vineas de novo plantatas et lapidum fracturas est in parte minorata. Et est notandum, quod omnes vinee monte in Petryno in dicta curia al/1/odiali plantate vel/que/adhuc in posterum plantabuntur, debent et tenentur decimas vini dare et solvere tamquam dominis fundi secundum modum et cursum aliarum vinearum*». DR, VIII, 297.

ми опять-таки на плечи крестьян и входила в состав барщинных повинностей, общее количество которых неуклонно росло. В ряде случаев поземельные описи точно перечисляют характер и порядок производимых на виноградниках операций¹⁴.

Уже с древних времен большое хозяйственное значение имело хмелеводство, послужившее основой для расцвета чешского пивоварения. Поземельные описи упоминают в составе феодальных вотчин многочисленные участки, засеянные хмелем, в связи с чем на крестьян возлагались особые повинности — изготавливать и втыкать колья, по которым вился хмель, подвязывать его к ним, собирать и заготавливать его впрок¹⁵. Во многих случаях хмельники были и у крестьян, о чем можно судить на основании того, что хмель входил в состав продуктов, которые крестьяне обязаны были вносить феодалу в качестве натуральных взносов.

Следует заметить, что производство виноградного вина и пива в больших феодальных поместьях на продажу являлось свидетельством роста товарно-денежных отношений, устанавливающейся и крепнущей связи феодального хозяйства с рынком. Это налагало на крестьян дополнительные обязанности. Так, к примеру, в селе Тржесовице (Страговского монастыря) крестьяне обязаны были перевозить аббату вино («*domino abbati vinum*») на семь миль в округности¹⁶.

Состояние животноводства сравнительно слабо отражено в поземельных описях. Но даже рассеянные по описям разрозненные и случайные упоминания позволяют сделать несколько не лишенных некоторого значения наблюдений. Так, особое место в животноводстве Чехии XIV—XV вв. занимает разведение овец, представлявшее

¹⁴ «*Primo vineam custodiam debent laborare in hunc modum, videlicet quod in primo labore debent totam vineam disco/o/perire. post hoc decidere et demum fodendo consummare*» — так определяет порядок этих работ в селе Тржесовице поземельная опись Страговского монастыря. DR, VIII, 291; ср. DR, II, 4, 12—14 и др.

¹⁵ Например, в селах Бртна, Хржеловице, Липице, Тьехораз, Попелиштна и др. зафиксирована обязанность *humulum capere* (DR, VI, 115—118, 121, 123; VIII, 293). В Градищенском урбарии употребляется более неопределенный термин «*in humulo laborare*» наряду с обязанностью «*tycze pergere*» (UH, str. 8, 9, 10, 11, 14, 16—17 и др.).

¹⁶ DR, VIII, 292.

собой в то время одну из наиболее тесно связанных с рынком отраслей сельскохозяйственного производства. Поземельные описи позволяют установить резкое возрастание удельного веса овцеводства в экономике отдельных районов страны. Например, в селах Роудницкого и Збраславского монастырей, расположенных на севере Чехии, в первой половине XIV в. не встречаем никаких определенных указаний о разведении овец, а в соседних и частично даже в тех же селах, вошедших в поземельную опись Страговского монастыря, овцеводство приобрело к началу XV в. уже массовый характер¹⁷. Поземельные описи дают возможность установить и районы особо интенсивного разведения овец. Такими являются в начале XV в. северные и центральные районы Чехии, где были расположены владения Градищенского монастыря и часть вотчин Страговского монастыря.

Рост овцеводства объясняется увеличивающимся спросом на шерсть в связи с дальнейшим развитием сукноделия. Как известно, сукноделие в Чехии к началу XV в. получает большой размах. Хотя в Чехию ввозились тонкошерстяные ткани из Фландрии и Северной Италии, но грубые чешские сукна шли не только на местный рынок, но и представляли собой предмет вывоза в другие страны¹⁸.

О месте овцеводства в системе феодального хозяйства красноречиво свидетельствует, например, приходо-расходная ведомость архиепископства Пражского, согласно которой от продажи шерсти в 1382—1383 гг. было выручено 39 коп грошей, в то время как чинш с целого панства, насчитывавшего 90 сел, составлял 145¹/₂ коп¹⁹.

Развитие овцеводства влекло за собой увеличение господских пастбищ, в связи с чем феодалы усиливают наступление, с одной стороны, на остатки общинных угодий, а, с другой, захватывают крестьянские наделы. Так, в первом десятилетии XV в. во владениях Градищенского монастыря, где имелось большое количество овец как

¹⁷ DR, VIII, 237, 238, 241, 261, 266, 267, 270, 287 и др.; UH, str. 2, 4, 8, 9, 10, 11, 20, 21 и др.

¹⁸ См., например, F. Graus. Soukenictví v době předhusitské str. 75, 108—109; А. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, Прага, 1935; т. II, Прага, 1947.

¹⁹ «Učet pokladníka arcibiskupství Pražského z let 1382—83», «Historický Archiv», č. 37.

в монастырских, так и в крестьянских хозяйствах, право пользования выпасами и лугами было до крайности стеснено и строго регламентировано монастырской администрацией. За выпас отдельных видов скота для крестьян были установлены специальные платежи — *plaske* и *оравне*²⁰. Во владениях Страговского монастыря крестьянам сверх обычных барщин вменялось в обязанность мыть, чесать и стричь овец.

В связи с развитием господского животноводства в крупных вотчинах наблюдается повышенный интерес к луговому хозяйству. Об этом можно судить по распространенности и разнообразию соответствующих отработочных повинностей. Наряду с общей формулировкой «*in prato laborare*», «*laborare in feno*»²¹, встречается перечисление различных работ: «*fenum falcastrare*», «*fenum falcare et siccare: prata exsiccare; fenum siccare et in accervos componere; fenum siccare et congregare; fenum congregare et disponere; de feno cumulum cumulare*», а также многочисленные указания на перевозки сена («*fenum ducere*») ²². Трудно судить, насколько широко применялось травосеяние, но, во всяком случае, в поземельных описях встречаются отдельные упоминания о вике ²³.

Помимо животноводства и птицеводства в Чехии было распространено и пчеловодство. Особенно многочисленные сведения о нем находим в поземельных описях феодальных вотчин, расположенных на юге Чехии и Моравии. Во владениях панов Рожмберкских мы встречаем упоминание о большом количестве пасек в составе барского хозяйства и о меде в числе натуральных платежей крестьян.

Нельзя не отметить, что очень большое место в феодальном хозяйстве занимает рыболовство и рыбозаведе-

²⁰ УН, str. 2; № 37, str. 6; № 45, str. 7—8; № 47, str. 9; № 49, № 50 и т. д. Ср. также А. Н. Ясинский. Поземельная опись Градищенского монастыря, стр. 34.

²¹ УН, str. 6, 10, 11; DR, VIII, 231; RR, str. 23, № 191 и др.

²² DR, VIII, 257—260; VII, 181—183; VI, 114; VII, 159, 160, 164, 165; VI 100; VIII, 223; RR, 22—23. № 187—188.

²³ Так, например, упоминания о вике находим в хозяйстве Тржебоньского монастыря (УН, str. 29, 104); среди припасов Костелецкой вотчины Бржевновского монастыря названы «*vicia duo currus*». *Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394*, VKČS, IV, v Praze, 1889, str. 292.

ние. Последнее особенно развивается в Чехии и Моравии в рассматриваемое время. Показательно, например, что в приходной ведомости архиепископства Пражского (1383 г.) выручка от продажи рыбы из монастырских владений превышала 200 коп грошей, в то время как чинш с самого большого панства, принадлежавшего архиепископству,—Ржечицкого, где насчитывалось около 90 населенных пунктов, составлял лишь 145¹/₂ коп²⁴. Разумеется, что такие высокие доходы получались, главным образом, не за счет лова рыбы в реках, озерах и других естественных водоемах, а за счет развития целой сети искусственных прудов, садков и тому подобных сооружений (piscina, rybnik). Такие искусственные водоемы и обслуживающие их люди неоднократно упоминаются в поземельных описях, особенно во владениях архиепископства Пражского, панов Рожмберкских и Лихтенштейнских²⁵. Впрочем, и во владениях Страговского монастыря встречаются отдельные села, где имелось по три—пять и даже шесть прудов²⁶. В этих искусственных водоемах разводились ценные виды рыб — карпы и другие виды²⁷, которые продавались не только на местных рынках, но и вывозились за пределы страны. В частности, в Вене упоминается специальный налог на ввозимую из Чехии рыбу²⁸. Вообще, необходимо отметить, что искусственное рыборазведение носило с самого начала ярко выраженный товарный характер и составляло одну из существенных доходных статей в хозяйстве некоторых феодалов.

Следует подчеркнуть, что развитие рыбного хозяйства феодалов тяжело отражалось на положении крестьян. Не говоря уже о том, что лов рыбы в реках, озерах был одной из бесчисленных феодальных привилегий, строго охраняе-

²⁴ «Učēt pokladníka...», str. 14.

²⁵ DR, VI, 92, 93, 98, 100, 108, 131, 142, 145, 146. См. также таблицы введения Лихтенштейнского урбария. (Das Urbar der Lichtensteinischen Herrschaften, Reichenberg und Komotau, 1930).

²⁶ DR, VIII, 236, 253.

²⁷ Purkrabské učty panství Novohradského z let 1390—1391. K vydání upravil Josef Susta. «Historicky Archiv», č. 35, 1909.

²⁸ F. Teplý. O rybníkařství v Čechách do husitských válek. VČZM, r. VIII, 1935, str. 16—17. «Vert ein Mann mit einem eunzwangen, Behem Hinten oder mit Vischen, der gebt 60 Phennige». Так, например, Рожмберки привозили рыбу для продажи в Пассау (F. T a d r a. Styky Čech z cizinou, v Praze, 1897, str. 181).

мых феодальным законодательством²⁹, необходимо учитывать, что сооружение искусственных водоемов, содержание их и лов рыбы в большинстве случаев производились зависимыми крестьянами в порядке выполнения барщин³⁰. Кроме того, массовое распространение искусственного рыборазведения шло за счет дополнительного изъятия феодалами наиболее подходящих для этого участков из пользования крестьян³¹.

Лесное хозяйство и связанные с ним промыслы с давних времен были распространены в чешских землях. Поземельные описи дают при этом некоторую возможность определить специфику лесного хозяйства в различных вотчинах. В то время как во владениях Роудницкого, Страговского и Градищенского монастырей при описании господских лесов часто применяется приблизительное измерение площадей леса или просто о нем говорится, что он «не измерен»³², то на юге, в имениях панов из Рожмберка и Лихтенштейнских (в Моравии) видим скрупулезность, с какой составители поземельных описей измеряли площади и определяли границы лесных участков, даже устанавливая сравнительную их оценку. Во многих случаях источник даже дает определение породы деревьев³³,

²⁹ F. Vasek. Soudnictvi v Čechách, ČDV, XII, 1925, str. 152.

³⁰ Правда, во владениях панов из Рожмберка, как это можно видеть из прихода-расходной ведомости Новоградского панства, крестьяне, участвовавшие в сооружениях искусственных прудов, получали определенную плату, но это было распространено главным образом только на юге страны. «Učet pokladníka», str. 32.

³¹ Хотя поземельные описи и не содержат прямых указаний на расширение площади, отводимой для строительства прудов за счет крестьянских земель, многочисленные данные об этом находим в хрониках XIV в., в частности, в хронике Бенеша из Вайтмюля (см. «Fontes rerum bohemicarum», t. IV, v Praze, 1884, str. 516, 530 и др.).

³² «Item ibidem est una silva, que se extendit, ut dicitur, ad 10 vel citra laneos» (село Свепаз). DR, VIII, 224; ср. стр. 229. «Item ibidem est una silva copiosa, que se extendit, ut dicitur, ad 15 laneos»; ср. DR, VIII, 236; «Item silva pro curia circa vel citra unum laneum». В имениях Роудницкого монастыря размеры леса обычно не определялись. DR, II, 4, 9.

³³ Так, например, в Страшицком панстве встречаем следующее описание: «Silva Kuskov et chlum montes continet 11½ lan et XVIII strich. et habent se mixto modo scilicet dubowy mladkyowy chwojowy osykowy et brzezowy». RR, str. 54, № 464; ср. также str. 51, № 439, str. 20, № 160.

а также указывает на пригодность для того или другого использования ³⁴.

О размахе лесного хозяйства свидетельствует и то обстоятельство, что лес из крайних южных пределов Чехии сплавлялся по рекам в Прагу и дальше на север; сплавные операции подобного рода зарегистрированы во владениях некоторых монастырей ³⁵. Если к тому же мы припомним, что на юге находилось большое число мельниц и были лесопилки, приводимые в движение водой, и свяжем это с продажей феодалами лесоматериалов, то придем к выводу, что в южных районах страны существовало уже рационально налаженное лесное хозяйство феодалов, тесно связанное с рынком.

Наряду с земледелием, скотоводством, луговым и лесным хозяйством в чешской деревне имелось и развитое ремесло, служившее дополнением крестьянского хозяйства ³⁶. В поземельных описях засвидетельствована значительная разветвленность сельского ремесла. Большинство видов ремесла было связано с обработкой продуктов сельского хозяйства и обслуживало потребность самих производителей. К таким видам ремесла относились прежде всего домашнее прядение и ткачество, изготовление льняного и конопляного масла, пивоварение и солодоварение, засолка мяса, рыбы и овощей ³⁷. Но наряду с этим некоторые виды ремесла уже с самого начала более или менее регулярно поставляют изделия на рынок, в связи с чем и самое их производство приобретает характер товарного производства, основой которого является обще-

³⁴ RR, str. 23, № 196.

³⁵ Например, в селе Тржесовице крестьяне «item strues de Zachlum, quando veniunt, tenentur extrahere de aqua cum familia monasterii». DR, VIII, 292.

³⁶ Следует оговориться, что данные поземельных описей, положенных в основу настоящего исследования, дают недостаточно сведений о сельском ремесле и его развитии. Мы находим в них, главным образом, перечисление ремесленных профессий, свидетельствующее о далеко зашедшем разделении труда в этой области, а также постоянные указания на то, что ремесленники являются держателями земельных участков. Кроме этого, можно отыскать сведения о платежах и повинностях сельских ремесленников, но вопросы о характере и формах их труда, об их организации, количестве и качестве изготовлявшейся продукции, о ее рыночной стоимости остаются, к сожалению, неосвещенными.

³⁷ DR, V, 56, 77; VI, 102, 125, 144, 145; VII, 177, 192, 199 и др.

ственное разделение труда. Таково кузнечное дело, сапожное, портняжное, шорное, выжигание извести и т. д. Еще более тесно были связаны с рынком и приобрели ярко выраженный товарный характер такие отрасли сельского ремесла, как лесопильное дело, гончарное производство, стекольное дело, бочарное производство и др. Да и такие виды ремесла, как ткачество и солодоварение, вырабатывавшие ранее продукцию исключительно для удовлетворения потребностей крестьян, изготовлявших эти продукты, теперь во все большем количестве поставляли свою продукцию на рынок.

При наличии в ряде сел довольно большого количества различных ремесленников, неудивительно, что поземельные описи упоминают о рынках как о месте торговли, о рыночных днях, о предметах торговли, о ценах и торговых пошлинах³⁸, а также о многочисленных лавочниках и корчмарях³⁹.

Несмотря на значительные достижения чешского крестьянства в области развития производительных сил страны, необходимо подчеркнуть, что в целом техника земледелия отличалась типичной для средневековья примитивностью, застойностью и традиционным воспроизведением одних и тех же приемов.

Низкая урожайность и примитивность земледельческой техники делали крестьянское хозяйство беззащитным перед всякого рода стихийными бедствиями.

Ухудшение положения чешского крестьянства вызывали эпидемии, довольно частые в Чехии второй половины XIV — начала XV в. Правда, «черная смерть» (чума) середины XIV в. не произвела на территории чешских земель такого опустошения, как в других странах Европы, но тем не менее еще в 60-х годах отголоски этого общеевропейского бедствия давали себя чувствовать в виде ряда повторяющихся вспышек чумы, которые зарегистрированы в 1361, 1367, 1369, 1370, 1372 гг. В 1380 г. имела место новая и гораздо более острая эпидемия «*pestilencia magna*», распространившаяся не только в Чехии, но и в Моравии и отмеченная многими источниками. Обязатель-

³⁸ DR, VI, 125, 142; VII, 166, 177, 188, 212; IX, 307.

³⁹ DR, IV, 42; VI, 104, 125, 142; VII, 189, 191, 214; VIII, 259; X, 319, 320, 346, 386 и др.

ным спутником чумы являлся голод, также отмеченный в документах. Через десять лет вспышка эпидемии повторилась еще раз, а в 1410 г. в южных областях Чехии опять зарегистрирована эпидемия и, наконец, в 1415 г. снова упоминаются чумные заболевания ⁴⁰.

Тяжелым бедствием для чешского крестьянства, значительно тормозившим развитие производительных сил страны, являлись и феодальные междоусобия. Они сопровождались всегда пожарами, грабежами, насилиями, уничтожением посевов, конфискацией скота и невероятным повышением всех видов налогового обложения. Неудивительно поэтому, что поземельные описи пестрят сообщениями о пустых и невозделанных полях (*lanei deserti*), сгоревших крестьянских домах и т. п.

Несмотря на все неблагоприятные факторы, задерживавшие поступательное движение, Чехия переживала в изучаемый период значительный подъем производительных сил как в городском ремесле, так и в сельском хозяйстве.

Охарактеризованные выше отрасли сельского хозяйства хорошо известны и по документам предшествующего времени ⁴¹, но уже к концу XIV в. соотношение между ними несколько меняется. На первый план постепенно выдвигаются такие отрасли, продукты которых легче всего могут быть реализованы на рынке. Товарно-денежные отношения все более властно втягивают в свою орбиту как хозяйство крестьянина, так и крупного землевладельца-вотчинника. Укрепление рыночных связей вотчины с окружающим миром повышает заинтересованность феодалов в сельскохозяйственных продуктах и является стимулом к наступлению на непосредственного производителя продуктов сельского хозяйства — крестьянина и вызывает значительные изменения в самой структуре феодальной вотчины.

* * *

При изучении аграрного строя средневековой Чехии большое значение имеет рассмотрение феодальной вотчины, которая сосредоточивала в себе противоречия, свой-

⁴⁰ F. Graus. Chudina městská..., str. 125—127.

⁴¹ F. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách..., d. I.

ственные феодальному способу производства. Однако чешские поземельные описи далеко не всегда в достаточной степени освещают все особенности вотчинной структуры и не позволяют разрешить многие существенные проблемы. Так, поскольку все имеющиеся в нашем распоряжении урбарии составлены в крупных феодальных владениях, было бы напрасным пытаться разрешить на их основании вопрос о соотношении крупных, средних и мелких феодальных вотчин. В связи с этим не представляется возможным и уловить особенности феодальной ренты в феодальных владениях различного размера.

Характеризуя чешскую вотчину конца XIV — начала XV в. на основании поземельных описей, следует оговориться, что источник не применяет по отношению к вотчинам какого-либо одного термина. Это затрудняет выделение в составе крупных феодальных владений, охватывающих иногда сотни сел, разбросанных в различных районах Чехии, отдельных вотчин. В самом деле, авторы описей при их составлении обычно механически перечисляли села, сливая, таким образом, вотчинные комплексы и лишая в большинстве случаев современного исследователя возможности четкого проведения границ между различными вотчинами. Только в некоторых крайне немногочисленных случаях указание о повинностях крестьян нескольких сел, концентрирующихся вокруг господского хозяйства, позволяет с определенной уверенностью говорить об очертаниях вотчин.

Как известно, типичная вотчина является объединением господского домена с крестьянскими (вилланскими) и свободными держаниями. Из многих видов возможных сочетаний этих элементов в чешских поземельных описях чаще всего встречаются соединения домена с держаниями зависимых крестьян, а также соединение всех трех в едином вотчинном комплексе. Кроме того, сравнительно часто встречаются вотчины, состоящие из одних несвободных держаний, реже — из одного домена. Еще более редки случаи, когда в вотчине имеются и свободные и несвободные держания при отсутствии господской земли. Возможные сочетания домена со свободными держаниями и вотчинная структура, сводящаяся к одним последним, вовсе не засвидетельствованы в источнике. К сожалению, большие затруднения при определении границ домена,

свободных и несвободных держаний и недостаточность цифровых данных о земельной площади составных частей вотчины не позволяют определить размеры и наметить сколько-нибудь точные соотношения между ними. Так, например, большинство указаний на господский домен дается в поземельных описях в общей форме⁴². На юге часто упоминаются просто «*aratura dominum*»⁴³. Поскольку термин «*aratura*» не дает представления о величине соответствующего участка, невозможно судить, какую часть земельной площади в данных селах и в целых вотчинах занимает господский домен. Однако при изучении документов все же создается впечатление, что основной земельный фонд сосредоточен в руках несвободных держателей⁴⁴. Тем не менее это заключение не поддается подтверждению цифровым материалом.

При изучении хозяйственной жизни чешской феодальной вотчины на рубеже XIV—XV вв. прежде всего следует поставить вопрос о том, какие факторы составляют специфику ее развития на данном этапе. Для ответа на этот вопрос обратимся в первую очередь к наиболее крупному комплексу феодальных вотчин — архиепископству Пражскому.

Владения архиепископства приближались по своей территории к размерам целых государств. Расположенные в различных районах Чехии, отчасти в Моравии, а также во владениях Габсбургов и Виттельсбахов, имения архиепископства объединялись в группы, которые в силу совпадения с церковно-административным делением страны обычно разделяются по церковным округам — дистри-

⁴² DR, VII, 151—154; «*Item curia Tyn ante monasterium cum duabus araturis*»; «*Item tota villa Kuzen*». «*Item curia cum 5 araturis*». «*Item tota villa Hrdly et curia cum duabus araturis*». Ср. DR, VII, 155, 159, 166, 189 и DR, VIII, 238, 239, 248, 252, 278, 279 и др.

⁴³ DR, II, str. 3, 7, 9.

⁴⁴ Такой вывод, к которому неизбежно приходишь уже при беглом ознакомлении с материалами чешских поземельных описей XIV—XV вв., конечно требует дополнительного подтверждения и может явиться окончательно установленным только после тщательного анализа соответствующих указаний источников. Рассмотрение характера и движения ренты, которое мы предпримем в следующей главе, явится серьезным подспорьем для доказательства выдвинутого нами положения. Косвенным свидетельством того, что крестьянской земли было значительно больше, чем господской, может служить установление факта преобладания денежной ренты.

ктам. В урбарии 1390 г. описаны не все архиепископские владения. Это частично дополняется данными регистра берны 1379 г.⁴⁵

К сожалению, только немногие села могут быть объединены в определенные вотчинные комплексы. Прямых указаний на такие группы в поземельной описи 1390 г. не содержится вовсе, но в берновом регистре в списках владений трех дистриктов — Пршибрамского, Тын-Бехинского и Ржечицкого — составитель группировал села, соединяя несколько подряд идущих названий фигурной скобкой и выставляя сбоку порядковый номер. Не имея возможности доказать с очевидностью, что в этих случаях нумеровались группы сел, объединяющиеся по мнению составителя в определенные хозяйственно-топографические единства, мы все же считаем такое предположение наиболее вероятным. В таком случае в Тын-Бехинском дистрикте должно было быть 8, в Пршибрамском — 10 и в Ржечицком — 20 вотчин, насчитывающих иногда 8—10 населенных пунктов⁴⁶.

О масштабах и организации архиепископского хозяйства говорят следующие данные урбария, впервые использованные В. Томеком в его истории города Праги.

В той части архиепископских владений, которая вошла в состав урбария, насчитывалось 2352 лана, с которых архиепископство получало 2403 копы грошей чинша⁴⁷. В эту сумму не входят поступления от корчм, мельниц, рыбаков и лесов и т. п. Общая сумма денежного дохода архиепископства была выше и по всей вероятности достигала 3 тыс. коп в год. В качестве натуральных платежей от крестьян архиепископское хозяйство получало большое количество зерна и других сельскохозяйственных продуктов — 329 корцев пшеницы, 307 — ржи, 931 — овса, больше 114 возов сена, 60 стогов соломы, 9 корцев конопли, 744 мотка кудели, 333¹/₂ «камня»⁴⁸ сала и животного жира, 3806 кур и 11 320 яиц. К этому следует еще добавить

⁴⁵ «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XI, 1955, стр. 231—233.

⁴⁶ DR, XI, 342, 361—362.

⁴⁷ Здесь и в дальнейшем мы используем итоги подсчетов В. Томека. V. Tomek. Dějepis města Prahy, d. III, v Praze, 1875, str. 39 a násl.

⁴⁸ Мера веса в средневековой Чехии.

доход и от собственно господской земли, полей, лугов, виноградников, рыбников, которые обрабатывались и обслуживались зависимыми людьми.

Весьма существенную часть своих доходов архиепископство получало за счет десятины (*decimales*) и по́дымного сбора (*fumales*), а также в качестве плат за церковные требы и всякого рода «добровольные» милостыни и «доброхотные даяния». Все эти громадные доходы архиепископства достигались путем жесточайшей эксплуатации крестьян. Для того чтобы обеспечивать регулярное поступление чиншей, натуральных взносов и барщин, а также для подавления возрастающего сопротивления крестьян архиепископству, требовался действенный и разветвленный аппарат.

Во главе архиепископских владений в каждом дистрикте стояли бургграфы, у которых были обычно помощники, заместители, писари и другие служащие. Бургграф, стоявший во главе хозяйственно-административного аппарата панства, обладал и высшей судебной властью; ему подчинялись управляющие отдельными вотчинами (*procuratores vilici*), а также сельские рихтари, лесничие (*forestarii*) и лесная стража (*silvanus, custodes silvani*). В его распоряжении имелась вооруженная сила — направики или служебники, которые держали чаще всего 1—2 лана в качестве выслуги (*provisio*). Бургграф и верхушка его аппарата также имели земли, которыми они пользовались на правах «выслуги»⁴⁹.

О характере всего этого административного аппарата говорит то, что необходимое звено в нем составляли палачи, наличие которых подтверждается частым упоминанием урбария о специальных сборах на палачей (*pro tortore*)⁵⁰.

Данные урбария, будучи незаменимым источником для изучения хозяйственной организации архиепископских владений, содержат, однако, только косвенные указания на связи архиепископского хозяйства с рынком. Ценным дополнением в этом отношении является приходная ведомость архиепископского казначея (*pokladník, thesaurarius*)⁵¹ Завиши за 1382—1383 гг. Среди доходов Завиши

⁴⁹ V. Tomek. Dějepis města Prahy, d. III, str. 45.

⁵⁰ DR, VI, 114, 115, 116, 117, 120, 121, 123, 125—129 и др.

⁵¹ При рассмотрении этого документа необходимо напомнить, что через руки архиепископского казначея проходили все поступле-

видное место занимают поступления за реализованные на рынке продукты: в документах отмечены продажа рыбы, шерсти, кожи, леса, овса, гороха, воска и других продуктов сельского хозяйства. Общая сумма денежного дохода за эти продажи достигла почти 350 коп, составляя около четверти суммы чиншевых поступлений (1400 коп); привлекает особенное внимание, что за одну только рыбу из рыбных прудов архиепископа, расположенных в Кис около Праги, архиепископскому хозяйству следовало получить 210 коп. Это особенно показательно, если учесть, что наиболее богатое владение архиепископа в Ржечицком ди-стрикте уплатило за тот же срок полугодового Гавельского чинша 140¹/₂ коп. Эти цифры позволяют предположить наличие уже достаточно прочных связей архиепископского хозяйства с рынком, но в то же время показывают, что основным поставщиком товарной продукции на рынок Чехии являлось крестьянство — ведь 1400 коп денежного чинша (прежде чем очутиться в руках Завиши) должны были быть получены в результате реализации крестьянами продуктов на рынке.

Рассмотренные материалы по архиепископству Пражскому важны главным образом для ознакомления с организацией хозяйства в масштабах крупнейшего феодального владения. Для того чтобы получить конкретное представление об отдельных вотчинах, следует обратиться к примерам из других документов. Рассматривая поземельную опись Страговского монастыря, мы устанавливаем, что здесь несколько сел (Патек, Радонице, Страдонице, Воленице, Врбно, а также по всей вероятности Грживице и Перуц), расположенных по среднему течению реки Огржы, восточнее Лоуна, составляли один вотчинный комплекс, как о том позволяет судить переплетение различных видов барщин, отбывающихся крестьянами этих сел. Так, например, при описании сел Патек, Радонице, Страдонице, Воленице и Врбна составитель описи Страговского монастыря неоднократно отмечает, что

ния от зависимого крестьянства — как чинши, так и церковные десятины, подымное, экстраординарные сборы и штрафы, — в то время как доходы с собственно господского хозяйства, сосредоточившиеся в руках особого должностного лица (камерария), попадали в поле зрения казначея лишь тогда, когда находившиеся в его распоряжении средства уже не соответствовали его расходам.

отработочные повинности крестьян этих сел должны отбываться безразлично на монастырском домене в селах Патек или Воленице в зависимости от указания управляющего (*ubi procuratur mandabit*)⁵². Центром этого объединения являлся господский домен, расположенный двумя частями в селах Патек и Воленице. В первой части домена находим небольшой участок земли, 4 леса и многочисленные луга, два сада на островах на Огрже, мельницу с семью колесами, а также несколько рыбников⁵³. Вторая часть состояла из трех полей, трех лугов, сада, расположенного также на острове, и монастырского хмельника⁵⁴.

Во всех селах Патецкой вотчины бо́льшая часть земли (7973 югера) входила в состав крестьянских держаний. Среди повинностей крестьян этих сел находим все виды феодальной ренты. Общая сумма годового чинша в этих селах составляла 174 копы и 2 гр.⁵⁵. В качестве натуральной

⁵² «Unum currum de feno de pratis monasterii ad curiam in Patek vel Olenicz». Держатели села Патек должны с каждого лана отправлять воз сена в курию в Патек или Воленице (DR, VIII, 252 и 255); см. также повинности крестьян Маха, Маршо, Кубона, Яркона и Марзикона (DR, VIII, 257). Точно такими же словами определяются и повинности крестьян Радонице, которые должны сдавать и свои натуральные платежи in curia Patek, а подсоседки, кроме того, обязаны сапарит extrahere pro curia in Patek. См. DR, VIII, 260—261 и DR, VIII, 263. Равным образом определяются повинности крестьян сел Радонице, Страдонице, Врбно (DR, VIII, 265—273). О неслучайности подмеченного явления говорит также и то, что для крестьян этих сел устанавливаются общие пастбища: «Et mutuo pascere debent in locis nominatis de Patek in Stradomicz et de Stradomicz in Patek et Radomicz et viceversa de Radomicz in Patek et Stradomicz eundem modum pascendi inconcusse et sine rixis observabunt». DR, VIII, 256, 264, 269.

⁵³ «Ibidem est una curia cum duabus araturis et 4 silvis... et pratis copiosis... Item ibidem sunt duo pomeria plantata, unum in insula penes molendinum et secundum trans flumen Egre in insula monasterii. Item ibidem est unum molendinum cum 7 rotis bene instauratis et pallatis... Item ibidem sunt tres piscine». DR, VIII.

⁵⁴ «Item ibidem est una curia tribus araturis bonis; uno humuleto et 3 pratis et unum pomerium plantatum in insula». DR, VIII, 270.

⁵⁵ В том числе от сел Патек и Радонице поступает по 21 коп 36 гр. (18 ланов × 72 гр., стр. 252 и 260), со Страдонице — 26 коп 24 гр. (22 лана × 72 гр., стр. 465), с Воленице — 13 коп 2 гр. (5³/₄ лана × 136 гр., стр. 270), с Врбна — 5 коп (стр. 272), с Грживице — 50 коп 2 гр. (23¹/₂ лана × 128 гр., стр. 273) и, наконец, с Перуце — 36 коп 16 гр. (17 ланов × 128 гр., стр. 275). Кроме того, крестьяне этих сел платили генеральную берну, экстраординарную берну («berna generalem», «Berna regali») и др.

крестьяне платили по 6—8 стрихонов зерна с лана, коноплю, кур и яйца.

Рабочую силу на господском домене составляли те же крестьяне. В большинстве этих сел крестьяне должны были шесть дней убирать хлеб, отвозить свои натуральные взносы в господскую курию, перевозить туда же воз сена, возить дрова и хворост на мельничную плотину, причем без каких-либо ограничений. Наконец, с каждого лана крестьяне должны были отвозить в Страговский монастырь по 10 стрихонов зерна или муки, при этом на своих харчах; если учесть, что до Страгова грузы приходилось возить на расстояние 70—80 км по очень плохим дорогам, можно себе представить, каким тяжелым бременем для крестьян была эта повинность.

Еще более тяжелыми были барщинные повинности подсоседков, число которых в указанных селах доходило до 36. Часть из них (8) находилась в сравнительно лучшем положении, так как кроме уборки барских лугов не несли никаких других повинностей. Но основная масса подсоседков составляла главную рабочую силу в домене. Подсоседки работали по 10—12 дней на уборочной, должны были пахать по 10—12 полос, работать на плотине по 3 дня, убирать сено, мыть и стричь овец, собирать и мочить коноплю, причем в этом случае иногда находим формулу, свидетельствующую о неограниченной барщине (*si opus fuerit*). Сверх всего подсоседки должны работать на барском хозяйстве по 3 дня. Извозных повинностей подсоседки не отбывали, так как у них не было лошадей ⁵⁶.

⁵⁶ DR, VIII, 251—271. Например, в селе Патек было девять подсоседков, которые должны были отбывать перечисленные виды барщин: «Item ibidem sunt subsidies in numero 9 et habent agros secundum maius et minus, et solvunt diversimode robotas. Et primo illi, qui habent 4 strichones de agris, debent metere per 10 dies quilibet ipsorum et 10 sulcos in avena. Item quilibet ipsorum debet laborare in obstaculo molendini per 3 dies et tres dies pro curia post conductum Pasche. Item debent et tenebuntur bis in anno oves lavare et tondere ad mandatum procuratoris. Item debent canapum extrahere semel vel bis, si opus fuerit. Item ibidem est unus subse habens 2 strichones hereditatis et debet metere 7 dies et 10 sulcos in avena, tres dies in obstaculo et 3 dies pro curia laborare tempore ut supra, et [a] consimiles robotas quilibet ipsorum habens 2 strichones debent exercere et laborare. Item est etiam unus subse, habens 6 strichones hereditatis, nomine Hodek, et solvit 16 gr. annuatim divisim in terminis S. Galli et S. Georgii festis, et [a] robotis est supportatus ex condicione, quia tenet ad voluntatem domini abbatis» (DR, VIII, 253).

Из этого видно, что хозяйство Патецкой вотчины было довольно разносторонним, а производство таких продуктов, как шерсть, хмель, рыба, конопля, позволяет предполагать, что вотчина была достаточно тесно связана с рынком.

Данные о хозяйстве феодальной вотчины могут быть дополнены материалами тех сел Бржевновского монастыря, которые упоминаются и в Бржевновском урбарии, и в отрывке монастырского инвентаря 1390—1394 гг. Сравнивая описания сел в урбарии с заметками инвентаря, которые относятся к господским куриям в тех же селах, получаем хотя неполную, но все же яркую картину. Так, в хозяйственном инвентаре монастырского имения в селе Незамыслице перечислены 6 рабочих волов и 2 лошади, 3 ездовые лошади, 7 коров и телка, а также птица. Среди земледельческих орудий привлекает внимание упоминание о 8 сохах, железной бороне, лемехах и колесах к большому плугу, ярме для быков, седле, повозке, водовозной бочке, рыболовной сети, силках для зайцев и птиц, посуде, полотняных мешках, бочках, топорах, мотыгах, пилах.

Из урбария узнаем, что площадь господской земли измерялась 4 «плугами» (*radla*), на которых работали крестьяне сел Незамыслице, Домораз и Жиховице⁵⁷. Крестьяне этих сел должны были убирать, кроме того, господские луга и свозить сено и хлеб на барский двор, который они же должны были окружить забором⁵⁸. О характере производства свидетельствует содержание закров и кладовых аббата, где хранились рожь, ячмень, горох, овес как обмолоченный, так и в снопах, а также конопля, жир, масло, мясо, куры, сметана, мак, сыр, соль и тому подобное⁵⁹.

Подобную картину находим в курии села Костелец. Разница только в том, что здесь упоминаются, кроме лошадей, коров и телят, также свиньи с поросятами, овцы с ягнятами, каплуны и павлины. Среди хозяйственного инвентаря и продуктов упоминаются колесные плуги, сохи, бороны, повозки, зерно, сено, два воза вики, свиные и коровьи кожи⁶⁰. Здесь мы находим те же сорта зерновых,

⁵⁷ DR, VII, 184—187.

⁵⁸ О том, что курия часто была окружена забором, говорят и другие места источников. DR, VIII, 279, 287.

⁵⁹ *Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394.* VKCSN, v Praze, 1889, str. 289—290.

⁶⁰ *Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394.* str. 291.

которые вносились в качестве крестьянских натуральей⁶¹. Такого же рода данные и по курии в селах Славонов⁶² и Хцебуры⁶³. В упоминании об инвентаре находим три железных замка русской работы, на что обратил в свое время внимание А. И. Ясинский, а также ножные кандалы, не оставляющие сомнения в том, какими мерами феодалы обеспечивали повиновение крестьянства.

Еще более любопытны подобные данные по курии в Бржистви, где должны были работать и крестьяне села Викан⁶⁴. Как усматривается из урбария Бржевновского монастыря, господский домен лежал здесь в трех полях, и наряду с обычными отработочными повинностями крестьян в селе Бржистви для подсоседков существовала уже барщина — один день в неделю. В селе Викан упоминаются специальные молотильщики (*tritularii*), которые должны молотить, когда им прикажут «*quando necesse fuerit, debent tritulare, quando ipsis mandatur, prout alii tritulant*»⁶⁵. Но при всем том отрывок описи инвентаря показывает, что господское хозяйство не могло обходиться одним барщинным трудом зависимых людей — в инвентаре мы находим характерный раздел: плата поденщикам (*merces mercenarium*), в котором перечислены три крестьянина с указанием заработанных ими сумм⁶⁶.

Наряду с полеводством курия села Бржистви вела довольно развитое животноводство; в курии имелось 11 лошадей и 7 жеребят, 9 дойных коров (*vaccas lactantes*), 12 других коров и 3 телки, 92 овцы и 38 больших откормленных свиней с 15 поросятами. Для откорма последних употреблялась по всей вероятности репа, в связи с чем на монастырском складе находилось изрядное количество репного семени⁶⁷.

⁶¹ Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394; DR, VII, 180.

⁶² Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394. str. 292—293; DR, VII, 180.

⁶³ Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394. str. 303; DR, VII, 152, 175.

⁶⁴ DR, VII, 179; cp. DR, VII, 175.

⁶⁵ DR, VII, str. 179.

⁶⁶ Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394. str. 304—305.

⁶⁷ Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394. str. 304.

Рабочую силу вотчин Бржевновского монастыря составляли преимущественно крестьяне-барщинники. В связи с этим мы наблюдаем здесь, как и вообще в центре и на севере Чехии, высокие и весьма разнообразные барщины, имеющие к тому же явную тенденцию к постоянному возрастанию. На страницах Бржевновского урбария можно встретить сведения о трехдневной (*tres dies in septimana*) и ненормированной барщине. Примерно такая же картина и в Страговских селах, расположенных вокруг Праги⁶⁸.

Возрастание барщин является само по себе указанием на рост домена, но в наших источниках содержатся прямые свидетельства об увеличении домена за счет присвоения крестьянских земель. Классическим примером такого рода является описание села Гайно (Страговский монастырь)⁶⁹. В этом селе находился замок с хозяйственными строениями⁷⁰, поля, издавна принадлежавшие к этой курии, огороды, сад, многочисленные луга, несколько рыбаков⁷¹. Как указано составителем описи, прежде в Гайне имелись дедины крестьян, находившихся на чинше, но страговский аббат Зденко, «движимый страстью к лугам и полям», изгнал крестьян, в результате чего они превратились из чиншевиков в барщинников, а их поля были присоединены к курии⁷². Барщины крестьян очень высоки, они должны пахать по $1\frac{1}{2}$ дня озимь и яровые, вязать по 1920 снопов и работать по два дня на уборке сена, сажать или сеять овощи, убирать горох по потребности курии, дважды в году мыть и стричь овец. Учитывая «страсть» аббата к лугам, можно предположить, что

⁶⁸ Подробное рассмотрение этого вопроса см. ниже, в главе второй.

⁶⁹ DR, VIII, 236.

⁷⁰ «Item ibidem est propugnaculum pulcrum et firmum et alia edificia, domus et horreum lateribus coopertum, item aqua circumdatum...» (DR, VIII, 236).

⁷¹ «Sex piscinis... item sunt alie 3 piscine, ibidem in curia et in ortu». (DR, VIII, 236).

⁷² DR, VIII, 236: «Item sunt hereditates villanorum, que prius censuabantur, sed pie memorie dominus Sdenko cupiditate ductus pratorum et agrorum pro se et pro curia prefata a villanis exsolvit. Item omnes villani ibidem tenentur et obligati sunt ad angarias seu robotas infrascriptas... Et sunt hereditates 20 minus $1\frac{1}{2}$ quartali demptis agris curiarum rusticanarum, que sunt pro curia ibidem applicat(e)»

овцеводство занимало видное место в монастырском хозяйстве.

Таким образом, мы видим, что в вотчинах центральной и северной Чехии к началу XV в. наблюдается возрастание домена и барщины, что является следствием укрепления связей вотчины с рынком. При этом феодалы организуют иногда своеобразные «торговые предприятия»: в городах и прежде всего в Праге появляются склады и лавки, принадлежащие порой отдаленным монастырям. Так, в 1390 г. аббат и капитул Роудницкого монастыря получает от короля грамоту, согласно которой монастырю предоставляется право приобрести в любой части Праги дом, в котором монахам разрешалось держать и продавать «вина, зерна и разные продукты» («*vina sua, blada et quaecumque alia victualia*»), полученные в их имениях. При этом монахи освобождались от уплаты пошлин и получали право торговать в своем помещении как оптом, так и в розницу⁷³. По всей вероятности такова же была лавка Бржевновского монастыря в Праге, упомянутая в перечислении владений монастыря⁷⁴. Архиепископству и монастырям принадлежало, кроме того, огромное количество лавок и корчм в подвластных им городах. Так, в городе Брода архиепископству принадлежало 20 лавок и 82 корчмы⁷⁵, в Крживсоудове 6 корчм⁷⁶, в Пильграме 18 лавок и 50 временных корчм⁷⁷, в Тын Бехине находим 44 временных корчмы и одну лавку⁷⁸, в Пршибраме имеем указание на 19 мясных лавок. Даже учитывая временный характер некоторых корчм и лавок, трудно воздержаться от предположения, что торговые операции уже занимали в хозяйственной жизни крупного феодального владения довольно заметное место.

Еще в больших размерах происходит проникновение товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь вотчины на юге Чехии. Переходя к рассмотрению соответ-

⁷³ «*Diplomatář kláštera blahoslavené Panny Marie*», str. 43. Ср. грамоту Вацлава, подтверждающую покупку указанного дома. Там же, стр. 49.

⁷⁴ DR, VII, 154.

⁷⁵ DR, VI, 104—105.

⁷⁶ DR, VI, 112.

⁷⁷ DR, VI, 125.

⁷⁸ DR, VI, 141—142.

ствующего материала по южным областям Чехии, следует прежде всего остановиться на данных о хозяйстве Тржебоньского монастыря. Особенностью, выделяющей Тржебоньскую вотчину из всей массы чешских феодальных владений изучаемого периода, является то, что здесь мы располагаем и приходо-расходной ведомостью монастырского хозяйства за довольно продолжительный срок.

Земельные владения Тржебоньского монастыря, находившегося на восток от Чешских Будейовиц, состояли в 1378 г. из семи сел. Поскольку все семь сел были расположены поблизости от монастыря и недалеко друг от друга, представляется возможным рассматривать их в качестве единого вотчинного образования. В состав монастырских владений входили поля, луга, леса и рыбные пруды, являвшиеся частями господского домена, а также 65 ланов, разделенных на 157 крестьянских держаний, величина которых колебалась от $\frac{1}{9}$ до целого лана⁷⁹. К сожалению, не представляется возможным определить точную величину господского домена; во всяком случае, в селах Дворжец, Домайн, Тржебонь и Младошовице величина его была несколько менее 10 ланов пахотной и луговой земли, не считая лесов. Очень интересный анализ данных по отработочным рентам крестьян привел А. Крейчик — издатель поземельной описи Тржебоньского монастыря. Он доказал, что пахотная земля примерно в 2,5 раза превышала луговую⁸⁰.

На основании имеющихся документов можно охарактеризовать и самое хозяйство монастыря в первые годы после его основания. В эти годы (1367—1370) монахи построили конюшню, амбары, пивоварню, баню, погреб и окружили свои владения забором. Только в одном 1369 г. были закуплены 10 волов и 2 рабочие лошади, 19 коров, 40 овец, 8 свиней с 19 поросятами, а также куры. Кроме того, монахи приобрели сохи, бороны, возы (в том числе специальный воз для навоза), колеса, мотыги, ведра, упряжь, посуду и всевозможную утварь и хозяйственный инвентарь⁸¹; особое место среди купленных вещей занимают льномялки, свидетельствующие о заинтересованности

⁷⁹ «Historický Archiv», č. 52, 1949, str. XVII.

⁸⁰ «Historický Archiv», č. 52, str. XXI. Здесь и в дальнейшем по Тржебоньской вотчине приводим данные Крейчика.

⁸¹ «Historický Archiv», č. 52, str. XXII и сл.

монастыря в обработке льна⁸². И в дальнейшем приходилось прибегать к рынку для покупки овса, ячменя, солода, гороха, конопляных и овощных семян, хмелевых ростков, а также строительных материалов⁸³. Трудно, конечно, сказать, насколько эти последние расходы имели значение и тогда, когда хозяйство монастыря налажилось.

К сожалению, сохранившиеся документы не дают возможности определить, какую часть валового дохода монастыря составляла выручка от реализации его продуктов на рынке. Во всяком случае, мы находим в хозяйстве Тржебоньского монастыря настолько развитое птицеводство, что трудно допускать, будто целью его было одно непосредственное потребление. В самом деле, монахи отдавали части крестьян принадлежавших монастырю кур с тем, чтобы каждый получивший курицу или нескольких кур крестьянин приносил на господский двор определенное количество яиц и цыплят. Корм для птицы давал монастырь, но за содержание последней крестьянам ничего не платили. В результате такой комбинации в монастырских кладовых накапливались тысячи яиц, часть которых, вероятно, предназначалась на продажу⁸⁴.

Анализ доходов монастыря подтверждает феодальный характер его хозяйства в целом. Главную графу приходной ведомости представляют чиншевые платежи крестьян, а также церковная десятина, которую монастырь собирал во всей Тржебоньско-Младошовицкой фаре (церковный приход). Кроме того, значительную часть своих доходов — до половины суммы всего чинша — монастырь имел за счет платы за требы и церковных сборов⁸⁵. Это сопоставление показывает, с какой осторожностью следует подходить и к данным о доходах других монастырей, так как доля феодальной ренты, присваиваемая духовными феодалами, не ограничивалась зафиксированными в урбариях чиншами, натуральными взносами и отработоч-

⁸² UT, str. 76—79. «Item eadem die pro VI anifis 2 grossos».

⁸³ Там же.

⁸⁴ Так, в 1379/80—1382/83 хозяйственных годах монастырю должно было быть сдано 20 400 яиц и 690 кур. «Historický Archiv» č. 52 str. XXIX; cp. UT, str. 38—41.

⁸⁵ UT, str. 76—79. Только в списке «ofer», где регистрировались поступления, находим воскресенье, когда дневной сбор составлял копу и даже две (UT, str. 87).

ными повинностями, но должна быть увеличена за счет специально «духовных» источников выкачивания прибавочного продукта. Однако главную статью дохода составляли все же платежи зависимых людей. Крестьяне монастырских сел уплачивали денежный чинш, колебавшийся от 48 до 75 гр. с лана, несли натуральные повинности и отбывали сравнительно невысокую барщину: при норме 8—12 дней в году с лана большинство хозяйств отработывало 4—6 дней, так как подавляющая масса крестьян держала полулановые (около 40%) и четвертьлановые (25%) участки. В целом по всем семи селам крестьяне должны были вспахать около $3\frac{3}{4}$ лана⁸⁶ земли, отработать 281 человеко-день на уборке хлеба и $114\frac{1}{2}$ человеко-дня уборки сена, а кроме того дать $32\frac{1}{2}$ извозных человеко-дня⁸⁷. Барское хозяйство нуждалось, однако, в дополнительной рабочей силе и в связи с этим использовало наемную рабочую силу в довольно значительных масштабах. Анализ прихода-расходной ведомости монастыря показывает, что за 14 лет, по которым сохранились сведения (1378—1385 и 1402—1408) в хозяйстве монастыря было занято 342 поденщика. При этом за 20—25 лет количество поденщиков значительно увеличилось. В 1378/79—1384/85 хозяйственных годах зарегистрировано 82, а за пятилетие с 1402 по 1407 г.—227 человек⁸⁸, т. е. в первом случае по 11—12, а во втором по 45—46 человек в год. Эти цифры говорят о росте применяемого наемного труда в хозяйстве Тржебоньского монастыря.

Рассматривая прихода-расходные ведомости Тржебоньского монастыря, можно установить и круг работ, для выполнения которых привлекалась наемная рабочая сила; это такие операции, как вспашка земли и посев, уборка хлеба и сена, когда труд барщинников не мог обеспечить потребности господского хозяйства; уборка льна, конопли, репы, хмеля, овощей, укропа, обработка хмеля, прядение кудели, обжигание извести, производство кирпичей, также

⁸⁶ Крестьяне должны были вспахивать дважды 189 и трижды 380 полос (загонов); деля соответственно на 2 и на 3 и складывая полученные результаты, находим, что крестьяне должны были вспахивать 225 загонов; считая по 60 загонов, приходим к указанной цифре $3\frac{3}{4}$ лана.

⁸⁷ «Historický Archiv», č. 52, str. XIX.

⁸⁸ См. таблицу 3 настоящей работы.

обмолот урожая и изготовление крупы. Кроме того, в монастырском хозяйстве упоминаются наемные дровосеки, повара, возчики навоза, пастухи, землекопы и т. п. Монастырь привлекал к работе и ремесленников — в источнике упоминается кузнец, плотник, бондарь, портной, кожевник, пекарь, пивовар и т. д. Наконец, имеются люди и без указания выполняемых ими работ: несколько женщин, работники на монастырском дворе и т. п.⁸⁹

Вероятно, весьма значительную часть монастырских поденщиков составляли монастырские подданные. Об этом свидетельствует тот факт, что во многих случаях при окончательной расплате с крестьян удерживалась немалая часть заработка в счет уплаты чинша. Так, в селе Доманин в 1402/03 хозяйственном году крестьянин Шилганек из 12 гр., причитавшихся от монастыря, получил на руки лишь 2 гр. и 3 денария, а остальные 9 гр. и 3 денария были засчитаны в счет чинша⁹⁰. С другого крестьянина Манея монастырь удержал 37 гр. и 2 денария, уплатив ему лишь 9 гр. и 5 денариев⁹¹; в селе Споли с крестьянина Ловца, заработавшего копу, в счет чинша было удержано 51 гр.⁹², на руки он получил 2 гр., после чего монастырский писец записал, что ему причитается еще 4 гр. Не представляется возможным определить, куда делись еще 3 гр., если они только не были попросту присвоены монастырем; в том же Споли в 1403—1404 гг. крестьянин Ондрашек из причитающихся 40 гр. отдал в счет чинша 28 гр., но на руки получил только 10. Весьма интересную работу можно проделать, проследив за судьбой отдельных крестьян, из года в год работавших в монастыре. Так, крестьянин Томан из

⁸⁹ «Historický Archiv», č. 52, str. XXI, XXII.

⁹⁰ UT, str. 50; cp. str. 62.

⁹¹ Там же, стр. 50.

⁹² Было бы неосторожным заключить на основании чинша о размерах держаний данного лица. Согласно урбарии в этом селе при начислении чинша строго выдерживалась норма в 14 гр. за 1 квартал. В таком случае надел Ловца должен был быть равным целому лану, что невозможно, так как согласно урбарии самый большой надел в этом селе составляет лишь $\frac{3}{4}$ лана. Несмотря на кажущуюся логичность, расчет такого рода не может иметь значения, так как нет никаких оснований допускать, что за четверть века, прошедших с момента составления урбария, чинш оставался на том же уровне. Ввиду этого такая высокая сумма чинша может объясняться только двумя обстоятельствами — резким повышением чинша и накоплением недоимок за несколько лет.

села Споли в 1402/03 г. из 70 гр. получил на руки 21 гр.⁹³, в 1403/04 г. снова заработал 70 гр., но получил на руки только 17 гр.⁹⁴, в 1405—1406 гг. ему удалось вырвать у монахов полностью весь заработок⁹⁵, но в следующем году, даже работая вместе с женой, ему удалось получить наличными лишь 50 гр.⁹⁶. Можно было бы проследить за подобной судьбой и других крестьян, гнувших спину на монастырских полях и не имевших возможности получить даже свой скудный заработок⁹⁷. Примечательную черту хозяйства Тржебоньской вотчины составляет то, что многие крестьяне получали из монастырских складов различные предметы — сапоги, башмаки, полотно⁹⁸ и сукно. Особенно часты упоминания о последнем: если в 1402/03 г. было 53 поденщика, то 19 из них при расчете либо получали сукно, либо с них удерживались деньги за прежде взятое сукно⁹⁹. В следующем году 14 из 43 снова получали плату сукном¹⁰⁰ и т. д.

Анализируя приходо-расходную ведомость Тржебоньского монастыря, приходим к выводу, что во многих случаях плата поденщика удерживалась монахами без всяких указаний на причины таких удержаний. В 1402/03 г. крестьянину Гостираду было недоплачено 57 гр., Гилеку — 20 гр., Маржку — 40 гр., крестьянке Дороте — 20 гр., Барте — 22 гр. 4 денария, Стрнаду — 15 гр. и т. д.¹⁰¹. Часто монастырь взимал деньги и за прежние долги, можно предположить, что часть необъясненных сумм входила в счет процентов, нигде, конечно, не отмеченных в документах. Всего же монастыри удерживали под теми или иными предлогами громадную часть крестьянского заработка. Так, в 1378/79 г. вместо 799 было выплачено толь-

⁹³ UT, str. 51.

⁹⁴ UT, str. 59.

⁹⁵ UT, str. 63.

⁹⁶ UT, str. 67.

⁹⁷ Ср., например, упоминания о Шилганеке. UT, str. 50, 62, 66; о Барте, str. 51, 59; о Гилеке, str. 51 и т. д.

⁹⁸ Так, например, в селе Милетин у крестьянина Маха за обувь было удержано 10 гр. («осreas item 10 grossos»), UT, str. 59. В том же Милетине у крестьян Ваха, Велека, Маржка и др., с крестьянки Анки за полотно (pro tela) было удержано 8 гр. и т. д.

⁹⁹ UT, str. 49—56.

¹⁰⁰ UT, str. 56—60.

¹⁰¹ UT, str. 53, 54, 55.

ко 165 гр., в 1381/82 г. — 631 вместо 1047 гр, в 1384/85 г. — 394 гр. и 1 денар вместо 1018 гр., в 1402/03 — 1816 и 1 денар из 3472 гр. и 2 денар и т. д.¹⁰²

На основании данных Тржебоньского урбария и прихода-расходной ведомости Новоградского панства представляется возможным определить, какое место в хозяйстве южночешской вотчины занимал наемный труд сравнительно с барщинным. К сожалению, нет материалов для того, чтобы непосредственно определить это соотношение, но можно сравнить стоимость барщинных работ согласно урбарияльным оценкам с причитавшимися поденщикам суммами. Так, стоимость барщинных работ, перечисленных в урбарии, составляет 362 гроша и 3 денария, а лицам, работавшим в монастыре по найму, причиталось соответственно в этот же год 799 грошей¹⁰³. На основании этого можно предполагать, что труд поденщиков играл значительно бóльшую роль, чем работы, выполнявшиеся феодально-зависимыми крестьянами в качестве отработочных повинностей.

Рассматривая данные о причитавшихся крестьянам суммах, можно констатировать, что к началу XV в. значительно увеличивается применение труда поденщиков. Об этом говорят следующие цифры (см. табл. 3). В 1378/79—1384/85 гг. в хозяйстве Тржебоньской вотчины было занято в среднем по 11—12 человек в году, а в 1402/3—1407/8 гг. это число возросло в четыре раза. Если принять во внимание, что в источнике указано место работы крестьян и что в начале XV в. кроме старых сел упоминается курия, а затем и Nova Curia¹⁰⁴, можно предпола-

¹⁰² «Historický Archiv», č. 52, табл. на стр. XXXII—XXXIII.

¹⁰³ Из урбария известно, что в 1378/79 хозяйственным году Тржебоньские крестьяне должны были отработать на уборочных работах 281 день, на сенокосных работах $114\frac{1}{2}$ дня, $32\frac{1}{2}$ дня извозной повинности и, кроме того, дважды вспахать 189 и трижды 380 полюс (соответственно 378 и 1140 полюс = 1518 полюс). Учитывая, что в случае замены за каждый день уборочных работ уплачивалась половина гроша, сенокосных — 1 гр., извозных — 1 и вспашка 16 полюс также оценивалась в 1 гр., получаем следующие цифры оценок работ: 1) 281 по $\frac{1}{2}$ гроша = $140\frac{1}{2}$ гр.; 2) $114\frac{1}{2} \times 1$ гр. = $114\frac{1}{2}$ гр.; 3) $32\frac{1}{2} \times 1$ гр. = $32\frac{1}{2}$ гр.; 4) $\frac{1518}{16} \times 1$ гр. = 95 гр.; всего же $382\frac{1}{2}$ гр.

¹⁰⁴ UT. str. 53, 64, 66, 71. Так, например, цифры, приводимые Граусом, показывают, что цены в центральной Чехии за это время увеличились примерно на 25—50%: F. Graus. Chudina městská v

Таблица 3

Количество поденщиков во владениях Тржебоньского монастыря¹⁰⁵

Годы	Количество поденщи- ков		Плата поденщикам (в грошах)		
	всего	в среднем на 1 год	всего	в среднем на 1 год	В среднем на 1 чело- века в 1 год
А. 1378—1379	14		799		
1379—1380	7		383		
1380—1381	5		315		
1381—1382	21	11—12	1047	648	55 ¹ / ₂
1382—1383	11		555		
1383—1384	9		425		
1384—1385	15		1018		
Б. 1401—1402	10		656		
1402—1403	53		3472—29		
1403—1404	43	45—46	2826—29	3112 ¹ / ₂	68 ¹ / ₃
1405—1406	44		2971		
1406—1407	44		3232		
1407—1408	43		3061		

гать, что увеличение количества поденщиков вызывалось расширением господского хозяйства и влекло за собой увеличение доходов монастыря. Вместе с тем возрастали и расходы, в том числе и на рабочую силу: если в первом периоде монастырь расходовал в среднем на плату поденщикам около 650 гр. в год, спустя четверть столетия они затрачивали уже более чем по 3100 гр. ежегодно. Было бы, однако, при этом неправильным делать вывод, что увеличивалась реальная плата каждого поденщика, хотя за первое семилетие она составляла в среднем около 55 гр., а во втором около 68 гр. Учитывая общий рост цен в Чехии за это время, необходимо заключить, что реальная плата поденщикам не только не увеличивалась сколько-нибудь заметным образом, но даже значительно снизилась.

době předhusitské, Exkurs I. Mince a ceny. str. 189—190. Такое же повышение цен, а иногда даже более значительное, отмечалось и в рассматриваемых районах южной Чехии.

¹⁰⁵ По А. Крейчику. «Historický Archiv», č. 52, str. XXXII—XXXIII. Для 1401—1402 гг. имеются лишь неполные данные (только по одному селу из семи, принадлежавших монастырю). При вычислении количества поденщиков и платы, приходящихся на один год внутри каждого периода, эти данные отброшены.

К сожалению, на основании имеющихся данных невозможно определить, кто из монастырских поденщиков являлся зависимым от монастыря человеком, а кто принадлежит к пришлым людям. Сравнение имен «наемников» в описях 1378—1379 и следующих годов со списком монастырских держателей, внесенных в урбарии, не приближает нас к цели, ибо, с одной стороны, крестьянские имена даются без всяких уточняющих прозвищ, а с другой, носители многих несовпадающих имен могут являться членами семей монастырских держателей. Таковы, в частности, женщины-поденщицы, число которых, согласно подсчетам Крейчика, достигало 50 человек¹⁰⁶. Во всяком случае, среди поденщиков, несомненно, имелись монастырские подданные и притом в большом числе, как об этом свидетельствуют довольно частые упоминания об удержаниях чиншей из заработанных крестьянами сумм. Кроме того, поскольку многие из крестьян находились в неоплатном долгу у монастыря, трудно было бы думать, что они не принадлежали к числу местных жителей. Из сказанного, однако, не следует, что среди монастырских поденщиков не было тех «бродячих» людей, которые достаточно хорошо известны средневековой деревне.

Вышеприведенные данные дают основание сделать вывод, что наемный труд нашел довольно широкое применение в монастырском хозяйстве южной Чехии. Вместе с тем, было бы неправильным заключение о формировании в южночешской деревне постоянного рынка свободной рабочей силы. Перед нами, очевидно, не капиталистический наемный труд, а только его далекий предшественник. Здесь мы не находим свободного рабочего, а встречаем зависимого крестьянина, вынужденного в условиях южночешского малоземелья более или менее систематически продавать на кабальных условиях свою рабочую силу, причем его используют не предприниматели, а феодалы-землевладельцы. Эта форма наемного труда «всегда предполагает личную зависимость нанимающегося от нанимателя, предполагает всегда большее или меньшее наличие внеэкономического принуждения»¹⁰⁷.

Другим примером южночешской вотчины, на этот раз

¹⁰⁶ «Historický Archiv», č. 52, str. XXX.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 169.

светской, по которой в нашем распоряжении имеются сопоставимые материалы, являются владения панов из Рожмберка в Новоградском панстве, к югу от описанной вотчины Тржебоньского монастыря. В урбарии Рожмберкских владений, составленном в 70-х годах, среди других имений Ольдржиха из Рожмберка перечислены три города и 14 деревень, образовавших Новоградское или Гретченское панство ¹⁰⁸. Часть этих земель была отдана мелким феодалам: в селе Борованы 2 лана держал Иоган из Леденич (*dominus Johannes de Ledenicz*), село Гартеншлаг — некий Вернхерус (*dominus Wernherus*) — 7 ланов, у Градица — Пешко (*dominus Pessko*).

Господский домен в Новоградском панстве был, насколько можно судить по отрывочным указаниям урбария, сравнительно невелик и за исключением земель, примыкавших к Гретченскому замку, находился всего в двух местах: в селе Борованы небольшой лес и три рыбака, а возле Свин Трговых состоял из участка пахотной земли, сада и хмельника. Основная часть домена находилась у замка, где упоминаются 6 полей, прилегавших к замку, и еще господские запашки, а также луга, пчельник, рыбные пруды, огороды и три мельницы ¹⁰⁹. Кроме того, к Гретченскому замку принадлежал большой лесной массив (302 лана) ¹¹⁰.

О хозяйственных особенностях Новоградского панства ясно говорит расходная часть ведомости бургграфа этого панства Зубка за 1390/91 г. Прежде всего здесь привлекает внимание упоминание о том, что многие продукты потребления, и даже такие как овес, покупались на рынке за наличные деньги. Одного только овса для лошадей было куплено почти на 10 коп ¹¹¹, покупались и хмель, горох, мак ¹¹² и т. п. Отсюда видно, что господская запашка не играла ведущей роли в хозяйстве Новоградского панства и была, по всей вероятности, невелика.

Значительное место в барском хозяйстве Новоградской

¹⁰⁸ RR, str. 11—14, № 78—94.

¹⁰⁹ RR, str. 12, № 82; str. 13, № 86; str. 11, № 78.

¹¹⁰ RR, str. 14, № 94. «*Silve ad Greczen sine silvis Stropnicz III с II lanei sunt*».

¹¹¹ Purkrabské účtu. «*Historický Archiv*», č. 35, str. 37. раздел «*Distributa super empicio avene equis vectoris castr*».

¹¹² «*Historický Archiv*», č. 35, str. 31, 32, 34, 40.

вотчины занимало лесоводство. Выше уже упоминалось об огромном лесном массиве, примыкавшем к замку. Вряд ли приходится сомневаться, что хозяйство велось здесь так же, как и в других Рожмберкских панствах: леса делились на лесничества (*custodia*) ¹¹³, тщательно обмерялись специальными лесомерами, учитывавшими состав древесных пород и возможность их использования для того или другого назначения ¹¹⁴. Рубка леса и заготовка лесоматериалов производились в присутствии специальных уполномоченных ¹¹⁵, а продавать лес мог только лесничий (*forestarius*). Действительно, среди доходов Новоградского бургграфа мы находим целый ряд поступлений от лесничих за проданный лес и бревна ¹¹⁶. Нельзя не отметить, что во всей приходной части ведомости это единственные случаи продажи продуктов господского хозяйства.

Крестьянские повинности в селах Новоградского панства выражены в подавляющем большинстве случаев в деньгах. Только в трех населенных пунктах упомянута барщина. Однако в каждом случае оговорена возможность замены ее деньгами по воле господина. С другой стороны, в пяти селах не названы вообще никакие повинности крестьян, кроме денежных. Натуральные повинности представлены обычными крестьянскими платежами — курами и яйцами, часто — льном и маком, иногда сыром, в одном только случае — овсом, причем всякий раз указывается денежная стоимость соответствующих взносов. Вместе с тем раскладка крестьянских повинностей дает некоторую возможность судить о величине крестьянских наделов. Чрезвычайная дробность держаний вырисовывается сквозь призму налогового обложения в общем довольно определенно: в некоторых селах подавляющее большинство крестьян платит 60 денаров (9 гр.), 20 денаров (3 гр.), 14 денаров (2 гр.), 6 денаров (1 гр.), часто даже менее 1 гр. Картина крестьянской нищеты станет очевидной, если сопоставить с этим то, что чинш с лана колебался по Ново-

¹¹³ RR, str. 27—28, № 234.

¹¹⁴ RR, str. 27, № 233: «A. D. LXIII mensura s lvarum Rosenbergensium per Albertum mensuratorem de Waltierzow», RR, 24/196: «a. d. milesimo III c LIX° circa festum beati Math. mensurate sunt silve per Jakobini et Wanyeczkonem».

¹¹⁵ RR, str. 23, № 196.

¹¹⁶ Purkrabské učtu, str. 29—30.

градскому панству от 50 до 70 гр.¹¹⁷ Следовательно, большинство крестьян являлись держателями чрезвычайно мелких наделов в $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ лана и даже еще более микроскопических участков.

В результате парцелляции и разорения значительного числа крестьянских хозяйств господские доходы, несмотря на все меры вотчинной администрации, далеко не всегда соответствовали ожиданиям. Так, несмотря на то, что за 12 лет, прошедших после составления Рожмберкской по-земельной описи, владения панов из Рожмберка в Новоградском панстве увеличились на 11 сел, общая сумма чиншевых поступлений со всего панства составляла в 1390/91 г., как показывают прихода-расходные ведомости Зубка, всего около 68 коп¹¹⁸ за полгода. Разумеется, этим не исчерпывались доходы бургграфа. Кроме чинша он собирал с крестьян берну и различные пошлины, не считая так называемых прочих расходов (*percepta diversa*), которые одни только составляли столько же, сколько и чинши¹¹⁹. Эта последняя графа складывалась в свою очередь из штрафов, выморочного имущества крестьян, полученного по праву мертвой руки, платы взамен барщины, имущества бежавших крестьян и поступлений от продажи лесоматериалов, так что общая сумма доходов составляла за полгода около 200 коп (199 коп 6 гр. 5 ден.)¹²⁰.

В хозяйстве Новоградского панства, как и в рассмотренной вотчине Тржебоньского монастыря, многие работы выполнялись поденщиками. Прежде всего господскому хозяйству приходилось оплачивать наличными все транспортные расходы¹²¹; во-вторых, все строительные работы, в частности по содержанию нового рыбного пруда¹²²; в-третьих, ремонтные работы — починка домов, хозяйст-

¹¹⁷ RR, str. 7—14, № 78—94; тексты и разбор их см. ниже в главе о ренте, в описании повинностей крестьян Новоградского панства.

¹¹⁸ «Historický Archiv», č. 35, str. 28. Припомним, что рассмотренная выше Патецкая вотчина Бржезовского монастыря, где было всего семь сел, давала свыше 175 коп годового чинша, т. е. около 80 коп в полгода.

¹¹⁹ «Historický Archiv», č. 35, str. 29.

¹²⁰ Там же, стр. 30.

¹²¹ «Historický Archiv», č. 35, str. 32, раздел «*Distributa vectoribus pro diversis negociis*».

¹²² Там же, стр. 34. «*Distribura super laborem castri*» и специальный раздел «*Distributa super laborem in piscine*». Там же, стр. 42.

венных строений и т. д. ¹²³ Кроме того, наличными деньгами рассчитывались и за всякого рода мелкие текущие работы — ковку лошадей, ремонт повозки, даже починку бочки ¹²⁴. Наконец, и для полевой работы даже на небольшом домене не всегда возможно было обойтись барщинными повинностями крестьян, в связи с чем не только зарегистрированы случаи найма поденщиков, но и сама форма регистрации свидетельствует о многом: при определении платы специально оговорено, что она производится согласно существующим в других владениях нормам ¹²⁵. Эти поденщики «*Colopi*» работали барским инвентарем. В источнике прямо отмечено, что они получают не только лошадей для работы, но и корм для этой лошади ¹²⁶. Кроме того, поденно оплачивался и труд молотильщиков.

Данные урбария и ведомости Зубка показывают до некоторой степени и положение мелкого рыцарства, вынужденного не только продавать свои села и участки, но и идти на службу к крупному феодалу. В ведомости отмечена и плата таким служилым людям ¹²⁷.

Трудно сказать, насколько типичной является Новоградская вотчина. Во всяком случае наличие в ее составе огромного лесного массива накладывало свой отпечаток на всю хозяйственную жизнь. Однако и здесь, как и в соседних владениях Тржебоньского монастыря, и в отличие от вотчин центральной и северной Чехии, мы не находим указаний на широкое распространение барщины, роль которой, в особенности в Новоградском панстве, прямо-таки ничтожна ¹²⁸, а с другой стороны, «наемный» труд находит большое применение. Это показывает, что независимо от специфики хозяйства южночешская вотчина изучаемого периода характеризуется некоторыми общими чертами, позволяющими говорить об ее отличиях от хозяйственного облика вотчин в северных и центральных районах страны.

Рассмотренные примеры не позволяют констатировать сколько-нибудь существенных различий между положе-

¹²³ Там же, стр. 35, 38, 39 и др.

¹²⁴ Там же. «*Item eidem fabro, qui subferavit equos Tasneri 52 babatis per 3 v facit 22g 1 v. «Item eodem die de melioratione doley magni quod fundum imposuit et ligavit», стр. 34, 35.*

¹²⁵ Там же, стр. 39.

¹²⁶ Там же, стр. 39.

¹²⁷ Там же, стр. 31.

¹²⁸ Там же, стр. 38.

нием крупных монастырских и светских вотчин на юге страны. В то же время они показывают насколько серьезны сами различия в хозяйстве северных и южных феодальных вотчин. Однако и в том и в другом случае с достаточной убедительностью прослеживается и нечто общее, а именно, что как на севере, так и в центре и на юге феодальное хозяйство всеми своими звеньями втягивается в товарно-денежные отношения. При этом можно говорить о возрастающей товарности как собственно барского, так и крестьянского хозяйства, о чем свидетельствует уже само распространение денежной ренты как на севере, так и на юге ¹²⁹. Рост товарно-денежных отношений на севере имел своим следствием расширение господского хозяйства как зернового, так и связанного с производством сельскохозяйственного сырья (лен, конопля, шерсть), что сопровождалось усилением барщины и порождало стремление феодалов к укреплению личной зависимости крестьян. На тощих землях юга расширение господской запашки само по себе не сулило феодалам особых выгод, и центр тяжести домениального хозяйства лежал в области льноводства, животноводства, рационально поставленного лесоводства, пчеловодства, рыборазведения и т. п. Ввиду этого феодальному хозяйству все труднее было обходиться барщинным трудом, а малоземельное крестьянство юга составляло необходимый постоянно растущий резерв «наемной» рабочей силы. В таких условиях главным средством нажима на крестьян являлось не усиление отработочных повинностей, а увеличение денежного чинша и наряду с этим широкое использование личных прав господина для дополнительного извлечения прибавочного продукта в виде всякого рода «случайных» поборов.

Таким образом, несмотря на различие форм, мы могли наблюдать на примере отдельных вотчин и на севере и на юге один процесс — процесс усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Этот процесс был обусловлен развитием товарно-денежных отношений. Наступление феодалов, составлявшее сущность «феодальной» или «сеньериальной реакции», накаляло до предела социальную атмосферу, обостряло классовые противоречия и приводило к невозможному в прежних условиях росту революционной активности масс.

¹²⁹ См. главу о ренте, стр. 71—157.

Глава вторая

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В ЧЕХИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

1

Изложенные выше замечания основаны на рассмотрении состояния чешской вотчины в последней четверти XIV в. Для того чтобы подтвердить и углубить результаты полученных наблюдений, необходимо установить, какие сдвиги произошли в хозяйстве и организации чешской вотчины к концу XIV—началу XV в. В связи с этим нельзя ограничиться рассмотрением отдельных примеров, а необходимо привлечь все имеющиеся в нашем распоряжении материалы. В первую очередь это необходимо для установления системы крестьянских повинностей, структуры феодальной ренты и ее движения в различных частях Чехии в течение 60—80 лет, непосредственно предшествующих событиям Великой крестьянской войны XV в.

Изучение структуры и движения феодальной ренты может быть плодотворным лишь в том случае, если оно будет опираться на возможно более широкий и разнообразный материал. В то же время при таком изучении не может быть места выводам, полученным путем механического соединения данных, идущих от разных мест страны. Обобщающему выводу о характере и движении феодальной ренты в Чехии в целом должно предшествовать углубленное, подробное рассмотрение ренты в отдельных районах с их местными особенностями. Ввиду этого вопрос о формах феодальной ренты в Чехии конца XIV—

начала XV в. должен быть поставлен прежде всего в плане выявления специфики рентовой структуры по районам. Не ограничиваясь этим, можно попытаться наметить различия и в путях развития ренты по отдельным частям страны. Главную трудность идущего по этому пути исследования нельзя не видеть в том, что вопросы изучения аграрной истории средневековой Чехии только поставлены в марксистской литературе. Весьма далеки от своего разрешения проблемы экономического районирования чешских земель XIV—XV вв. Кроме того, отсутствие в Чехии таких прочных и устойчивых административных единиц, как, например, английские графства, еще больше усложняет исследование и картографирование соответствующего материала. Из всех видов источников именно поземельные описи являются наиболее ценным материалом для работы в указанном направлении, так как они дают, во-первых, данные, достаточно массовые, во-вторых, одновременные, и в-третьих, отражающие особенности производственных отношений в разных районах страны.

Изучая феодальную ренту по разным районам Чехии, следует учесть, что поземельные описи не всегда дают возможность определить полную сумму феодальной ренты в каждом отдельном случае.

Таким образом, представляется возможным ограничиться характеристикой и сопоставлением основных видов феодальной ренты, денежного чинша, барщины и натуральной. Это тем более достаточно, что структура ренты определяется в основном соотношением между этими ее видами. При таком методе работы имеется и то преимущество, что в поле зрения всегда находятся однородные и, следовательно, сопоставимые величины по всем объектам исследования. Однако и такие подсчеты являются делом весьма затруднительным и в результате длительных и сложных выкладок можно прийти все равно лишь к приблизительным и ориентировочным цифрам. Поэтому сплошные арифметические расчеты соотношения между чиншами, барщинами и натуральными делались в дальнейшем только в некоторых случаях. Действительно, в ходе этих операций зачастую приходилось сталкиваться с неразрешенными задачами: далеко не во всех районах, а тем более вотчинах, барщина выражена настолько точно, чтобы ее можно было оценить хотя бы приблизительно.

но — достаточно вспомнить о существовании работ, определяемых формулами «*si opus fuerit*», «*laborare quidquid mandatur*».

Кроме того, не всегда имеются точные указания об оценках барщинных работ даже в тех местах, где их продолжительность может быть более или менее точно определена. Наконец, невозможно решить, как быть в тех случаях, когда источник устанавливает возможность замены барщины деньгами, но оставляет ее практическое осуществление на волю господина. Однако далеко не всегда являются необходимыми сложные и трудоемкие математические выкладки, ибо очень часто структура ренты вполне явственно обрисовывается непосредственно данными источника.

Переходя к рассмотрению имеющегося в нашем распоряжении материала о феодальной ренте, представляется целесообразным изложить результаты соответствующих наблюдений в порядке рассмотрения районов страны с юга на север. Это вызывается тем обстоятельством, что основная масса привлеченных к настоящей работе источников относится к южным районам Чехии, и принятый порядок изложения позволяет сочетать рассмотрение материала не только в географическом порядке, но и выдержать определенную хронологическую последовательность.

Самыми крупными светскими феодалами на юге Чехии были, как известно, паны из Рожмберка.

В период, с которого мы начинаем наше рассмотрение (70-е годы XIV в.), огромные владения панов из Рожмберка делились между тремя братьями — Петром, Яном и Олдржихом, которым принадлежало несколько сот сел, десятки замков и городов. Значительная часть этих земель была описана в урбарии владений панов из Рожмберка. Владения Рожмберков делились на ряд округов-панств, подавляющее большинство которых было разбросано в южной части Чехии в бассейне верхней Влтавы и Лужницы. Если принять за основу при дальнейшем обзоре единственные известные нам внутренние границы на территории Чехии — границы архидиаконатов в таком виде, как они установлены Палацким и Калоуском¹,

¹ F. Palacky. Historická mapa Čech. R. 1847. Nawrhl r. 1847, doplnil Josef Kalousek, r. 1874.

то на территории самого южного архидиаконата Рожмберкам принадлежало 352 населенных пункта, по которым имеются данные относительно ренты в упомянутой поземельной описи. Эти населенные пункты распределялись по 15 панствам. От юга к северу они идут в следующем порядке: Рожмберкское, Витоньское, Фримбургское, Крумловское, Майдштейнское, Новоградское, Витингауское, Гельфенбургское, Подегуское, Буковское, Хоустницкое, Пршибеницкое, Пршибеническое, Миличинское и Седльчанское. К тому же географическому району относятся материалы по Тржебоньской вотчине одноименного монастыря (1379 г.). Несколько более поздним временем (1388—1390) датируются данные по Затонским селам Островского монастыря и по Тынским, Хиновским, Пршибрамским и Рожмитальским селам архиепископства Пражского. Волинские села Пражского пробства, Незамыслицкие села Бржегновского, а также Пацовские и Захлумские Страговского монастыря описаны в урбариях начала XV в. (1406 и 1410 гг.). Таким образом, весь находящийся в нашем распоряжении материал, относящийся к южной Чехии, разбивается по трем основным периодам, соответственно к 70-м годам XIV в., к 1388—1390 гг. и к первому десятилетию XV в.

Наиболее южную группу вотчин составляли три Рожмберкских панства — Рожмберкское², Витоньское³ и Фримбургское⁴, в которых насчитывалось соответственно 77, 16 и 10 населенных пунктов.

Крестьянские повинности и платежи в этих панствах неодинаковы. В Витоньском и Фримбургском вообще не указаны какие-либо виды отработочных повинностей. Равным образом и в 24 селах Рожмберкского панства упоминается только чинш⁵. Кроме того, в 14 других деревнях барщины и натуральные платежи названы лишь в связи с оценкой их денежной стоимости, так что и в этих селах

² RR, str. 1—11, № 1—77.

³ RR, str. 25—26, № 206—222.

⁴ RR, str. 26—28, № 223—234. В дальнейшем при повторении ссылок на поземельную опись владений панов из Рожмберка последние даются в тексте в сокращенном виде — числитель дроби всегда обозначает страницу, знаменатель — номер описи.

⁵ Таковы села Млынец (3/9), Плисков (5/18), Остров (5/22), Малшин (5/23), Пржизоры (5/24) и др.

реальные платежи крестьян состояли, очевидно, из одних только денежных взносов⁶. Вместе с тем мы находим пять деревень, крестьяне которых помимо денежных чиншей обложены натуральными взносами, а барщины не отбывают вовсе, в шести других селах барщина оценена в деньгах, хотя сохраняются и натуральные взносы. Из этого следует, что в 70-е годы XIV в. в 49 населенных пунктах Рожмберкского панства барщина не отбывалась.

Что касается тех сел, где отработочная рента засвидетельствована, картина ее распределения даже по населенным пунктам, не говоря уже об отдельных держателях, представляется исключительно сложной. В 18 селах крестьянские повинности представлены и чиншами, и барщинами, и натуральными взносами⁷. В трех случаях деньгами заменяются натуральные взносы при сохранении барщины. Наконец, в селах Младонов, Микулов, Бистра и Завратна часть крестьян несет барщины, в то время как другие уже платят «за работу» (*pro labore*) деньгами⁸.

Если говорить о характере и составе барщинных повинностей, то эти повинности сводились к выполнению уборочных и сенокосных работ. Такой характер сохраняла барщина во всех случаях, где она упоминалась. В селах Рожмберкского панства она состояла всегда из обязанности крестьян выставять жнецов и косцов в количестве, различном в отдельных селах, чаще всего по шесть

⁶ Сватомиров (2/6), Бабы (2/7), Сейфы (3/8), Цетвинь (6/37), Микулов (6/38) и др.

⁷ Села Калиштъе (1/2), Збраслав (Пршибиславов) (1/3), Жумберк (2/5), Дрохи (6/30), Бьелень (7/41) и др.

⁸ Например, из шести ланов села Младонов три лана обложены чиншем в 2 таланта и 58 денариев, дают 6 цыплят и половину меры мака, которую можно заменить уплатой 6 денариев. Держатели этих ланов не несут никаких баршин, но уплачивают за работу 35 денариев. Другие же три лана, уплачивая 2 таланта 74 денария чинша, дают в качестве натурального взноса 7 цыплят, но, вместе с тем, отбывают барщину, выставляя семерых жнецов и $3\frac{1}{2}$ косца, («*Villa Mladonov continet VI laneos, quorum tres solvunt papaveris vel V den., pro labore XXXV den. Alii vero tres lanei solvunt II talenta LXXIII den., VII messoris, $3\frac{1}{2}$ falcatorem feni, VII pullos*». RR, str. 6, № 36). Подобно этому в селе Завратна 3,5 лана обложены денежным чиншем в $2\frac{7}{8}$ таланта, уплачивают небольшие натуралии (по 3 цыпленка, 20 яиц и 1 сыру) и выставляют по шесть жнецов и по три косца с лана, а еще один двор, обложенный одним талантом чинша, а также дающий цыплят, яйца и сыр, освобожден от барщины, уплачивая «*pro labore*» 48 денариев.

жнецов и по три косца от каждого лана земли. В некоторых селах иногда барщина снижалась соответственно до четырех жнецов и одного-двух косцов⁹. Вместе с тем встречалась и более высокая барщина — по восемь — десять жнецов и четыре-пять косцов и, наконец, в двух случаях — двенадцать косцов и шесть жнецов (села Беленце и Забрани)¹⁰. Надо отметить, что величина барщины была связана с наличием в данном селе или его ближайших окрестностях господской запашки. Учитывая то обстоятельство, что барщинные повинности встречаются лишь в небольшом числе сел Рожмберкского панства и полностью отсутствуют во всех селах Витоньского и Фримбургского панств, можно думать, что господский домен на территории этих панств был во много раз меньше земли, входившей в состав крестьянских держаний. Косвенным показанием о сравнительно небольшом значении собственно господской запашки является, быть может, и отсутствие всякого упоминания об извозных повинностях крестьян.

Еще более скромное место занимают в крестьянских платежах натуральные взносы, обязательной составной частью которых являются куры, яйца и сыр. Так, в Фримбургском панстве в качестве натуральных взносов встречаются одни только куры, да и те не во всех местах. Подобного же рода повинности распространяются и на крестьян Витоньского панства, заменяющих уже, впрочем, во многих случаях яйца и сыр деньгами. Что касается Рожмберкских сел, то в 24 случаях, как уже упоминалось, рента ограничивается одним чиншем; сверх того в 17 — натуралии полностью заменяются деньгами. Иногда при этом текст поземельной описи лишь допускает возможность коммутации, не делая ее обязательной. Чаще всего это бывает с сыром, упоминания о котором сопровождаются припиской «или по 1 денарию за сыр»¹¹.

Кроме кур, яиц и сыров, в составе натуральных платежей упоминаются лен, реже конопля, изредка мед и довольно часто мак. Источник предусматривает замену и этих продуктов, устанавливая для них соответствующие

⁹ RR, str. 5, № 17 и др.

¹⁰ RR, str. 10, № 73, str. 7, № 45.

¹¹ «Vel per unum den. pro caseo». RR, str. 2, № 4, № 5 и № 6.

цены: мера мака — 12 денариев, мера льна — 6, горшок меда 10 и т. д.¹².

Непременной и важной составной частью крестьянских платежей в Рожмберкском, Фримбургском и Витоньском панствах является чинш. Размер его колеблется, в отдельных случаях он ниже половины копы (копа = 60 гр.), но в большинстве сел равняется примерно одной марке (марка = 64 гр.) с лана¹³. При рассмотрении отработочной и натуральной ренты уже были отмечены случаи коммутации, число которых можно было бы намного увеличить¹⁴.

Таким образом, рассмотрение состава и структуры феодальной ренты по наиболее южным селам Чехии, описанным в урбарии владений панов из Рожмберка, позволяет прийти к заключению, что здесь перед нами резко выражено преобладание денежной ренты, причем последняя имеет тенденцию к увеличению путем коммутации. Для получения полного представления о структуре феодальной ренты большое значение имеет вычисление процентных соотношений между различными видами ренты. Для этой цели надо использовать оценки отработок и натуральных повинностей, даваемых источником. К сожалению, такие расчеты не всегда возможны и получаемые результаты могут иметь лишь более или менее условное значение. Показательно, что даже в тех считанных селлах, где мы имеем максимальные для всего рассмотренного района нормы барщины, стоимость ее не составляет более 25% всей суммы феодальной ренты,

¹² RR, str. 2, № 4 и № 5; str. 3, № 8 и др.

¹³ Ниже копы чинш опускается только в нескольких селлах: в селе Анцигль (7/44) каждый из четырех ланов платит по 5 солидов (около 1/2 копы); в селлах Остров (5/22), Забрани (7/45) держатели участков по одному лану платят по одному таланту (немного более половины копы), в селлах Калиштъе, Горжипна — по 10 солидов (300 денариев или 45 гр.), в селе Странки — 10 солидов и 5 денариев и в селе Пржизоры — 12 солидов (360 денариев). Ниже половины копы чинш платили в селе Мышляны (4/14), где держатели четырех ланов вносили 80 денариев (около 12 гр.).

¹⁴ Так, например, в селе Губце (6/31) крестьяне должны платить, кроме чинша, по 6 кур или 12 денариев, квартал мака или 10 денариев и 52 денария *pro labore*. В селе Микулов (6/38) помимо чинша крестьяне платили полмеры мака или 20 денариев и 60 денариев за барщину.

поддающейся исчислению¹⁵. Однако по всем трем рассмотренным панствам удельный вес реально выполнявшейся барщины должен быть во много раз уменьшен, так как столь высокая отработочная рента засвидетельствована только в двух селах из 103, в то время как в 75 (49 в Рожмберкском, 16 — в Витоньском, 10 — в Фримбургском панствах) вовсе отсутствует, а в остальных — невысока, и для всей группы среди зарегистрированных в источниках повинностей барщина составляет совсем ничтожную долю общей суммы феодальной ренты.

Другую группу рожмберкских владений, расположенных несколько севернее, представляют панства Крумловское¹⁶ и Майдштейнское¹⁷. В первом из них насчитывалось 35 сел, во втором — 12. Во всех этих селах наблюдается такое же преобладание денежной ренты, как и в только что разобранных панствах крайнего юга. В Крумловском панстве отработочные повинности зарегистрированы в семи селах¹⁸. Виды барщины здесь те же, что и в предыдущей группе — уборка зерновых и сена. Величина барщины колеблется от четырех жнецов и двух косцов с лана соответственно до восьми и четырех. В селе Затес вместо выставления косцов предусмотрена возможность уплаты за каждого косца по одному гро-

¹⁵ Так, например, рассматривая структуру феодальной ренты по селу Беленчев, находим, что чинш составлял 900 денариев, а прибавляя к этому 24 денария давно коммутированной платы за натуралии и 24 денария «pro honoris», получаем сумму в 948 денариев. Оценивая уборочные повинности крестьян согласно нормам, приведенным при описании того же панства, получаем, что работа 48 жнецов (по 3½ денария) и 18 косцов (по 7 денариев) может быть установлена в 294 денария. Наконец, куры, яйца и сыры, вносимые крестьянами, могут быть оценены в 76 денариев (12 куриц по 5 денариев, 4 сыра по 2 денария, 80 яиц по одному денарию за десяток). Сравнивая итоговые цифры, получаем, что сумма натуральных взносов составляет немногим более 5%, оценка барщины — свыше 22%, а на долю денежных платежей — более 72%. Если добавить, что в этом случае вычисление относится к селу, где встречается самая высокая барщина, зарегистрированная в источнике, то не приходится сомневаться, что преобладание денежной ренты в целом по крайним южным панствам не может подлежать сомнению.

¹⁶ RR, str. 30—35, № 257—300.

¹⁷ RR, str. 35—36, № 301—314.

¹⁸ Хабичовице (30/258), Пришидольи (30/259), Нагоржаны (30/261), Затес (30/263), Ловещице (31/269), Страшень Великий (32/274) и Хоэншлаг (32/275).

шу. Но обязанность выставять по четыре жнеца с лана еще сохранилась. В селе Осек оба вида барщинных работ уже допускают замену деньгами¹⁹. В селе Чова Весь в таком же случае употреблена уже иная формула — здесь не названы отдельные виды барщины и устанавливается лишь обязанность крестьян «работать по 6 дней», или «ежегодно (платить. — Б. Р.) за работы по 4 гр.»²⁰. Сложнее определить, можно ли рассматривать в качестве барщины обязанность крестьян сел Осек, Нагоржаны, Малчице и Споли выставять сторожей для охраны Крумловского замка²¹. Первые два и четвертое должны были давать совместно восемь сторожей, третье — пять. Во всяком случае, такая обязанность не тождественна барщинам в обычном смысле этого слова. Что касается сел Майдштейнского панства, то здесь барщина упоминается только в одном селе — Тржиссов²², где с каждого лана крестьяне должны выставять по шесть жнецов и три косца, а один подсоседок должен отработать восемь дней на уборке урожая. Это объясняется тем, что здесь имелась господская запашка, составлявшая $2\frac{3}{4}$ лана. Во всех остальных селах этого панства нет сведений о домене, а барщины упоминаются лишь в общем виде и для того, чтобы указать на их замену деньгами²³.

Переходя к рассмотрению натуральных повинностей крестьян сел, входивших в состав Крумловского и Майдштейнского панств, следует заметить, что и здесь в подавляющем большинстве случаев натуральные повинности состояли из кур, сыров, льна, мака, в одном месте

¹⁹ RR, str. 30—31, № 264.

²⁰ RR, str. 34, № 295.

²¹ RR, str. 31, № 266 и № 267.

²² RR, str. 35, № 301.

²³ Так, в селе Плана (35—36/303) крестьяне платят по 6 грошей *pro labore*, в селе Боры крестьяне платят *pro robotis*, в селе Краслетин *pro roboti*, в селе Залужьи вообще «*pro tota*». Наконец, в селе Голубов не только крестьяне, но и подсоседки «*sensuant annuatim pro censu, pullis et robotis*» (стр. 36, № 307, 308 и 311). Трудно сказать, где отбывали свою небольшую барщину, возможность замены которой деньгами из расчета по полгроша за жнеца предусматривается во всех случаях, пять подсоседков села Краслетин (36/308). Во всем Майдштейнском панстве не указано другого участка господской земли, кроме уже упомянутой в селе Тржиссов. Не исключается, впрочем, возможность, что они работали в этом последнем.

из овощей, к сожалению, неизвестно, каких именно ²⁴. Весьма часто допускается замена всех натуралий или части их деньгами. Например, в селе Осек они могли быть заменены деньгами, и после указания соответствующих оценок в тексте урбария содержится приписка, в которой подводится сумма денежного обложения, приходящаяся на каждый лан ²⁵. Весьма симптоматична и другая приписка, датированная 1387 г. (т. е. сделанная через несколько лет после составления урбария): вслед за описанием села Пршидолы, где указаны денежные, натуральные и барщинные повинности крестьян, помещено примечание, написанное другой рукой и прямо говорящее о замене натуральных взносов деньгами ²⁶. Если в этом случае взносы зерном заменялись деньгами, то в селе Тржебонин такая повинность сохранялась: с каждого из 17 ланов села вносилось, не считая чинша, по 4 меры пшеницы, 4 меры ржи и 8 мер овса («per IIII tinas tritici et per III tinas siliginis et per VIII tinas avena») ²⁷. Взнос зерном (8 мер ржи и 8 овса) имеется также в селе Новоседлы, но во всех остальных Крумловских и Майдштейнских селах натуралии не зарегистрированы в источнике ²⁸.

При ознакомлении с денежными платежами крестьян Крумловского и Майдштейнского панств следует отметить, что они распространялись на все без исключения населенные пункты. Кроме того, бросается в глаза то, что 14 сел (из 35) в первом случае и 10 (из 12) во втором вообще уплачивали только денежные чинши или, во всяком случае, только эти последние внесены в текст урба-

²⁴ Таковы повинности крестьян в селах Тржебонин, Хабичовице, Затес, Новоседлы и др.

²⁵ RR, str. 30—31, № 264.

²⁶ RR, str. 30, № 259: «pro XVIII tinis siliginis per XVIII den. quamlibet computando et pro totidem avene quamlibet per IX den computando LXII gr. III den. annatim».

²⁷ RR, str. 30, № 257.

²⁸ Особое место занимают высокие натуральные платежи мельников, уплачиваемые в большинстве случаев рожью. Так, мельница в Полешнице платит 70 мер ржи, мельница около церкви в селе Латран — 90, мельница около города Крумлов — даже 130 (RR, str. 30, № 278). Разновидностью натуральных повинностей держателей мельниц является также выкармливание свиней; последняя повинность заменялась тоже деньгами. Так, две из поименованных выше мельниц платили по одной копе «pro porcis» (там же).

рия²⁹. Размер чинша изменялся даже в пределах одного села. Так, например, каждый из восьми ланов села Шванков облагался платежом в 14 гр. (90 денариев)³⁰, а в селе Залужьи и Ловещице чинш составлял 81½ гр. (80 гр. и 10 денариев). К сожалению, материал урбариев не дает возможности прийти к достаточно обоснованным заключениям относительно причин, вызывавших столь существенные различия в обложении крестьянских участков. Вполне вероятно, что при этом оказывало свое влияние как различное качество земли, так и другие причины. Так, например, в селе Залужьи можно предполагать, что величина чинша, определенного описью в 80 гр. с лана, составила в результате суммирования первоначального чинша и стоимости натуральных и барщинных повинностей³¹.

Учитывая, что и в других случаях рента, несомненно, прошла сложный путь превращений, прежде чем была зафиксирована составителями урбария владений панов из Рожмберка, можно предполагать, что кажущийся непомерно высоким размер ее также связан с процессом коммутации. Кроме того, несоответствие между денежной рентой и величиной надела может найти свое объяснение и в особенностях распределения ее между держателями (напомним в этой связи, что урбарий панов из Рожмберка содержит лишь нормы обложения крестьянских держаний и причитающихся с них платежей), а также в особенностях юридического положения последних. К сожалению, в данном случае относительно этих обстоятельств можно было бы строить только предположения.

Таким образом, структура феодальной ренты Крум-

²⁹ Таковы Крумловские села Залужьи (30/260), Шванков (32/277), Слоупенец (33/280), Собенов (34/289), Ройшин (35/296) и др., а также Майдштейнские села Вrabчье (35/302), Гомыль (36/304), Кроцлоу (36/305), Опалице (36/309), Ямне (36/312) и др.

³⁰ RR, str. 32, № 277.

³¹ RR, str. 30, № 260. На такую мысль наводит то обстоятельство, что в этом селе крестьяне, кроме чинша, не несли никаких других повинностей и, кроме того, при определении его размеров употреблена не вполне обычная формула: «tres laneos consuantes annuatim per 80 grossos tantum». Подобного рода формула приведена и при определении повинностей села Гомоле (Майдштейнское панство), каждый из 18 ланов которого «solvit per unam sexagenam tantum» (36/304). В селах Чертынье и Залужьи (36/311, 312) мы находим разновидность этой формулы. Каждый из ланов в этих селах платит «annuatim pro toto unam sexagenam».

ловского и Майдштейнского панств не отличалась сколько-нибудь существенным образом от Рожмберкского, Витоньского и Фримбургского панств. И там, и здесь можно говорить о ярко выраженном преобладании денежной ренты и о далеко зашедшем процессе коммутаций.

К востоку от рассмотренной территории, на правом берегу реки Мальши находились панства Новоградское³² и Витингауское³³, а также владения Тржебоньского монастыря³⁴. О них мы находим данные в поземельной описи имений Рожмберков. В первом из названных панств перечислены повинности в 17, во втором — в 14 населенных пунктах. Во владениях Тржебоньского монастыря имелось семь сел.

Приступая к рассмотрению феодальной ренты крестьян Новоградского панства, мы видим уже знакомую картину соотношения между видами этой ренты. В трех пунктах из 17 находим барщину. В Гречене, где имелись господские поля, встречается и барщина. Барщинные повинности не распределяются равномерно между всеми крестьянами, 49 участков уплачивают ежегодно «pro toto» по 60 гр., но пять других, чинш которых равен всего лишь 60 денариям (менее 10 гр.), не только выставляют жнецов (что, впрочем, может быть заменено денежной платой), но и должны пахать в течение трех дней, либо платить по три гроша (*tribus diebus quilibet arare tenetur vel per III gr. dare*)³⁵. В другом случае в селе Штиптонь наблюдается подобная же картина. 19 крестьянских участков платят в год по 60 денариев, выставляют по два жнеца и должны косить сено в течение двух дней и перевозить его в течение третьего дня³⁶ (*quilibet debet siccare fenum per II dies et tertio die ducere.*) Для двух других участков устанавливается

³² RR, str. 11—14, № 78—94.

³³ RR, str. 54—56, № 465—480. Город Тржебонь назывался в XIV в. также Витингау. Для того чтобы отличить владения Рожмберков, находившиеся возле Тржебони, от сел Тржебоньского монастыря, мы называем Витингауское панство Рожмберков, а не Тржебоньское.

³⁴ О хозяйстве Тржебоньской и Новоградской вотчин см. выше, стр. 58—64 и 65—69.

³⁵ RR, str. 11, № 78.

³⁶ RR, str. 12, № 86. Следует оговориться, что как в этом селе, так и в Новограде крестьяне, отбывающие барщинные повинности, уплачивают и небольшой натуральный сбор.

обязанность пахать в течение трёх дней, причем, если, как говорит источник, господин не захочет иметь запашку, тогда «каждый с одного ройта (земельный участок) должен дать за пахоту по одному грошу за каждый день». В том же селе упоминаются поименно еще трое крестьян, также отбывающих незначительную барщину. Наконец, барщина упоминается и в селе Жар, 20 наделов которого выставляют совместно 47 жнецов и также работают на пахоте³⁷.

Исчерпав, таким образом, материал по отработочной ренте в селах Новоградского панства и, переходя к рассмотрению барщин Витингауских сел, следует заметить, что и здесь барщина упоминается только лишь в трех случаях из 14. Однако это описание представляет некоторую особенность. В селе Плавско барщина исчисляется не с единицы земельной площади, т. е. лана или ройта, как это обычно в Рожмберкском урбании, а устанавливается, если так можно сказать, подворно «*quilibet hospitum sicut sedet, metit duobus diebus pro hyemalibus et estivalibus*»³⁸.

Кроме того, все жители должны убирать и свозить сено с господского луга³⁹. Наконец, двое из трех подсоседков, проживающих в этом селе, должны жать по два дня. В селе Иловице подсоседки работали по восемь дней; в соседнем селе Иловичка крестьяне не несли барщины, но один из четырех подсоседков выполнял «необходимые работы» в течение восьми дней, а остальные трое — в течение четырех. В этих селах привлекает внимание сама неопределенность барщины, выражаемая термином «*labogage*»⁴⁰.

При рассмотрении барщин во владениях Тржебоньского монастыря прежде всего следует заметить, что в селах Граховишть и Шальмановице барщина вообще отсутствует. В остальных пяти селах монастыря наблюдаем различные сочетания барщинных работ, устанавливаемых в зависимости от потребностей господского хозяйства. Здесь встречается обязанность крестьян пропахивать

³⁷ «Item omnes tenentur sinqulis annus expedire trina vice IX aratra». RR, str. 12, № 81.

³⁸ RR, str. 56, № 480.

³⁹ RR, str. 56, № 480; «domini habent pratum dictum vlcziejow, quod omnes simul incole debent falcare, siccare, cumulare et conducere».

⁴⁰ RR, str. 56, № 476 и № 477.

определенное количество полос земли ⁴¹, уборка зерновых и т. д. Характерно, что здесь упоминаются и другие виды барщинных работ, но все они уже переведены на деньги, хотя в Тржебоньском монастыре и вырисовывается наличие барщин в прошлом: «Item angarias seu robotas quiquid ibidem est de agris, ab antiquo pertinentiis».

Рассмотрев барщинные повинности крестьян в Новоградских, Витингауских и Тржебоньских селах, мы обратимся теперь к изучению их натуральных платежей, которые, как свидетельствуют показания поземельной описи, были сравнительно невелики. Так, в Новоградском панстве натуральные повинности вносились в 12 населенных пунктах (из 17), в Гретчене, Жаре, Штиптони, Луге они ограничивались одними только курами ⁴², в селе Буковье — медом ⁴³, Свины, Фридрихшлаге и Шлаглесе — только, видимо, маком ⁴⁴, поскольку в источнике упоминается лишь о нем. В селах Стропнице, Хлупата, Гуменице и Борованы находим сочетание двух или нескольких видов натуральных повинностей. Так, в Стропнице, Хлупате и Гуменице крестьяне должны были давать кур, яйца, сыры, мак и лен, причем всегда предусматривалась возможность замены натуральных взносов деньгами ⁴⁵. Наконец, в Борованах с каждого лана держатель платил по одному четверику мака, по две курицы и две меры овса ⁴⁶. Если добавить, что в шести населенных пунктах ⁴⁷ на все виды повинностей допускается замена деньгами, то станет яс-

⁴¹ Так, в селе Дунаевице крестьяне с каждого лана должны восемь дней убирать хлеб и четыре дня косить сено, один день отбывать извозную повинность и вспахивать трижды 16 полос; в селе Споли при той же норме уборочных и сенокосных работ крестьяне обязаны отбывать извозную повинность в течение двух дней и, кроме того, вспахивать дважды по 16 полос. В селе Доманине барщина состояла только из двух видов — уборки хлеба и кошения сена, но каждый крестьянин отбывал ее не в одинаковых размерах. Большинство держателей должны шесть дней работать на уборке зерновых и один день косить луг. Однако крестьянин Леон, держащий лан, должен работать на уборке восемь дней (*in siligine III et in avene IIII*) и косить один день сено.

⁴² RR, str. 11, № 78; str. 12, № 81; str. 12, № 85; str. 12, № 93.

⁴³ RR, str. 12, № 83.

⁴⁴ Крестьяне платят здесь «*pagnam merretam papaveris vel. 44 parvos*» (RR, str. 12, № 86, 88, 89).

⁴⁵ RR, str. 13, № 87, 90, 92.

⁴⁶ RR, str. 12, № 82.

⁴⁷ Гретчен, Букова, Шлаглес, Стропнице, Хлупата и Гуменице.

ным, что и здесь натуральные повинности составляют по всему панству лишь незначительный процент от всей суммы феодальной ренты. Еще меньшее значение сохраняют натуральные повинности в Витингауском панстве, где только в двух селах (Плавско и Шальмановице) крестьяне дают кур⁴⁸. Натуральные повинности крестьян Тржебоньского монастыря также невелики, а в селах Доманин и Граховиштье вовсе не упоминаются. Крестьяне села Дунаевице должны были давать с каждого лана по 4 курицы, 40 яиц и один сыр, взамен которого можно было платить 2 гроша; дворжицкие крестьяне давали по 6 кур и по 40 яиц, вместо сыра они должны были платить уже по одному грошу с лана. Крестьяне сел Дунаевице, Дворжец и Споли давали, кроме обычных натуральных платежей, по 2 курицы (pro honogantia)⁴⁹.

Что касается денежных платежей, то они засвидетельствованы во всех без исключения селах, как Рожмберкских, так и монастырских. Величина этих взносов снова таки разнообразна и колеблется по Новоградскому панству от 44 (Бинов) до 63 грошей (Круцов), по Витингаускому — от 32 (Сухдол) до 86 грошей (Бранна). Как уже было показано, в этих панствах широко практикуется замена повинностей и натуральных взносов деньгами. В нескольких случаях при определении чинша встречается уже знакомая нам формула «за все» («pro toto» или «in toto»)⁵⁰. Различны размеры также и денежных взносов крестьян Тржебоньского монастыря. Эти размеры колебались в пределах от 48 до 75 грошей с лана; характерно, что обе эти крайние цифры зарегистрированы в одном и том же селе — Дворжец. Урбаральные записи Тржебоньского монастыря дают возможность установить также принцип обложения отдельных крестьянских участков и зависимость обложения от величины земельных наделов: в этих селах во всех случаях строго соблюдается пропорциональность обложения⁵¹. К сожалению, вследствие особенно-

⁴⁸ В первом случае по 4 курицы с лана или по 2 гр., а во втором по одной курице (RR, str. 55, № 468; str. 56, № 480).

⁴⁹ UH, str. 4, 5, 7.

⁵⁰ RR, str. 11, № 78, str. 12, № 80—84.

⁵¹ В селе Доманине и Дунаевице платят с половины лана 34 гр. (т. е. 68 гр. с лана), в Граховиштье с половины лана 37 гр. (т. е. 74 гр. с лана), в Младошовицах с $\frac{1}{3}$ лана — 20 $\frac{1}{2}$ гр., в Шальмановицах с лана — 56 гр.

стей поземельной описи владений панов из Рожмберка не представляется возможным установить, существовала ли столь строгая пропорциональность обложения и во владениях этих последних.

После всего сказанного можно сделать вывод, что в рассмотренных панствах удельный вес денежных платежей в общем итоге поступления феодальной ренты чрезвычайно велик и занимает то же место, что и в других панствах юга.

Следующую группу Рожмберкских владений, расположенных ниже по течению Влтавы на левом и правом ее берегах, составляли панства Гельфенбургское, на реке Бланице⁵², Подегуское, расположенное несколько юго-восточней последнего⁵³ и Буковское, села которого находились между Влтавой и Лужницей на пути от Тржебони к Тыну⁵⁴. В Буковском панстве описаны повинности крестьян 17 сел, в Подегуском — 18 и в Гельфенбургском — 25. Вместе с тем следует сразу оговориться, что в последнем случае составитель урбария не дает развернутого перечисления повинностей в селах Штетин, Крайничко, Мекинец, Залужьи, Скала и других (всего в 14 селах), довольствуясь указанием на то, что в Штетине каждый из восьми лансов обложен так же, как и в селе Гагек («Solvunt per omnia ut in Hagek»), а в остальных 13 случаях указывает лишь количество ланов, отмечая, что они обложены точно так же. Поскольку неизвестны повинности в селе Гагек, которое отсутствует как среди сел Гельфенбургского панства, так и вообще в составе Рожмберкской описи⁵⁵, невозможно судить о повинностях крестьян в этих селах. Таким образом, по Гельфенбургскому панству мы располагаем данными только по 11 населенным пунктам из 25.

Барщинные повинности в той части сел Гельфенбургского панства, которая может быть изучена, встречаются

⁵² RR, str. 39—41, № 333—359.

⁵³ RR, str. 37—39, № 314—332.

⁵⁴ RR, str. 41—43, № 360—378.

⁵⁵ Относительно села Гагек можно лишь высказать предположение, что оно выбыло из состава Рожмберкских владений незадолго до оформления дошедшего до нас списка Рожмберкского урбария и было механически включено составителями последнего, оставившими в неприкосновенности непосредственно следовавшие за этим описанием сел со ссылкой на повинности села Гагек.

только в селах Чихтице и Витеевице⁵⁶, в первом случае каждое крестьянское хозяйство выставляет по двенадцать жнецов, по три косца и обязано сушить сено в течение трех дней. Поскольку в этом селе владелец имеет два поля и огород⁵⁷, то наличие здесь барщины вполне понятно. В селе Витеевице крестьянские повинности описаны неопределенным выражением. Других отработочных повинностей в селах Гельфенбургского панства не находим. Можно только добавить, что в с. Жерновице упоминается плата «pro robota». Почти такая же картина наблюдается в селах Буковского панства, где барщина зарегистрирована в двух случаях, а в одном (село Бзи)⁵⁸ упоминается плата «pro robota». В селе Льгота Сартонум крестьяне выставляют по восемь жнецов, по два косца и должны перевозить по 80 мер «in hoggeo», а подсоседки обязаны отработать по одному дню на барщине. Все эти повинности заменяются деньгами из расчета 14 грошей с лана⁵⁹.

Наконец, в Подегуском панстве находим барщину лишь в трех селах из 18⁶⁰. Кроме того, в селах Кочин, Жабовржески, Радошовицы упоминается плата «pro labore»⁶¹.

Натуральные взносы в Гельфенбургском панстве состоят также из кур, яиц и льна⁶². В некоторых случаях прежние натуральные взносы здесь допускают замену⁶³. Во всех остальных селах Гельфенбургского панства, а также во всем Буковском панстве натуральные взносы не упоминаются, если не считать того, что крестьяне села Льгота дают по четыре курицы или по 2 гроша⁶⁴.

Серьезные отличия в составе натуральных взносов наблюдаются в селах Подегуского панства. Не говоря уже о курах, сырах и яйцах, которые составляют натуральные платежи в селах Пашице, Пластовице, Главатце, Ольшо-

⁵⁶ RR, str. 39, № 336; str. 40, № 352.

⁵⁷ RR, str. 39, № 336.

⁵⁸ RR, str. 40, № 352; str. 41, № 358; str. 42, № 368.

⁵⁹ RR, str. 42, № 369.

⁶⁰ В Подержицах (12 жнецов, 6 дней уборки сена. RR, str. 37, № 314), Врабине (8 жнецов и 4 косца. RR, str. 38, № 322) и Кртлы (16 жнецов, 2 косца. RR, str. 38, № 323).

⁶¹ RR, str. 38, № 324—326; str. 38, № 324; str. 38, № 325; str. 38, № 320.

⁶² RR, str. 39, № 336; str. 40, № 352; str. 41, № 358.

⁶³ RR, str. 39, № 334; str. 40, № 333; str. 39, № 336.

⁶⁴ RR, str. 42, № 369.

вицы, Вавице⁶⁵ и др.⁶⁶, в шести селах крестьяне вносят также и зерновые по 4 меры пшеницы, по 4 меры ржи, по 4—8 мер овса⁶⁷. Показательно, что ни в одном из сел Подегуского панства зерновые не заменяются деньгами. Что касается денежного чинша, то как в Гельфенбургском, так и в Подегуском панствах он колеблется между 40 и 64 грошами с лана. Причем в первом случае в селах Свойнице, Небагов, Еленки, Льгота Кралева, Льгота Власткова⁶⁸, а во втором в селах Кочин, Жабовржески, Радошовице и Калиштье⁶⁹ чинш является единственной повинностью крестьян, отраженной в урбарии. Переходя к рассмотрению денежного чинша Буковских сел, устанавливаем, что в большинстве денежные платежи крестьян из них составляют 80 грошей⁷⁰. Интересно сопоставить эти высокие чинши с полным отсутствием натуральных поборов в селах этого панства, о чем было сказано выше; здесь процесс коммутации уже дошел до конца, возможно, что при этом сыграло свою роль и качество почвы.

Таким образом, рассмотрение ренты в селах Гельфенбургского, Подегуского и Буковского панств позволяет впервые заместить на общем фоне преобладания денежной ренты, свойственного более южным районам, первые симптомы возрастания отработочной ренты (в селе Свины подсоседки отработывали тридцатидневную барщину) и натуральных платежей (в Подегуском панстве). Но такие случаи являются еще единичными (например, не выше чем из 250 рассмотренных сел тридцатидневная барщина зарегистрирована только в одном случае). Чтобы установить, не является ли это небольшое изменение ренты делом случая, необходимо рассмотреть материалы описи северных

⁶⁵ По 2 курицы, 20 яиц и 2 сыра с лана (RR, str. 37, № 316, 317, 319, 320; str. 38, № 321).

⁶⁶ Подержице, Врабин, Дегтяржи, Чаков, Гумно, Янков (RR, str. 7, № 314; str. 38, № 322, 327, 328, 330; str. 39, № 331).

⁶⁷ RR, str. 37, № 316, 317, 319, 320; str. 38, № 321—327.

⁶⁸ RR, str. 40, № 353—357.

⁶⁹ RR, str. 38, № 324, 325, 326, 329.

⁷⁰ Буковско, Драготешнице, Неплахов, Динин, Бошилец, Седликовице (RR, str. 41, № 360; str. 42, № 361, 362, 363, 364, 367)—82 гр.; Борковице (RR, str. 43, № 374)—88 гр.; Свинки (RR, str. 43, № 376)—96 гр.; Властборж (RR, str. 43, № 375) и даже более 100 гр. (Свинки) и 106 гр. и парвос (RR, str. 43, № 373) и Залши—100 гр. и 5 парвос (RR, str. 42, № 371).

владений панов Рожмберков, расположенных на правом берегу реки Влтавы. Правобережные Влтавские села панов Рожмберков составляли панства Хоустницкое⁷¹, Пршибеницкое⁷², Пршибеническое⁷³, Миличинское⁷⁴ и Седльчанское⁷⁵, в которых насчитывалось согласно урбарии 1379 г. соответственно 26, 37, 32, 14 и 14 населенных пунктов. По Хоустницкому панству только в селе Хрбонин в урбарии указано количество жнецов и косцов, выставляемых с лана, причем в дальнейшем становится ясным, что они отбывали барщину на барской запашке в селе Гржебен⁷⁶. Кроме того, в селе Влчовесь крестьянам вменялось в обязанность перевозить сено с господского луга, а в селах Коетин и Пржедборж возить хлеб с полей⁷⁷.

Значительно более высокая барщина — в селах Пршибеницкого панства. Так, в селе Маршов крестьяне должны были выставять по 16 жнецов и восемь косцов с лана. Однако эта повинность уже заменялась деньгами⁷⁸. В большинстве случаев крестьяне убирали зерновые по четыре дня; к этому прибавлялась иногда сенокосная повинность или сушка сена⁷⁹. В селах Обора, Залши, Пршибенице указана плата «*pro robota*» или «*pro labore*»⁸⁰. В Пршибеническом панстве барщина также не охватывает всех сел и ограничивается выставлением жнецов (по четыре с лана), косьбой сена на господском лугу⁸¹. Гораздо более показательны, хотя и не так многочисленны случаи, когда барщина измеряется не днями, а неделями без указания количества и качества работ. Так, в селе Бртце с каждого лана крестьяне работали по три недели⁸². Такова

⁷¹ RR, str. 18—21, № 133—165.

⁷² RR, str. 14—17, № 95—132.

⁷³ RR, str. 43—48, № 379—411.

⁷⁴ RR, str. 48—50, № 412—416.

⁷⁵ RR, str. 54—55, № 427—440. Относительно сел Збирог, Вольдухи, Темков и Раднице, включенных в описание Седльчанского панства, следует заметить, что они находились в Пльзеньском крае к северу от Рокицан, между реками Беровункой и Литавкой.

⁷⁶ RR, str. 18, № 143; str. 19, № 157.

⁷⁷ RR, str. 18, № 140 и 144; str. 19, № 146.

⁷⁸ RR, str. 15, № 108.

⁷⁹ RR, str. 14, № 95—97, 99—101, 104, 105, 107; str. 15, à 110, 111; str. 16, № 119, 120; str. 17, № 124, 127.

⁸⁰ RR, str. 15, № 109; str. 16, № 121; str. 17, № 124.

⁸¹ RR, str. 44, № 384, 385, 386, 387, 388, 391; str. 47, № 400.

⁸² RR, str. 45, № 395.

же барщина в селах Годков, Збелитов, Негонин и Яворж. Промежуточное положение занимает восемнадцатидневная барщина в селах Горка и Заградка, Своржиш, Хомутова Весь и Остры⁸³. В Миличинском панстве отмечена трехнедельная барщина. Впрочем, она может быть заменена уплатой 12 гр. Здесь встречается село, где один подсоседок должен был работать один день в неделю на барщине. Такая повинность, как видим, впервые встречается в источнике. Здесь нет замены барщины деньгами.

Натуральные взносы в рассматриваемой группе панств мало чем отличаются от платежей разобранных выше районов. В Хоустницких селах, например, только среди повинностей крестьян с. Градек упоминается взнос в 10 мер ржи и 12 мер овса с лана⁸⁴. Сам по себе такой взнос представляется довольно высоким, но нельзя забывать, что он зарегистрирован лишь в одном из 28 населенных пунктов этого панства. В Пршибеницком панстве только в селах Маршов и Заход упоминаются обычные взносы, состоящие из кур, яиц, сыров и конопли⁸⁵, а в других двух (Божевице и Драгнетице) к ним прибавляются и зерновые — по 4 меры ржи и овса, по 2 — пшеницы и ячменя⁸⁶. В Пршибеническом панстве натуральные повинности только в селах Горка и Заградка включают овес. Обычные взносы состоят из одних кур⁸⁷, иногда из кур, яиц, сыров и ягнят⁸⁸. Норма обложения составляет обычно от 3 до 6 кур, 20 яиц и 1 ягненка, который, впрочем, во всех случаях уже может быть заменен деньгами. Такую же картину наблюдаем и в селах Миличинского панства, где только в Загоржьи крестьяне платят по 9 мер ржи, 2 — пшеницы, 3 — ячменя, 13 — овса, а также вносят яйца, кур, сыры, которые могут быть заменены деньгами⁸⁹. Кроме того, в селе Рексине крестьяне дают кур⁹⁰. Равным образом, и в Седльчанском

⁸³ RR, 48—49, 421—422.

⁸⁴ RR, str. 21, № 163.

⁸⁵ RR, str. 15, № 108, str. 16, № 117.

⁸⁶ RR, str. 17, № 127, 128.

⁸⁷ Села Бртце, Своржиш, Зехов, Хомутово, Яворж (RR, str. 45, № 395; str. 46, № 398, 399; str. 47, № 400, 408.).

⁸⁸ RR, str. 45, № 396; str. 47, № 401, 402, 404, 405.

⁸⁹ RR, str. 48, № 412.

⁹⁰ RR, str. 48, № 414. Сверх этого только еще один из подсоседков в Ольдржихов дает по 4 курицы (str. 48, № 413), в селе Банов в этом же панстве куры могут быть заменены деньгами (per 6 pul-

панстве, лишь в селе Кржепенице имеется плата по 4 меры ржи, но даже и в этом единственном пункте, где еще сохранились натуральные взносы, взимается уже денежная плата «pro pullis».

Переходя к изучению денежной ренты в границах рассматриваемых пяти панств, отметим прежде всего, что в значительном количестве сел отсутствуют указания на барщину и натуральные взносы⁹¹. Так, барщина вовсе не отбывалась в 75 населенных пунктах из 125, которые перечислены в названных пяти панствах, расположенных кольцом вокруг Табора.

При рассмотрении денежной ренты в отдельных панствах останавливаемся прежде всего на данных по Хоустницкому панству. Величина ренты в большинстве случаев (в 10 селах из 25, по которым приведена норма денежного обложения с одного лана) составляет одну копу, а иногда колеблется от 28 до 77 грошей⁹². Особенностью Хоустницкого панства являются неоднократные указания на снижение чинша. Так, в селе Влкосовице в 1367 г. чинш был понижен на 12 грошей с копы⁹³, в селе Влчовесь чинш снижен до 44 гр.⁹⁴ В селе Псаров чинш был уменьшен на 8 грошей с копы⁹⁵. В Градеке чинш уменьшился на 4 гроша⁹⁶. В селе Хрбонин, где крестьяне платили по 50⁹⁷, чинш был соответственно уменьшен на 4 гроша для полноланных держателей и на 6 грошей для подсоседков. Наконец, в Богдалине и Бенешове понижение платежей происходило дважды, так что в первом из названных сел вначале чинш с лана был уменьшен на 20 грошей, а с 1367 г. еще на восемь⁹⁸, также и в Добешове первоначальная

los aut 8 grossos), а в селе Зехов уже прямо упоминается плата (per 3 grossos pro pullis).

⁹¹ Так, в 22 из 28 сел Хоустницкого, в 29 из 37 Пршибеницкого, в 11 из 32 Пршибенического панств, в 10 из 14 Миличинских сел и в 12 Седльчанских селах вообще зарегистрированы только денежные платы, включающие иногда кроме чинша результаты коммутаций других видов феодальной ренты.

⁹² Село Тучапы. RR, str. 19, № 158.

⁹³ RR, str. 18, № 135.

⁹⁴ RR, str. 18, № 140.

⁹⁵ RR, str. 19, № 147.

⁹⁶ RR, str. 19, № 152.

⁹⁷ При этом не следует забывать, что крестьяне отбывали здесь довольно высокую барщину.

⁹⁸ RR, str. 18, № 136.

величина чинша (одна копа) была уменьшена сначала на 26, а потом еще на 8 грошей, а в Бенешове 46 грошей чинша были уменьшены вначале на 20, а потом еще на 6 грошей⁹⁹. О причинах такого необычного явления можно судить на основании данной в одном случае мотивировки: «*propter desertum domini relaxant de quobis laneo annuatim per 26 grossos*»¹⁰⁰.

Сопоставляя с этим весьма показательные записи о селах Згорец и Ондражев¹⁰¹, которые говорят о бедственном положении крестьян, можно полагать, что все перечисленные снижения денежных платежей проводились в связи с невозможностью обеспечить фактическое получение чинша с разоренных крестьянских хозяйств и в связи с усиливающимся сопротивлением крестьян. Нельзя забывать и того факта, что этот район явился основным очагом будущей Крестьянской войны и именно из этих мест рекрутировалась революционная армия таборитов.

О том, что такое снижение рассматривалось феодалами как временная мера, можно, как кажется, заключить из того, что во всех случаях составителями поземельных описей обязательно фиксируется прежняя величина чинша. Остается, правда, неизвестным, была ли она восстановлена в действительности, но весьма показателен сам факт внесения в урбарий 70-х годов размеров чиншей, пониженных в 1367 г. и даже частично и в более раннее время.

В остальных панствах рассматриваемой группы величина чиншей также равна примерно одной копе с лана. Для Пршибеницкого панства, например, 17 раз засвидетельствован чинш размером в одну марку¹⁰². Максимальный чинш составляет 80 грошей¹⁰³, а минимальный 32¹⁰⁴. В Пршибеническом панстве чинш колеблется в среднем

⁹⁹ RR, str. 18, № 139; str. 20, № 159.

¹⁰⁰ RR, str. 18, № 139.

¹⁰¹ Item zgorzecze continet 2½ l., quod im quilibet solvit annuatim per IIII. Добавлено мелкими буквами: «non habent». Ср. str. 21, № 165.

¹⁰² RR, str. 14, № 95, 96, 97, 99, 100, 101, 103, 107.

¹⁰³ В шести случаях RR, str. 15, № 114, str. 16, № 116, 117, 122 и др. При этом в селе Заход (str. 16, № 117) только 3,5 лана из 8,5 платят по 80 гр., а 5 ланов — по 104 гр.

¹⁰⁴ Единственный случай — мельник в селе Врбице. RR, str. 15, № 115.

в пределах одной марки с лана ¹⁰⁵. Чинши в Миличинских селах и той части Седльчанского панства ¹⁰⁶, которая граничила с последним, не представляются сколько-нибудь существенно различными ¹⁰⁷.

Таким образом, рассмотрение феодальной ренты в южных панствах Чехии в 70-х годах XIV в. позволяет наметить некоторые общие тенденции.

Общей закономерностью, ясно выступающей в результате рассмотрения сёл южной Чехии, является полное преобладание денежной ренты, вытесняющей во многих случаях другие ее виды. Однако неправильно было бы полагать, что господство денежной ренты вело за собой немедленную ликвидацию домениального хозяйства и коренную его перестройку. Как показано выше, на примере Тржебоньской и Новоградской вотчин, господское хозяйство еще далеко от упадка и, насколько нам позволяют судить материалы, расширяет круг оборотов, укрепляя свои связи с рынком. В то же время господское хозяйство развивается не по линии увеличения барщины, а за счет усиления эксплуатации наемного труда, источником которого были многочисленные на юге малоземельные слои феодально-зависимого крестьянства.

Вместе с тем выявляется и другая тенденция, заключающаяся в том, что по мере продвижения от южных границ Чехии к центральным областям страны барщина, почти совершенно не ощутимая на крайнем юге, здесь выступает все более рельефно. Правда, сумма барщинных повинностей, приходящихся на одного держателя, остается почти без изменения (только для подсоседков появляется, и то один раз, еженедельная барщина — «*uno die in septimana*»), но зато чем дальше к северу, тем большее количество сел внутри каждого из рассмотренных панств оказывается охваченным отработочной рентой.

¹⁰⁵ В десяти случаях он точно совпадает с этой величиной (str. 44, № 380, 386, 387, 391 и т. д.), никогда не поднимаясь выше 82—83 гр. (str. 48, № 409) и не опускаясь ниже 2½ фертона (40 гр.) (str. 47, № 400, 405).

¹⁰⁶ Следует заметить, что в большинстве Седльчанских сел известны лишь суммарные данные о чиншах со всего села без указания количества земли, в связи с чем не представляется возможным определить и нормы обложения с одного лана (RR, str. 50, № 417, 428, 429, 430, 431, 432 и т. д.).

¹⁰⁷ RR, str. 48, № 412; str. 50, № 436; str. 48, № 413; str. 50, № 434

Для изучения движения ренты на рассматриваемой территории (юга Чехии) необходимо обратиться к материалам поземельных описей более позднего времени. Как уже отмечалось выше, для 1388—1390 гг. имеется материал по Затонским селам Островского монастыря и по четырем дистриктам Пражского архиепископства.

Затонские села Островского монастыря были расположены по верхнему течению реки Влтавы, между Рожмберкским и Крумловским панствами. Из семи сел, описанных в 1388 г., в пяти¹⁰⁸ имеется только денежная рента, в одном (Маховице) к ней добавляются также куры и яйца (6 кур и 40 яиц с лана) и только в одном — Добржиц — крестьяне кроме чинша, кур и яиц отбывают барщину (2 dies hone et 2 os dies in feno laborare)¹⁰⁹. Величина денежного чинша здесь мало чем отличается от чиншей, засвидетельствованных десятью годами раньше для соседних Рожмберкских панств.

Изучая данные по территории находившихся несколько севернее рассмотренных районов, мы получаем в свое распоряжение материалы по ряду архиепископских владений, расположенных попеременно с уже исследованными владениями панов из Рожмберка. При впадении Лужицы во Влтаву между Буковским и Пршибеницким панствами находилось 31 Тынское село¹¹⁰. К северу от Хоустницкого панства Рожмберков, к востоку от Тавора лежало 12 Хиновских сел¹¹¹.

Рассматривая ренту в этих селах, устанавливаем, что в них засвидетельствовано сочетание барщины с натуральными и денежными платежами. В селах Богунице и Зверковице¹¹² крестьяне должны жать по четыре дня с каждого лана в год, также с каждого лана должны пахать в год по 32 полосы. В ряде соседних сел¹¹³ уборочная повинность

¹⁰⁸ Богдаловице, Добрна, Гашловице, Мезне. DR, V, 71—73.

¹⁰⁹ У других крестьян встречается формулировка: «in pratis laborare». DR, V, 73.

¹¹⁰ DR, VI, 137—145.

¹¹¹ DR, VI, 133—137.

¹¹² DR, VI, 140.

¹¹³ Коломержнице, Дражице, Госты, Доубрава, Загоржьи и некоторых других (DR, VI, 140—142).

заменяется уплатой, «pro messe de quolibet laneo per duo grossos», но пахота остается в тех же размерах. В некоторых случаях ¹¹⁴ уже не упоминается обязанность пахать господскую землю и обычно барщина представлена лишь формулой «pro messe». В трех селах ¹¹⁵ засвидетельствована и обязанность «metere annuatim 4 dies et fenum exstocare» или только «fenum falcare». Во всех селах Тынского дистрикта широко представлены извозные повинности: перевозка дров и строительного леса ¹¹⁶. В отдельных случаях встречается и всеобъемлющая формула извозных повинностей (село Богунце), главным образом, применительно к строительству мельничных плотин ¹¹⁷. Кроме дров, в ряде случаев крестьяне должны подвозить и другие строительные материалы: «lapides et argillam» ¹¹⁸, а также «lapides cementum et argille» ¹¹⁹.

Наконец, во всех Тынских селах засвидетельствованы повинности, связанные с участием в господской охоте «venari unam die или ad venationem transire ad mandatum burgavi». Сверх того, в селе Чеевице крестьянам вменяется в обязанность выставять почных сторожей ¹²⁰.

Подобного рода барщинные повинности засвидетельствованы и в Хиновских селах. В других селах эта повинность носит несколько более упорядоченный характер. «Жать 4 дня, 2 дня косить сено, сушить и возить его и один день пахать» ¹²¹. Кроме этого, и здесь крестьяне возят дрова и обязаны принимать участие в барской охоте. Несмотря на обилие и обременительность перечисленных повинностей, они все же заменялись в случаях коммутации сравнительно невысокими взносами; в селе Блинице (Хиновский дистрикт) крестьяне платили 4 гроша с лана ¹²²,

¹¹⁴ Олешна, Подольи, Левеч, Смолеч, Естржебице и др. (DR, VI, 137—140).

¹¹⁵ Мажице, Борковице, Клетце (DR, VI, 143—144).

¹¹⁶ Села Олешна, Подолье и все следующие (DR, VI, 137—140).

¹¹⁷ DR, VI, 140.

¹¹⁸ В селах Коломержице, Дражице, Госты и т. д. (DR, VI, 140—141).

¹¹⁹ Село Доубрава (DR, VI, 141), село Загоржьи (DR, VI, 142) и др.

¹²⁰ DR, VI, 144.

¹²¹ Села Загостице, Битов, Странов, Нова Весь и др. (DR, VI, 133—137).

¹²² DR, VI, 134—135.

а в селе Вржесце с каждого лана по 3 гроша ¹²³. Не настаивая на точности этих оценок, величина которых могла зависеть и от таких причин, которые сейчас не могут быть раскрыты, можно все же полагать, что несмотря на широкое распространение барщины, удельный вес ее в системе крестьянских повинностей был относительно невелик и составлял около 5—10% по отношению к чиншу ¹²⁴.

В Хиновских селах размер денежного чинша колебался от 32 ¹²⁵ до 56 грошей ¹²⁵ с лана, составляя в большинстве 40 грошей, в Тын Бехинском дистрикте — от 32 ¹²⁷ и до 56 грошей ¹²⁸. В 12 селах этого дистрикта денежный чинш равен 48 грошам с лана.

Что касается натуральных взносов, то как в Хиновском, так и в Тынском дистриктах они засвидетельствованы во всех случаях и составляют 2 курицы и 10 яиц с лана, сверх того, в селе Лжин крестьяне должны были содержать и снабжать всем необходимым субкамерария и других монастырских служащих ¹²⁹.

Из рассмотрения приведенных данных можно заключить, что к северу от Подегус и Буковска барщина, хотя и не особенно тяжелая во владениях архиепископства Пражского, охватывает все большее количество населенных пунктов и находящихся там крестьян.

Отдельную группу владений архиепископства Пражского, описанных в урбарии 1390 г., составляют села Рожмитальского и Пршибрамского ¹³⁰ дистриктов. В первом насчитывалось 27, во втором — 14 населенных пунктов, расположенных на левом берегу реки Влтавы, к западу от Седльчан. Рассматривая систему крестьянских повинностей в селах Пршибрамского дистрикта, констатируем, что в ряде населенных пунктов барщина отсут-

¹²³ DR, VI, 136.

¹²⁴ Стоимость барщинных повинностей в случае замены их деньгами определялась в 3—4 гр., в то же время в этих селах величина чинша колебалась в пределах 32—56 гр.

¹²⁵ DR, VI, 136.

¹²⁶ В остальных шести селах (DR, VI, 135—137).

¹²⁷ Село Пржечице. DR, VI, 143.

¹²⁸ Крженовице (DR, VI, 138), Мажице (DR, VI, 143), Борковице (DR, VI, 144).

¹²⁹ DR, VI, 133—134.

¹³⁰ DR, VI, 107—110, 145—150.

ствует¹³¹. В селе Технице взимается плата за уборочные работы — $\frac{1}{2}$ гроша¹³². В тех селах, где имеется барщина, она обычно невелика и ограничивается двумя¹³³, максимум четырьмя¹³⁴ днями работ на уборке хлеба, к которым иногда добавляется день или даже полдня сенокосной повинности¹³⁵. Довольно редко, но все же встречаются в качестве барщинных повинностей извозные работы¹³⁶, а также участие в господской охоте¹³⁷.

В Рожмитальских селах барщина засвидетельствована для пяти сел¹³⁸, где крестьяне должны косить, сушить и возить сено, выставлять по два косца с лана на два дня, убирать горох, ячмень и репу, возить к замку зерно, солому, сено, работать на хмельнике, убирать репу и пр. Подобного рода барщины засвидетельствованы также для жителей Рожмиталья.

Сверх того, в селе Чишков два подсоседка обязаны возить навоз, а в случае если такой работы не будет, заменять ее 2 грошами¹³⁹.

При рассмотрении натуральных взносов в Пршибрамских и Рожмитальских селах бросается в глаза почти полное отсутствие натуральных повинностей: только в селе Росеевице крестьяне платят по 4 курицы с лана, да в селе Гучице упоминается взнос в виде одной меры ржи и одной меры овса с лана. Таким образом, натуральная рента занимает здесь совершенно ничтожное место.

Что касается денежных платежей крестьян в Пршибрамском дистрикте, то они взимались в следующих размерах: в шести населенных пунктах — 32 гр., в одном — 38, в пяти — 40, в одном — 42, еще в одном — 44, в один-

¹³¹ Таковы села Орлов (DR, VI, 146), Росеевице (DR, VI, 147), Мальчице (DR, VI, 148), Подольи (DR, VI, 148), Држевник (DR, VI, 149—150), Душник, Островец, Радобытице, Дедовице (DR, VI, 150).

¹³² DR, VI, 146.

¹³³ В селах Брода, Поржичи, Намнице, Храст, Радетице и др., всего 11 сел (DR, VI, 146—149).

¹³⁴ Растели (DR, VI, 147), Раковице (DR, VI, 148), Крсице (DR, VI, 148).

¹³⁵ Например, в тех же селах Поржичи (1 день), Намнице (1 день), (DR, VI, 146), Храст (без указания срока).

¹³⁶ Село Дубно (DR, VI, 149).

¹³⁷ Села Броста (DR, VI, 146), Богутин (DR, VI, 148), Козичин (Дубно) (DR, VI, 149).

¹³⁸ Вшевицы, Прочевицы, Годемышль, Седлице, Садонице.

¹³⁹ DR, VI, 108—109.

надцати — 48, а в двух селах (Раковице и Крсице) — даже 69 гр., но с характерной оговоркой «*inclusis agnellis et pullis*» (DR, VI, 147—148) ¹⁴⁰. В Рожмитальских селах чинши более разнообразны и составляли в селе Митов — 16, в селе Хлум — 72, в других селах от 40 до 70 грошей, причем в каждом из них размер ренты был неодинаков.

Из приведенных данных видно, что структура ренты в западной группе южночешских сел весьма близка к ренте в только что рассмотренных феодальных владениях. Как и в Хиновских и в Тынских селах, в Пришибрамском и Рожмитальском дистриктах барщина, хотя и относительно невысокая, засвидетельствована для большинства сел, а средняя величина чинша колеблется от 48 до 60 гр. При этом на западе попадают села, где барщина вовсе отсутствует. Натуральные платежи во всех селах рассматриваемой области также невелики.

Хотя сопоставление имеющихся в нашем распоряжении материалов, дающих яркую картину структуры феодальной ренты на юге Чехии в 70—80-х годах XIV в., недостаточно для изучения ее изменений, так как использованные источники отделены друг от друга только десятию—двенадцатью годами, оно все же дает основание для некоторых выводов. Прежде всего полное преобладание денежной ренты над отработочными и натуральными повинностями может считаться твердо установленным в пределах всей рассмотренной территории и всего охваченного времени. При этом барщина медленно, но все же заметно возрастает при продвижении с юга на север. Это ее увеличение выражается не в появлении новых видов барщины и даже не столько в увеличении размера повинностей, сколько в распространении отработочной ренты на все более расширяющийся круг сел. Этому наблюдению не противоречат известные отступления. В Пришибрамском дистрикте, например, барщина не возрастает по сравнению с барщиной его южных соседей и скорее выражена несколько слабее. Кроме того, не представляется случайным и увеличение числа сел, охваченных барщиной в районе от Гельфенбургско—Подегуско—Буковских сел до Тынских и от Хоустницко—Пришибеницко—Миличинских сел до Хиновских. Предполагать здесь чисто локальное

¹⁴⁰ DR, VI, 147—148.

различие затруднительно, так как перечисленные панства Рожмберков лежали рядом и даже попеременно с названными архиепископскими владениями. Скорее здесь могла бы, пожалуй, идти речь об особенностях ренты в светских и духовных владениях. В таком случае приведенные данные могли бы рассматриваться как дополнительное подтверждение того, что во владениях духовных феодалов в Чехии, как и во всей феодальной Европе, отработочная рента занимала большее место, нежели в светских ¹⁴¹.

Для более полного уяснения особенностей рентовой структуры на юге Чехии необходимо привлечь и материалы начала XV в. К сожалению, в нашем распоряжении имеются данные лишь по 50 селам, расположенным у границ рассматриваемой территории. На крайнем западе, в Прахенском крае по среднему течению Отавы находились девять Незамыслицких сел Бржевновского монастыря, описанные в 1406 г. ¹⁴² К юго-востоку от них двадцать Волинских сел Пражского пробства, данные о которых приведены в урбарии, составленном в начале XV в. ¹⁴³ На востоке, в непосредственной близости от Хиновских и Хоустницких сел, лежали Пацовские владения Страговского монастыря (четыре села) ¹⁴⁴, а на крайнем юге, чересполосно с Крумловскими, Рожмберкскими и Фримбургскими владениями Рожмберков и Затонскими селами Островского монастыря, находилась Захлумская вотчина Страговского монастыря ¹⁴⁵, по 17 селам которой мы имеем данные о структуре феодальной ренты.

К западу и юго-западу от Гельфенбургских сел панов из Рожмберка, между реками Бланицей и Волинкой размещалось Волинское панство, принадлежавшее Пражскому пробству. Здесь насчитывалось 21 село, по 20 из которых имеются данные о ренте.

Рассматривая структуру крестьянских повинностей в селах Волинского панства, нетрудно заметить, что барщина здесь упоминается только в связи с заменой ее деньгами. В селах Струнковице, Пржеховице, Нишовице,

¹⁴¹ См. Е. А. Косминский. Исследования..., стр. 172, 222—227.

¹⁴² DR, VII, 184—189.

¹⁴³ DR, IX, 302—305.

¹⁴⁴ DR, VIII, 228—230.

¹⁴⁵ DR, VIII, 221—228.

Зеховице и Нузин предусматривается возможность замены части или даже всех уборочных работ деньгами ¹⁴⁶. В соседних селах Литоховице, Чаковице и Мраченице крестьянские повинности такие же, как и в перечисленных выше селах, но замена уборочных работ деньгами уже обязательна ¹⁴⁷. В остальных 211 селах барщина вообще отсутствует, если не считать неясного упоминания об уборке сена в селе Путков. При изучении других повинностей следует заметить, что в селах Рачьи, Збудовице, Рачов, Пеклов, Бук и Влконице (Богиче) вообще отсутствуют все виды повинностей и платежей кроме чинша. Натуральные платежи засвидетельствованы в 14 селах, в девяти случаях они измеряются стрихоном пшеницы, стрихоном ржи и 3 стрихонами овса с каждого лана, а также 2 курицами и 8 яйцами; в четырех селах состоят только из 2 стрихонов овса. Наконец, в селе Жирец (Зерчиц) со всех крестьян причитается 8 четвертей мака. При определении денежного чинша следует учесть, что во многих случаях составитель довольствовался указанием суммы денежных поступлений со всего села, но в тех местах, где величина чинша указана, она колеблется от 40 до 56 гр. ¹⁴⁸

Повинности крестьян в Незамыслицких селах включают в себя и барщину, и натуральные платежи, и чинш. При этом обращает на себя внимание весьма ярко выраженное стремление к унификации повинностей, особенно денежных и натуральных; во всех десяти селах все крестьяне дают с лана по 6 кур и 20 яиц, а чинш составляет в Незамыслице, Жиховице, Гайно, Малой и Большой Гидчице по копе грошей, а в Доморазе, Подмоклах, Улишове (Вольшовице) и Станкове по марке с лана. Зато барщинные повинности крестьян обнаруживают большую гибкость и разнообразие. Крестьяне сел Незамыслице, Домораз и Зеховице отбывали барщину на домене в Незамыслице. Им вменялось в обязанность косить, сушить сею и т. п. Сверх того, они должны были работать четыре

¹⁴⁶ К сожалению, именно в этом месте рукопись повреждена и определить стоимость уборочных работ не представляется возможным. DR, IX, 302.

¹⁴⁷ DR, IX, 302.

¹⁴⁸ Ср. описание сел Струнковице и Гороседлы, повинности в каждом из которых являются типичными для соответственных деревень (DR, IX, 302 и 303).

дня «сип сипги»¹⁴⁹, а также «чинить или наново строить изгородь». Весьма характерно появление в последних случаях выразительной оговорки «когда прикажут» (*quidquid mandatur*)¹⁵⁰. В селах Гайно и в Большой и Малой Гидчице барщинные повинности регламентируются: четыре или три дня в году убирать озимое, столько же яровое или платить по грошу за день работы и возить в течение двух или четырех дней (1 день = 1,5 гроша)¹⁵¹. Что касается сел Подмоклы, Улишов и Станков, то для них показана только одна повинность — ремонтировать или чинить дорогу, которая не подлежит замене деньгами.

При анализе структуры ренты сел, расположенных на противоположной границе Бехинского края и по его северо-восточным границам, мы не получаем такой отчетливой характеристики рентовой структуры, как в рассмотренном только что районе. Из четырех Пацовских сел ни в одном не приведено развернутого списка крестьянских повинностей и платежей.

Таким образом, здесь можно лишь констатировать, что крестьяне наряду с денежным чиншем отбывали барщину, вносили рожь, ячмень, кур и яйца, а также оказывали помощь во время охоты¹⁵². К сожалению, характер источника не позволяет в данном случае уточнить это оставшееся слишком общим определение.

Последнюю группу сел на изучаемой территории представляют собой Захлумские владения Страговского монастыря, расположенные по верхнему течению Влтавы. Как и в соседних селах панов из Рожмберка и Островского монастыря, барщина в Захлумских селах незначительна: в селе Светла Большая крестьяне должны косить монастырский луг, складывать сено в копны и перевозить его «своими средствами и на своих харчах» в место, которое укажет «рихтарь или монастырский приказчик». Кроме этого, крестьяне должны возить также зерно, сдаваемое ими в качестве натуралиев. Последняя повинность зарегистрирована и в селе Свераз¹⁵³. В обоих названных селах, а также в селе Светла Малое находим и натураль-

¹⁴⁹ Эту повинность можно было заменить уплатой 6 гр.

¹⁵⁰ DR, VII, 184—185.

¹⁵¹ DR, VII, 186—187.

¹⁵² DR, VIII, 223, 224.

¹⁵³ DR, VIII, 224.

ные платежи — 12 четвертей овса с лана. Других барщинных или натуральных повинностей крестьяне Страговских сел, видимо, не несли. Во всяком случае о них нет никаких сведений в урбарии, если не считать 3 кур, уплачиваемых одним крестьянским двором в селе Велиславце. Как мы уже отмечали выше, крестьяне центральных Страговских сел должны были вытаскивать из воды лес, сплавляемый по Влтаве из Захлумской вотчины¹⁵⁴. Здесь мы, однако, не находим соответствующей повинности местных крестьян, что дает нам право предполагать, что и здесь, подобно соседним панствам Рожмберков и Тржебоньского монастыря, значительную часть рабочей силы господского хозяйства составляли поденщики.

Что касается денежных чиншей, то даже при беглом сравнении с соответствующими данными о Крумловских, Рожмберкских, Фримбургских и Затонских селах бросается в глаза значительное повышение общего уровня денежного обложения и большая точность в определении их величины (всегда с точностью до 1 геллера, т. е. до $\frac{1}{12}$ гроша). Правда, наиболее низкий чинш в селе Гаймын мало отличался от среднего уровня прежних чиншей этого края — 41 гроша и 9 геллеров. Однако крестьяне основной массы сел платили более 70 и даже 80 грошей с лана. Самый высокий крестьянский чинш составлял 91 грош и 2 геллера. В некоторых случаях весьма высоки и платежи подсоседков — в уже упоминавшемся селе Свераз, например, 22 гроша и 8 геллеров.

Приведенные наблюдения позволяют наметить общий вывод об увеличении всей суммы феодальной ренты на юге к началу XV в. Если в 70-х годах XIV в. средняя высота чинша с лана земли составляла около 40—45 грошей, то к концу первого десятилетия XV в. таков уже низший известный нам уровень чинша, а средняя его величина поднялась до 70—80 грошей. Что касается отработочной ренты, то во всем рассмотренном материале полностью отсутствуют какие-либо данные об увеличении или появлении новых видов барщины к началу XV в. Напротив, во многих случаях можно с уверенностью говорить об успехах коммутации, частично объясняющих отмеченное увеличение чинша. Труднее

¹⁵⁴ DR, VIII, 226.

было бы заметить какие-либо изменения в составе или количестве натуральных взносов, которые и в XV в. остаются, насколько можно судить, на том же уровне, что и в 70-х годах XIV в.— разумеется, кроме тех случаев, когда и они были заменены деньгами.

Изложенные наблюдения основаны на сравнении хотя и близких по территории, но все же не одних и тех же населенных пунктов. Впрочем, такое наличие однородных, но разновременных данных для одних и тех же сел может вообще считаться идеальным случаем, и в нашем распоряжении имеются лишь отдельные отправные точки такого рода, которые, разумеется, взятые сами по себе, не могли бы служить основанием для обобщений, но, будучи поставлены в связь с предыдущим, получают значение примеров, иллюстрирующих и подкрепляющих выводы, полученные на более широком материале.

В частности, наличие в составе изучаемого материала нескольких сел, упомянутых также в Рожмберкском урбарии, позволяет до некоторой степени проконтролировать правильность наблюдения о возрастании величины денежных платежей и вообще о движении ренты на крайнем юге Чехии. В самом деле, в селе Загоржьи в 70-х годах упоминаются «*messores*», работа которых, впрочем, может заменяться деньгами; в 1410 г. в этом селе уже нет ничего, кроме денежного чинша. В селе Бржезовице, по данным Рожмберкского урбария, крестьяне должны были выставлять ночную стражу к господскому замку¹⁵⁵; по Страговскому урбарии «люди» этого села уже не знают других повинностей, кроме денежных платежей. Наконец, в селе Нагоржаны в начале последней четверти XIV в. крестьяне платили по 3 солида и 6 денариев с лана, выставляли по шесть жнецов и по три косца с лана, давали по 4 курицы и 60 яиц. В 1410 г. они уплачивали лишь чинш в 70 грошей и 8 геллеров с лана¹⁵⁶. Если перевести все повинности нагоржанских крестьян в деньги, общая сумма повинностей, согласно данным Рожмберкского урбария, составит в денежном выражении 22¹/₂ гроша¹⁵⁷.

¹⁵⁵ RR, str. 5, № 16; cp. str. 11, № 77.

¹⁵⁶ RR, str. 30, № 261; DR, VIII, 223.

¹⁵⁷ 14¹/₂ гр. чинша, 6 гр. за барщину и 3 гр. за кур и яйца, всего 22¹/₂ гр.

Из этого видно, что за 30 с лишним лет в этом селе сумма феодальной ренты выросла по крайней мере в три раза, хотя цены за это время возросли максимально на 50%. Само собой разумеется, что было бы весьма неосторожно распространять полученное соотношение на все или большинство остальных сел, но общая тенденция движения феодальной ренты на юге страны, проявляющаяся в повышении денежного чинша и замене барщин и натуральной деньгами, может быть подтверждена с достаточной определенностью, как это было показано при обзоре отдельных феодальных владений.

Таким образом, рассмотрение системы крестьянских повинностей в южной Чехии, проведенное на материале 500 населенных пунктов, приводит к выводу о безусловном господстве в отмеченном районе в конце XIV — начале XV в. денежной ренты. Произведя необходимые подсчеты, нетрудно убедиться, что денежный чинш никогда не опускается ниже $\frac{3}{4}$ просматриваемой суммы ренты и обычно достигает $\frac{9}{10}$. Несмотря на весьма приблизительный характер этих расчетов, общая картина преобладания денежной ренты вырисовывается с достаточной определенностью, как это было показано выше при обзоре отдельных феодальных владений.

Кроме того, почти во всех вотчинах имеются села (и во многих случаях составляющие даже большинство), где денежные платежи являются единственным зарегистрированным видом крестьянских повинностей. При определении удельного веса денежной ренты южночешского крестьянства необходимо особенно обратить внимание на то, что здесь речь идет только о чинше крестьян, который составлял, однако, лишь часть их денежных платежей¹⁵⁸. Поэтому фактическое господство денежной ренты на юге Чехии в изучаемое время не может вызвать сколько-нибудь обоснованных сомнений.

Хотя по мере приближения ко времени Великой крестьянской войны количество сел, находящихся в поле зрения, все время уменьшается (к 70-м годам относятся данные по 359, к 1388—1390 — по 91 и к первому десятилетию XV в. по 50 населенным пунктам), можно все же

¹⁵⁸ Рассмотрение прочих денежных платежей крестьян дано ниже, в конце настоящей главы.

прийти к заключению о том, что денежные платежи крестьян возрастают в течение пятидесятилетия, предшествовавшего Гуситским войнам. В самом деле, как показывает сравнение Захлумских сел Страговского монастыря с соседними владениями панов из Рожмберка, денежная рента во всем этом районе увеличилась более, чем в два раза.

Второе место в системе феодальной ренты принадлежит, безусловно, барщине. Виды ее разнообразны: наиболее часто встречаются жатвенные и сенокосные работы, за ними следует пахота и различные извозные повинности. Кроме того, упоминаются дорожная повинность, а также обязанность крестьян производить разные строительные работы.

В распределении барщин в селах весьма обширного Бехинского края можно подметить, что на крайнем юге, за Будеевицами, барщины носят эпизодический характер и относительно невысоки. К северу от Будеевиц, в бассейне Лужницы и к западу, в бассейне Отавы, барщина, оставаясь на прежнем уровне, распространяется вширь, охватывая по мере продвижения все большее количество сел.

Однако и здесь еще она измеряется количеством дней в году, и во всем рассмотренном материале формула «работать один день в неделю» встречается лишь в виде исключения и только применительно к подсоседкам.

Отсутствие надлежащего материала для сравнения не позволяет с уверенностью заключить об увеличении или уменьшении барщины в отдельных селах или в целом по всей изучаемой территории по мере приближения к кануну Гуситских войн. Зато в очень большом количестве сел можно констатировать замену отработочной ренты деньгами. Правда, процесс коммутации протекает неравномерно, целиком определяясь потребностями хозяйства феодала. Процесс коммутации крестьянских повинностей не говорит об отсутствии господского хозяйства и о полной ликвидации барской запашки. Как было показано выше на материале одного из Рожмберкских панств (Новоградского) и особенно Тржебоньского монастыря, сравнительно низкая барщина не мешала феодалам развивать собственное господское хозяйство, в котором находила применение наемная рабочая сила.

Натуральные платежи занимают в южной Чехии, как это показывают приведенные нами данные, последнее место в системе феодальной ренты, и значение их в общем невелико. Во многих селах, вотчинах и даже целых панствах натуралии либо отсутствуют вовсе, либо настолько незначительны, что удельный вес их во всей сумме крестьянских повинностей колеблется от 1 до 5%. По своему характеру натуральные взносы могут быть разделены на две группы. Платежи курами и яйцами, широко распространенные по всему изучаемому району, можно рассматривать как рассчитанные на непосредственное потребление феодала или высшей вотчинной администрации. Такой же потребительский характер имеют и взносы зерном, зарегистрированные в гораздо более ограниченном количестве населенных пунктов. Другую группу натуральных взносов крестьян составляют сырье и другие продукты, рассчитанные, по всей вероятности, уже не только на личное потребление, но и на продажу, по крайней мере хоть частично. Таковы взносы льна, конопли, а также мака. При этом наличие тех или иных продуктов в составе натуралиев позволяет судить о хозяйственных особенностях отдельных районов. Показательно, во всяком случае, что на крайнем юге весьма часто встречаются указания на лен, коноплю, мак, становящиеся все более редкими и местами совсем исчезающие при продвижении к северу. Вообще, удельный вес натуральных платежей убывает по мере продвижения к северу Бехинского края.

Подобно барщине и натуральные платежи крестьян очень часто заменяются деньгами. Об успехе коммутации говорят такие платы, как «pro pullis», «pro agnellum», «pro avena», заменяемые во многих случаях общими определениями «solvunt pro toto», «solvunt tantum».

Поскольку приведенные материалы распределяются между духовными и светскими феодалами, то они могут явиться основанием для определения особенностей структуры ренты во владениях светских феодалов, с одной стороны, и церковью и монастырями, с другой. Однако единственное отличие, проступающее при сравнении соответствующих данных состоит в том, что в вотчинах архиепископства и Пражского пробства заметна в ряде случаев тенденция унификации системы крестьянских повинностей, а также несколько шире распространены барщинные рабо-

ты. Таким образом, приведенные источники не позволяют констатировать наличие каких-либо серьезных различий в структуре ренты между крупными вотчинами светских и духовных феодалов.

Приведенные выводы сами по себе представляются не лишенными некоторого значения. Нельзя забывать, что выше была сделана попытка дать характеристику структуры феодальной ренты в той части Чехии, которую буржуазные ученые считают наиболее богатым и процветающим краем королевства Чешского в XIV—XV вв. Достаточно вспомнить по этому поводу, какими восторженными словами рисует положение чешского юга и, в частности, крестьянства такой видный деятель буржуазной науки, как К. Крофта¹⁵⁹. Действительно, вряд ли можно отрицать, что южные области Чехии были густонаселенным районом с большим количеством городов и приближающихся по своему характеру к городам местечек. Через южную Чехию проходили торговые пути, имевшие немаловажное значение для всей средневековой Европы. Но вместе с тем необходимо помнить, что чешский юг выступает перед нами в качестве наиболее революционно настроенной из всех областей Чехии. Именно там встречается самый широкий отзвук пламенная проповедь Яна Гуса, который сам был уроженцем юга и провел здесь несколько плодотворных лет своей общественно-политической деятельности. Нельзя забывать о том, что на юге находился Табор, этот революционный центр восставшего народа, лежавший у границы Пршибеницкого панства и окруженный со всех сторон землями панов из Рожмберка и архиепископства. Именно здесь, в селах Тынского, Седльчанского, Пршибрамского округов имела наибольший успех радикально-демократическая проповедь таборитов, из этих сел стекались под славные знамена Микулаша из Гуси, Жижки и других вождей гуситского революционного движения обездоленные крестьяне, чтобы с оружием в руках бороться против угнетателей. Само собой понятно, что изучение рентовой структуры на юге Чехии приобретает в связи с этим особенное значение, ибо может пролить свет на причины того, почему крестьянство южной Чехии оказалось наиболее революционным.

¹⁵⁹ К. Крофта. *Jižné Čechy do válek husitských*, v Praze, 1914.

В южных областях Чехии товарно-денежные отношения глубже затрагивали крестьянские массы. Денежные платежи давно уже составляли здесь основу всех крестьянских повинностей. Вместе с тем на юге была сильнее нарушена вековая замкнутость крестьянского хозяйства. Жители разных сел почти ежедневно сталкивались друг с другом в сфере насущных жизненных интересов. Южно-чешский крестьянин не был рабски прикован к своему участку. Продавая на ближайшем городском рынке или на сельском торге-ярмарке продукты своего хозяйства, — а это было тем важнее, что господин требовал все более и более крупных платежей, — крестьяне постоянно общались друг с другом, обогащали свой производственный опыт и расширяли кругозор. Фактическая самостоятельность в хозяйственной деятельности и порожденное этим сознание ответственности за себя и своих близких способствовали воспитанию в крестьянах южной Чехии чувства собственного достоинства. Всякое проявление произвола и самоуправства господских управителей крестьянин юга воспринимал острее, чем его собрат на севере. Не случайно здесь раньше созрело возмущение крестьян против эксплуатации и закрепощения, зародилось великое чувство классовой солидарности с другими крестьянами, складывалось смутное и не вполне осознанное представление об общности интересов крестьянства с городской беднотой — плебсом, который сам состоял в значительной мере из недавних крестьян и в ряды которого каждый крестьянин южной Чехии мог легко попасть.

Крестьянство южной Чехии оказалось главной ударной силой в битвах Великой крестьянской войны и вынесло на своих плечах основную тяжесть этой многолетней борьбы.

Уже само географическое положение южной Чехии накладывало некоторый отпечаток на социально-экономическое развитие страны. Юг Чехии был ближе к богатым торговым республикам Северной Италии, а великий дунайский путь шел почти вдоль южной границы чешских земель. Поэтому через южную Чехию проходило большое количество торговых караванов. Эта область была глубоко втянута в развитие товарно-денежных отношений. Наконец, для развития денежной ренты не лишено было значения и то, что феодалы южной Чехии были менее

заинтересованы в непосредственной эксплуатации мало-плодородных южных земель, не стремились расширить собственно господскую запашку.

3

Изучив строение ренты в южной Чехии, необходимо поставить вопрос о том, насколько выводы, полученные для этого района, типичны для остальных частей страны. Перейдем прежде всего к рассмотрению структуры феодальной ренты на территории, прилегавшей к рассмотренным районам с северо-запада. Здесь, в пределах тогдашних Пльзенского и Горшовского краев, мы располагаем материалом по нескольким Рожмберкским панствам, находившимся поблизости от рассмотренных архиепископских владений в Пришибрамском и Рожмитальском дистриктах. Кроме того, в уже использованном урбарии архиепископства имеются данные о небольшой группе Рокицанских сел и, наконец, еще дальше к западу располагались обширные владения Хотешовского монастыря, описанные в урбарии 1367 г. В общей сложности по западным районам Чехии имеется материал по 86 населенным пунктам, относящийся в своей массе (за исключением пяти Рокицанских сел) к 60—70-м годам XIV в.

На территории Пльзенского архидиаконата, главным образом в его северо-западной части, в Рокицанском крае, находились Страшицкое¹⁶⁰ и Вильштейнское¹⁶¹ панства Рожмберков, а также ряд населенных пунктов (Раднице, Збирог и др.), описанных в Рожмберкском урбарии вместе с владениями в Седльчанском панстве¹⁶². Посреди лежали Рокицанские села архиепископства. Рассматривая барщинные повинности в селах этой группы, нетрудно заметить, что во всех 13 селах Вильштейнского панства полностью отсутствуют всякие упоминания об отработочной ренте; в одном только селе Незвестице¹⁶³ зарегистрирована плата «рго лабоге» 8 гр. с лана. По мере продвижения на север сведения о барщине становятся более частыми. В селах Страшицкого панства упоминаются жнецы

¹⁶⁰ RR, str. 53—54, № 446—464.

¹⁶¹ RR, str. 21—22, № 166—178.

¹⁶² RR, str. 51—52, № 441—445.

¹⁶³ RR, str. 21, № 178.

и косари ¹⁶⁴. В Рокицанских селах барщина указана в одном случае (село Литоглав), где крестьяне должны выкашивать луг бурграфу и возить сено ¹⁶⁵. В Збироге с каждого лана выставляется по четыре жнеца, и крестьяне всего села вместе должны косить, сушить и складывать сено на лугах около замка. В селе Тешкове крестьяне обязаны были косить луг, сушить и вязать сено и, кроме того, с каждого лана убирать по 20 копен яровых ¹⁶⁶.

Натуральные повинности в этих селах распределялись подобным же образом. В Вильштейнском панстве натуральные взносы отсутствовали вовсе, так как даже упоминание о мельнице в селе Незвестице, которая платила раньше по семь мер ржи, сопровождается характерной припиской «теперь же 9 грошей» ¹⁶⁷. В Страшицком панстве натуралии также невелики. В селах Гурки и Страшице крестьяне сдают соответственно по 4 и 6 кур с лана ¹⁶⁸, в селе Яблечно упоминаются куры, яйца и лен. Наконец, в Добрживе куры и овес могут быть заменены деньгами ¹⁶⁹, в селе Подмоклы упоминаются платы уже только «вместо кур» и «вместо ягнят». В архиепископских селах Рокицкого дистрикта натуралии отсутствуют вовсе. Несколько иную картину представляют собой натуральные взносы в Седльчанских селах. В Збироге с лана причитается по 4 стрихона ржи, столько же овса, 8 кур, в Вольдухах — по 2 стрихона ржи и овса, в Тешкове названы только куры и яйца ¹⁷⁰.

Денежные платежи зарегистрированы во всех без исключения селах рассмотренной группы западных панств. Платежи эти отличаются большим разнообразием. Общим является полное преобладание денежных платежей над отработочными и натуральными повинностями. Общими являются также и большие колебания в размерах установленных чиншей. Так, в Страшицком панстве величина чинша колеблется от 40 гр. (села Уезд, Добржив, Голубков) до 64—68 гр. с лана (Верхнее Мыто, Страшице,

¹⁶⁴ В селе Добржив (str., 53, № 448) шесть жнецов или 3 гр., в Страшице — два жнеца и два косца с лана (str. 53, № 448, 453).

¹⁶⁵ DR, VI, 107

¹⁶⁶ RR, str. 51, № 442; str. 52, № 445.

¹⁶⁷ RR, str. 21—22, № 178.

¹⁶⁸ RR, str. 53, № 449, 453.

¹⁶⁹ RR, str. 54, № 457; str. 53, № 448.

¹⁷⁰ RR, str. 51, № 442; str. 52, № 443, 445.

Яблечно), в Вильштейнском — от 40 (села Голубков, Тржебин и Слоупенец) ¹⁷¹ до 80—88 гр. с лана (Хлуманки, Хоузов, Стржижовице, Прживетице и Незвестице) ¹⁷² и, наконец, в Рокицанском дистрикте архиепископства крестьяне уплачивают чинш от 53 гр. и 4 геллеров (село Борец) до 78 гр. (село Надрыб) ¹⁷³.

Таким образом, мы видим, что во всей рассмотренной группе сел преобладающее место в системе феодальной ренты занимают денежные платежи, величина которых намного превосходит стоимость остальных повинностей крестьян. Только в двух Радницких селах отмечен высокий удельный вес натуральной (8 стрихонов зерна, стоимостью по ценам того времени 30—40 гр.), составлявших не менее 30—35% всей феодальной ренты. Но такие случаи зарегистрированы лишь в виде исключения, и они не могут поколебать общего вывода о близости структуры ренты рассмотренных сел западной Чехии к южночешским селам.

При дальнейшем продвижении на запад источник дает возможность охарактеризовать ренту крестьян Хотешовского монастыря. Владения этого монастыря располагались преимущественно в бассейне реки Радбузы и ее притоков на территории Горшовского архидиаконата и западной части Пльзеньского деканата. Во владениях Хотешовского монастыря в этом районе находилось более 50 населенных пунктов, по 47-ми из них имеются точные данные о составе и размерах ренты ¹⁷⁴.

Основная масса этих сел выполняла барщину — пахоту, уборочные и извозные повинности. Так, все виды барщины и притом без замены деньгами отмечены в 11 селах (Встиш, Ухерце, Уездец, Линье и др.), сочетание пахотных и уборочных работ встречается в трех селах (Збух, Мантов, Чернотин), уборочные работы комбинируются с извозом также в трех селах (Угорец, Врбице, Стржелице); пахота и извоз отмечены в Пржегейшове и Юхарже. Наконец, в семи селах имеются только одни уборочные работы — жатва и косьба сена (Попов, Верхние Секиржаны, Хотешов, Седлец, Нижние Секиржаны, Пржетин), в четырех селах повинности могли заменяться деньгами

¹⁷¹ RR, str. 53, № 447, 448; str. 54, № 459; str. 21, № 170, 172, 173.

¹⁷² RR, str. 21, № 166, 167, 168, 174, 178.

¹⁷³ DR, VI, 107.

¹⁷⁴ DR, VI, 23—41.

(Стода, Лишина, Большой Уезд и Ныржаны) и, кроме того, в одном месте (Тушков) встречается только извоз. Таким образом, барщина отбывалась крестьянами 31 села, но в ряде случаев все или некоторые ее виды заменялись деньгами. Например, в вышеназванном селе Тушков крестьяне платили за жнива по 2 гр., за пахоту также по 2 и за уборку сена по 1 гр. В соседнем селе Встиш существовала такая же плата, в Большом Уезде крестьяне вносили за кошение сена по 2 гр.; а все крестьяне села Горжиковице за ту же повинность — полторы копы.

Барщинные повинности включали обычно обязанность трижды пахать по 12, 16 или 20 полос, выставлять по шесть или девять жнецов, косить, сушить и убирать сено, а также доставлять дрова. Из сказанного видно, что в селах Хотешовского монастыря засвидетельствована наиболее высокая барщина для всего изучаемого района.

Денежные платежи в этой группе сел довольно высоки. Средней платой с лана здесь можно считать 60—64 гр., хотя известны случаи и более низкой (40 гр. *et non plus* в селе Усушье, даже 32 гр. в селе Кшенице) и более высоких чиншей (например, 90 гр. в селе Лишина, 96 в Большом Уезде, 120 в Градце, даже 128 в Лисове и Шловицах). В восьми селах денежные платежи являются единственными (Янов, Усушье, Лосина, Станков и др.).

Переходя к рассмотрению натуральных взносов крестьян Хотешовских сел, следует сразу же отметить, что даже при самом беглом ознакомлении с поземельной описью можно констатировать, что натуральные повинности зарегистрированы почти во всех селах и относительно велики и разнообразны. Так, в 24 селах широко представлены взносы зерновыми, причем в целом ряде случаев встречаются весьма разветвленные и высокие платежи: 1 мера пшеницы, 8 — ржи, 8 — овса, 4 — ячменя, 1 — гороха (села Пржегейшов, Тушков, Встиш), 2 меры пшеницы, 2 — ржи, 4 — овса, 2 — гороха (Стод) или 1 — пшеницы, 6 — ржи, 4 — овса, 1 — гороха (Ухерце) и т. п. Дважды упоминается мак. Не приходится говорить, что во всех селах крестьяне сдают кур (от 2 до 8 с лана) и яйца (от двух до четырех десятков); часто встречаются также сыры, иногда утки, окорока (Большой Уезд и Стод). В целом ряде сел зарегистрированы также платы «вместо ягнят» — 2 гр. и «вместо вина» — по 3 гр. и 4 геллера.

Наконец, крестьяне сел Стржелице, Врбице, Верхний Битов, Верхние Секиржаны, Горжиковице, Тынец, Линье, Малый Уезд, Ухерце и Стод сдают по мотку кудели. Сверх всего в том же Стоде, Лишине и Котовицах упоминается в числе взносов также и соль.

Приведенные выше данные позволяют заключить, что характерной чертой крестьянских повинностей во владениях Хотешовского монастыря является сочетание разнообразных, охватывающих большинство населенных пунктов, барщин со столь же различными и высокими натуральными платежами. Поскольку время составления Хотешовского урбария всего лишь на несколько лет опережает время составления поземельной описи панов из Рожмберка, причину этого различия трудно было бы видеть в изменении ренты за этот период. Ввиду этого можно предположить, что отмеченные особенности представляют собой специфику западных районов Чехии. Однако отсутствие необходимых данных для проверки этого предположения не исключает возможности и других объяснений, тем более что невозможно установить, какая часть натуральных взносов потреблялась непосредственно монахами и поступала ли какая-либо часть этих поборов на ближайший городской рынок.

Таким образом, в результате рассмотрения феодальной ренты на западе Чехии можно прийти к выводу, что изучаемый район не представляет собой однородного целого, Крестьянские повинности в Рожмберкских панствах и Рокицанских селах архиепископства по своему характеру и размерам близко напоминают ренту в уже охарактеризованных районах юга. С другой стороны, во владениях Хотешовского монастыря замечается отличие в структуре ренты, выражающееся в повышении барщины и высоком удельном весе натуральных платежей при сохранении, впрочем, высокого чинша.

4

Если изучение феодальной ренты на западе Чехии затрудняется, с одной стороны, ограниченностью материала, а с другой — его одновременностью, то на юго-востоке Чехии мы получаем в свое распоряжение гораздо более благодарный материал. Здесь, на стыке нынешней Иглав-

ской и Пражской областей, в границах Коуржимского архидиаконага средневековой Чехии, имеются данные по феодальной ренте более сотни сел, причем описание последних распадается на три хронологические группы, которые наблюдались выше при изучении юга страны. К сожалению, интересующие нас данные располагаются внутри этих групп еще более неравномерно. К 70-годам относится описание одного только Жижелицкого панства Рожмберков, расположенного к тому же на крайнем северо-востоке изучаемой территории. Столь же невелик и материал по последнему периоду — началу XV в., исчерпывающийся описанием небольшой группы соседних Колинских сел Страговского монастыря. Зато в архиепископском урбарии 1390 г. приводятся сведения о феодальной ренте по четырем дистриктам, в том числе по самому богатому и густонаселенному панству — Ржечицкому. Все эти вотчины протянулись цепью вдоль юго-западной границы архидиаконага.

В 16 селах Жижелицкого панства панов из Рожмберка крестьянские повинности значительно отличаются от повинностей в южных селах этих владельцев¹⁷⁵. Почти во всех населенных пунктах засвидетельствована барщина: крестьяне выставляют с лана по четыре, а иногда даже и по десять косцов¹⁷⁶. В одном случае уборочная повинность определена более точно: крестьяне села Течмин обязаны убрать по 28 копен¹⁷⁷. Довольно часто встречаются различные работы на господских лугах¹⁷⁸, а кое-где и пахота¹⁷⁹. Натуральные повинности в Жижелицких селах ничтожны¹⁸⁰. Зато денежные чинши довольно разнообразны¹⁸¹. Во всех Жижелицких селах зафиксирован особый

¹⁷⁵ RR, str. 22—24, № 179—196.

¹⁷⁶ Села Градиштво (RR, str. 22, № 179), Жижелице (RR, str. 22, № 180), Луконосы (RR, str. 22, 183), Колеса (RR, str. 22, № 181), Кудратице (RR, str. 23, № 188) и др.

¹⁷⁷ RR, str. 22, № 182.

¹⁷⁸ Блуды (RR, str. 22, № 181), Главечник (RR, str. 23, № 187). Кудратице (RR, str. 23, № 188), Добшице (RR, str. 23, № 191).

¹⁷⁹ Жижелице, Луконосы, Радовеснице (RR, str. 23, № 190) по два дня пахоты.

¹⁸⁰ В двух случаях (RR, str. 22, № 181 и 182) крестьяне дают по цыпленку, в одном (DR, str. 23, № 191) по цыпленку и 22 яйца.

¹⁸¹ В двух селах — по 32 гр. (RR, str. 22, № 184 и 187); в одном — по 44 (RR, str. 23, № 189); в одном — по 56 (RR, str. 22,

платеж: когда господин отправится в поход за пределы страны — по 4 гр. «et quando dominus extra terram ad expidicionem est, per 4 gr».¹⁸²

Наиболее полно для изучаемой территории представлены среди имеющихся в нашем распоряжении источников материалы о ренте в многочисленных селах архиепископства Пражского, которые распадалась на четыре хозяйственно-административные единицы — дистрикта. Это прежде всего Ржечицкий, насчитывавший 61 населенный пункт, Крживсоудовский — 9, Штепановский и, наконец, расположенный несколько в сторону Чешско-Бродский дистрикт, где сохранились данные о ренте 11 сел¹⁸³. Села первых трех дистриктов лежали рядом, в бассейне рек Трнавки и Желивки, и могут быть рассмотрены как вотчинный комплекс. Данные об этих селах извлекаются из уже упоминавшегося архиепископского урбария 1390 г., но в ряде случаев соответствующие населенные пункты встречаются в епископской описи, составленной столетием раньше, в связи с чем здесь представляется некоторая возможность заглянуть в прошлое крестьянских повинностей.

Рассматривая отработочные повинности крестьян Крживсоудовских и Штепановских сел, устанавливаем, что в первых денежные платежи составляли основу феодальной ренты, тогда как натуральные взносы везде отсутствовали полностью, а барщина представлена лишь двумя днями пахоты, и то лишь в четырех селах из девяти (села Бучице, Бржезина, Честице, Лажисте). Высота чиншней колебалась и здесь вокруг 60—64 гр. с лана, хотя известны чинши и по 40 (Льгота), и 86 гр. (Бржезина). В Штепановских селах, однако, в большинстве случаев уже встречается барщина, хотя в двух из них (Дальковице и Кеблове) рента ограничивается только чиншем соответственно по 80 и 64 гр. с лана. Штепановские крестьяне должны два раза в год выходить на охоту, а в Мниховице, Хлуме, Яворнике и Льготе — пахать (дважды по 18 по-

№ 182); в трех — по 60 (RR, str. 22, № 179 и 186; RR, str. 23, № 194), в одном — по 64 (RR, str. 23, № 188), в одном — по 70 (RR, str. 22, № 185), в четырех — по 80 (RR, str. 22, № 180; RR, str. 23, № 190, 192, 193), в одном — по 84 (RR, str. 23, № 191) и, наконец, в двух — по 88 гр. с лана (RR, str. 22, № 181, 183).

¹⁸² RR, str. 22, № 179, 180, 181 a násl.

¹⁸³ DR, VI, 104—106, 110—133.

лос), убирать (по два дня) и выполнять извозные повинности (перевозка сена и дров). Из всех семи сел только в Мниховице засвидетельствован натуральный взнос — по 4 курицы с лана. Что касается денежных чиншей, то они колебались от 40 до 80 гр.

Сравнивая описания ренты в тех же селах в епископской описи 1290 г., мы находим, что там имеются данные по пяти из семи населенных пунктов, упоминаемых в урбарии 1390 г. При этом в Штепанове, Хлуме, Дальковице и Кеблове барщина вовсе не зарегистрирована, из чего видно, что в первых трех она была введена в течение протекавшего столетия. В Яворнике также прибавилась пахотная и охотничья повинность, а уборочные работы увеличились вдвое¹⁸⁴. Но вместе с тем в течение этого времени во многих селах исчезли натуральные взносы¹⁸⁵. Если прибавить к этому, что во всех тех случаях (где это представляется возможным проверить) одновременно сильно возросли денежные платежи, например в Кеблове с 48 (3 фертона) до 64 гр., в Яворнике от 48 (3 фертона) до 80 гр., то общая картина движения ренты для этой немногочисленной группы сел вырисовывается довольно отчетливо. Натуральные платежи исчезают, увеличивается или появляется заново барщина, возрастают денежные платежи.

При рассмотрении отработочной ренты в селах Ржечицкого дистрикта¹⁸⁶ следует прежде всего обратить внимание на расширение самого списка барщинных повинностей, где встречаются такие обязанности, как пахота, боронование, уборка хлеба, кошение, уборка сена, перевозка дров, зерна, работа на хмельнике, а также участие в господской охоте. Повинности эти распределяются и комбинируются по отдельным селам различными способами; пахота засвидетельствована в 17 случаях и определяется обычно одним, двумя днями в год или 4 загонами¹⁸⁷, а в некоторых случаях — четырьмя¹⁸⁸; боронование — в вось-

¹⁸⁴ Ср. DR, I, 1—3; DR, VI, 110—112.

¹⁸⁵ Например, в Кеблове в 1290 г. упомянуто 6 кур, 30 яиц, 2 сыра и ягненок с лана; ср. данные по Яворнику и Хлуму, где упоминались куры, яйца, сыр, а также свиньи и поросята; сто лет спустя их уже не было.

¹⁸⁶ DR, VI, 113—133.

¹⁸⁷ Впрочем, в селе Скришов крестьяне должны пахать восемь дней (DR, VI, 129).

¹⁸⁸ Села Ровное, Крженовице, Становице, Свеправеце.

ми случаях продолжается лишь по два дня. Наиболее распространенным видом барщины являются уборочные работы, зарегистрированные в 40 селах — почти всегда с лана по два дня в год. Исключение составляют Маркварец, Гойков, Гойковец, Дехтярж и Вискитна, где крестьяне должны были убирать по четыре дня с лана в год. Почти столь же часто встречаются сенокосные работы — иногда только косьба, иногда в сочетании с сушкой и перевозкой сена. В общей сложности сенокосные работы засвидетельствованы в 39 селах. Извозные повинности крестьян в подавляющем большинстве случаев определены вполне точно: 2 воза пшеницы и 2 воза овса (село Большой Рыбник), 4 или 2 воза дров (Свеправице, Тьехоразек, Дубовице, Пышков и др.), но в ряде случаев извозная повинность также измеряется количеством дней¹⁸⁹. Тем не менее имеются и такие села, где извозная повинность определена весьма расплывчато; чаще всего это касается доставки дров¹⁹⁰. Довольно распространенная повинность по уборке репы фиксируется также не всегда точно¹⁹¹. Почти во всех селах без исключения встречается обязанность «охотиться по приказу бурграфа», причем в достаточно большом количестве случаев эта повинность сохраняется даже тогда, когда все остальные заменяются платой «pro roboti»¹⁹².

Натуральные платежи являются обязательной составной частью крестьянских повинностей большинства сел Ржечицкого дистрикта (58 из 61 сел). В отличие от барщинных натуральные повинности Ржечицких крестьян не отличаются большим разнообразием и обычно состоят из кур, некоторого количества овса и кудели. Крестьяне ряда сел обязаны поставлять солому, причем иногда эта повинность отбывается несколькими крестьянами, иногда всем селом¹⁹³. Очень часто натуральные повинности повторя-

¹⁸⁹ В селах Льготка, Радетин, Красиковице, Ржеменов и др.

¹⁹⁰ Села Кошетице, Льготка, Дегтярж, Стрмехи, Побистрице и многие другие.

¹⁹¹ «Unum diem garram fodere» — Хвойнов, Олешна и др., но наряду с этим и просто «garram fodere» — Скришов, Красиковице, Радетин, Бачовице, Попелиштна и др.

¹⁹² Например, село Чейков: «pro robotis omnibus quilibet annuatim 3 gr. excepto quod debent transire ad venacionem ad mandatum burgavi».

¹⁹³ Так, в селах Стрмехи, Олешна и Павлов с каждых 3 ланов должны были давать воз соломы, в селах Лесковице, Чаковице,

ются. Так, в двадцати случаях натуральные платежи состоят из 2 кур, одной меры овса и мотка кудели¹⁹⁴. В то же время барщинные повинности в этих же селах разнообразны и только в очень редких случаях повторяются дважды в одном сочетании.

Исключительным разнообразием отличаются денежные платежи. Так, в 61 населенном пункте встречается 25 различных размеров чинша с лана. Величина чинша колеблется от 32 до 94 гр., причем наиболее распространенные промежуточные цифры — чинш в 48¹⁹⁵, в 64¹⁹⁶, 72 гр.¹⁹⁷ Величина чинша варьируется не только при переходе от одного села к другому, но и в пределах одного населенного пункта¹⁹⁸. Судить о том, как меняется величина чинша в зависимости от размеров занимаемого участка, мы не можем, но за то, что в значительной мере плата определялась размером держания, говорят платы подсоседков. В качестве чинша этой группы крестьян отмечаются 6 гр. (села Льготка, Хвойнов, Радетин), 8 гр. (село Ровне и др.). В нескольких селах Ржечицкого дистрикта составители описи отметили понижение первоначальной величины чинша. Так, в селе Тьехоразек чинш с лана понижен с 55 до 46 гр. и 8 геллеров, в Олешне — с 84 до 76 гр., в Чаковицах — с 64 до 60 гр. Особенно значительно снижен чинш в селе Будиков, где каждый из 20 ланов платил в год по 46 гр., в то время как в прежнем регистре значился

Мышлов и Цейле — с каждых 2 ланов, в селе Ветьетице — с 5 ланов, в селе Свеправице — с 5 ланов, в селе Тьехоразек — с 9 ланов 2 воза соломы, а в селах Дубовице и Побистрице вся община *totam unitatem* должна была давать воз соломы, а села Радетин и Ржеменов по 2 воза соломы, исключением является село Хвойнов, крестьяне которого должны были давать по 2 воза соломы с каждого лана.

¹⁹⁴ Села Мирошов, Милотице, Рихнов, Гойковец, Дехтярж, Путимов и др.

¹⁹⁵ Села Ровное, Тьехораз, Дубовице, Змишовице, Мышлов, Стрмехи и Хвойнов.

¹⁹⁶ Села Свеправице, Будиков, Дехтярж, Путимов, Радетин и Красиковице. Правда, в некоторых селах чинш был снижен.

¹⁹⁷ Села Кошетице, Пышков и Битетице, Пильграм, Побистржице и Олешна. Попутно считаем необходимым отметить необычайно большую берну, которую должны платить крестьяне села Пышков — 36 гр. с лана (DR, VI, 119).

¹⁹⁸ Так, в селе Милотице с 3 ланов платят по 73 гр. 4 геллера, а с одного — 60 гр. (DR, VI, 124); в селе Попелиштна с 8 ланов — 60, с 4 — 48 гр. (DR, VI, 121).

платеж в одну марку¹⁹⁹. Подобным же образом чинш четырех подсоседков уменьшен вдвое. Только в одном первом случае источник прямо говорит о причине снижения: в Тьехоразеке «из-за рыбного пруда снижены на 9 гр.». В остальных случаях находим ссылки лишь на «*placitum domini*». По всей вероятности, в этих немногих населенных пунктах стихийные бедствия или низкий уровень жизни крестьян не позволяли обеспечить получение чинша в прежнем размере. Вполне вероятно, что при этом сыграло роль и растущее сопротивление крестьян.

Еще более значительный количественный рост барщины замечается в Чешско-Бродских селах²⁰⁰, которые находились километрах в 60—80 северней всей рассмотренной группы архиепископских владений, между Коуржином и Подебрадом. В Бржежани, Богуневце, Ономышле и Непомержице (Непомысль), а также в Опланах барщинные повинности сравнительно велики. При этом вместо прежних формул, обязывавших крестьян выставлять жнецов или просто убирать господский хлеб в течение определенного числа дней, появляется исчисление крестьянских повинностей количеством убранного хлеба, что, как мы видели, впервые в этом районе встретилось в одном из сел Жижелицкого панства. В перечисленных Чешско-Бродских селах крестьяне обязаны ставить по 20 копен. В Броде засвидетельствованы работы «на лугах», а также уборка овса. В Новой Веси — извозная повинность, в Либлице и Билани находим «*shop*» или просто количество рабочих дней для всего села. В Новой Веси — за уборку (*de saracia*) и за охоту («*de vectura*») взимаются деньги (38 гр. за 60 копен и 20 грошей за *vectura temporis messis*).

Натуральные повинности и здесь берутся не во всех селах: куры — в трех, пшеница и овес — в одном селе, в двух случаях упоминается также и сбор «за ягнят», *pro agnellis*; зато чинши крестьян Бродских сел весьма высоки. Села Новая Весь, Бржежани, Зибоглав, Радовесице, Либлице платят чинш по 2 марки с лана, Билане и Оплане, Ономышле и Непомержице — по 48 гр. с лана. Таким образом, денежные платежи у Бродских крестьян значительно выше, чем в соседних округах.

¹⁹⁹ DR, VI, 118, 132, 122, 120.

²⁰⁰ DR, VI, 104—106.

Последнюю группу сел на изучаемой территории, по которым имеются данные о ренте, составляют семь Колинских сел Страговского монастыря, описанных в урбарии 1410 г.²⁰¹ В этих селах находим обычную барщину: в Малой Лыоте крестьяне пашут по одному дню, ставят по 6 копен и работают на уборке хлеба по четыре дня; в Бржежанах полноланные крестьяне убирают хлеб по два и подсоседки по одному дню. В Овчаре крестьяне обязаны принимать участие в господской охоте и перевозить зерно, сдаваемое в качестве натурального платежа, причем в обоих случаях применяется формула «по приказу господина». В других селах (Великая Лыота, Хращаны) можно установить, сравнивая грамоты более раннего времени с описаниями крестьянских повинностей в урбарии, что здесь происходит замена барщинных повинностей деньгами. Натуральные платежи представлены во всех селах курами, а в Овчаре крестьяне сдают по 3 стрихона овса и 3 стрихона ячменя и квартал конопли. Чинш колеблется от 60 (села Овчар и Немчице (Нунциц) и до 108 гр. с лана (Бржежани)²⁰².

В итоге рассмотрения крестьянских повинностей в изучаемом районе мы видим, что и здесь имеются села и целые владения (Крживсоудовское, отчасти Штепановское), где характер крестьянских повинностей приближается в общем к тому, что наблюдалось на юге и крайнем юге страны. Однако Ржечицкие села уже выпадают из этой схемы: обильные и разнообразные формы барщин здесь сочетаются с высокими денежными платежами. Достаточно широко распространены и натуральные поборы. Еще более явно выступают эти тенденции в северных вотчинах изучаемой территории. Уже в Жижелицком панстве не только увеличивается барщина, но появляются и ее новые формы; однажды засвидетельствованная здесь урочная система уборки становится господствующей в Чешско-Бродских и Колинских селах. Коммутация барщинных повинностей, как правило, не имеет места (исключение составляет несколько Колинских сел). Вместе с тем обращает внимание, что в тех немногих селах, где предусмотрен выкуп отработочных повинностей, дается такая высокая оценка барщинных работ, что делает ее замену не-

²⁰¹ DR, VIII, 239—251.

²⁰² DR, VIII, 243.

возможной или во всяком случае очень затруднительной для большинства крестьян ²⁰³. Основу феодальной ренты и здесь составляет чинш, величина которого резко увеличивается на севере (Чешско-Бродское панство). Натуральной отсутствуют вовсе или составляют незначительный процент лишь во владениях Страговского монастыря.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения распределяются по времени настолько неравномерно, что не позволяют прийти к сколько-нибудь определенным выводам относительно движения феодальной ренты в границах рассматриваемого района. С этой точки зрения привлекают особое внимание немногие данные по селам Штепановского дистрикта, допускающие сравнение материалов 1390 г. с данными конца предшествовавшего столетия. Они показывают, что в Чехии идет процесс коммутации натуральных повинностей, а также дают возможность судить о расширении домена в архиепископских владениях.

Изучение структуры феодальной ренты в пределах рассмотренного района показывает, что при продвижении от юга к северу можно установить довольно заметное изменение характера крестьянских повинностей, особенно резко выступающее при сравнении данных по Крживисовскому и Штепановскому дистриктам, с одной стороны, и северной группой Прилабских вотчин — с другой. Стройность такого построения нарушается лишь Ржечицкими селами, рента в которых приближается скорее к ренте последних. Особенно показательны различия между южными владениями панов из Рожмберков, рассмотренными выше, и Жижелицким панством, а также между Захлумскими и Колинскими селами Страговского монастыря. В итоге было бы невозможно охарактеризовать структуру феодальной ренты в Коуржимском крае как нечто однородное во всех его частях. Скорее можно было бы говорить о том, что весь этот район является в интересующем нас смысле переходным по характеру ренты.

5

Рассмотрев данные о крестьянских повинностях в южной половине Чехии, переходим к анализу феодальной ренты в селах северной части страны. Имеющиеся в нашем

²⁰³ Ср., например, село Нова Вель, где при чинше 2 марки (128 гр.) крестьяне должны платить в случае выкупа барщин 56 гр.

распоряжении материалы не позволяют с исчерпывающей полнотой изучить структуру крестьянских повинностей во всех районах этой части страны.

Поэтому следует ограничиться рассмотрением материалов по двум обширным областям, где размещается основной массив феодальных владений, описанных в урбариях Страговского, Бржевновского, Градищенского и других монастырей.

Первый из этих районов охватывает территории, лежащие в непосредственной близости от Праги. Здесь находились прежде всего владения Збраславского монастыря, разбросанные преимущественно вдоль Влтавы и при впадении в нее Бероунки; описание этих сел относится к 1342 г.²⁰⁴ Несколько юго-восточнее этих сел, непосредственно примыкая на юге к Седльчанскому панству Рожмберков, лежали владения Островского монастыря. Данные о платежах крестьян в этих селах приводятся в урбарии, составление которого относится к 1388—1390 гг.²⁰⁵ Остальные группы владений размещались следующим образом: на правом берегу Влтавы, почти примыкая к Збраславским селам, Костелецкая группа сел Бржевновского монастыря (1406)²⁰⁶, северо-западнее ее, непосредственно у самого города, расположились несколько Страговских правобережных сел (1410)²⁰⁷; к северу, при впадении Влтавы в Лабу, лежали Бржевновские правобережные села (Клуминские). Далее размещались, сплошь и рядом чересполосно, левобережные Бржевновские села, наиболее близкие к самому монастырю²⁰⁸, а к югу от них, на левом берегу Бероунки, большей частью между Лоденицей и Влтавой находим ближайšie к монастырю Страговские села²⁰⁹. Общее число населенных пунктов, для которых имеются данные о составе крестьянских повинностей, достигает почти сотни. По времени они могут быть разделены на три группы. К 1342 г. относится описание Збраславских сел, к 1388—1390 гг.—Островских, к первому десятилетию XV в.—Бржевновских и Страговских. По-

²⁰⁴ DR, X, 309—310.

²⁰⁵ DR, V, 53—69.

²⁰⁶ DR, VII, 180—183.

²⁰⁷ DR, VIII, 286—288.

²⁰⁸ DR, VII, 155—165; 175—179.

²⁰⁹ DR, VIII, 230—239 и 288—296.

этому представляется наиболее целесообразным изучать этот материал в соответствии с хронологией источников, проверяя итоги наблюдений сравнением самой поздней группы сведений (по селам Страговского монастыря) с более ранними грамотами, относящимися к тем же населенным пунктам, так как отличительным свойством Страговской поземельной описи является, как об этом было сказано при обзоре источников, наличие в тексте урбария значительного количества грамот.

В Збраславской поземельной описи содержатся урбарияльные заметки по девяти селам, расположенным в непосредственной близости от самого монастыря²¹⁰. Данные об этих селах разделены на две группы, причем в первую входит восемь сел (Хухлы Большие и Малые, Лаговице, Радотин, Липаны, Черношице, Забеглице, Видин) и отдельно дано описание села Ржевнице.

Однако в первом случае только в двух селах из восьми составитель описи назвал некоторые повинности крестьян. Так, в селе Лаговице отмечены 24 крестьянина, имевших по одному югеру земли и плативших чинш по 16 гр. Их барщина была достаточно велика — каждый из них должен был убрать 4 копны хлеба и работать по 4 недели в году на господском дворе. В селе Видине крестьяне обязаны были сжать и убрать по 60 копен хлеба и, кроме того, каждый год вносить по 4 курицы и 24 яйца. К сожалению, источник не дает иных данных о повинностях крестьян отдельных сел этой группы. Некоторый дополнительный свет в этом отношении проливает суммарная заметка составителя описи, где говорится, что монастырские крестьяне в названных восьми селах должны были сдавать в год 30 коп (1800 штук) яиц и 414 кур. Хотя все эти сведения крайне отрывочны, они говорят о высокой барщине крестьян в районах, расположенных вблизи Праги. В этом отношении показательно и выделение особой группы крестьян и появление в документах соответствующего термина — барщинник (*robotarii*)²¹¹, почти не встречавшегося в поземельных описях юга в отличие от крестьян (*rustici*) и чиншевиков и крестьян — держателей ланов на чинше (*lanei pro censu*)²¹².

²¹⁰ DR, X, 309—310.

²¹¹ DR, X, 309.

²¹² DR, X, 310.

Эти наблюдения подтверждаются и данными о повинностях крестьян села Ржевнице. Здесь говорится, что «*gustici*» должны уплачивать с лана 39 гр. чинша, давать 6 кур, 24 яйца и 1 стрихон хмеля и убирать 40 копен хлеба, каждая из которых состояла из 50 снопов (40 *sarescia metere, in una quoque 50 manipulos computando*).

Вперемежку с селами Збраславского монастыря, а также несколько южнее и юго-восточнее их, на правом и левом берегах Влтавы и Сазавы размещалась большая группа сел (37) Островского монастыря, повинности крестьян которых были описаны в урбарии, составленном в 1388—1390 гг.

Характеризуя состав и структуру крестьянских повинностей в селах Островского монастыря, следует прежде всего отметить, что барщина зарегистрирована здесь почти во всех населенных пунктах²¹³ и удельный вес ее относительно высок. В то же время сами барщинные повинности достаточно разнообразны по величине. Главной и часто единственной повинностью крестьян в Островских селах являются уборочные работы, распадающиеся на две категории, которые обозначаются в источнике соответственно как уборка, измеряемая днями, и как обязанность крестьян выставять при уборке господского хлеба определенное количество копен. При этом первая уборочная повинность составляет в большинстве случаев два дня в году, реже четыре или один. Она сохраняется даже тогда, когда точно ограниченная количеством копен уборка заменяется деньгами или когда, кроме денежного чинша и уборки, определяемой днями, крестьяне освобождаются от всех остальных видов повинностей. Что касается уборки, измеряемой количеством копен, то она колеблется от 16 до 48 копен с лана, при этом случаи, когда последняя повинность заменяется деньгами, показывают, что значение ее в системе феодальной ренты очень высоко. В селах Нагорубы, Блажим и Бьелице она заменяется 24 гр., между тем как денежный чинш в этих селах составлял соответственно 64, 54 и даже 40 гр. Таким образом, стоимость уборочной повинности, измеряемой количеством копен, составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ чинша и во много раз превосходит уборочную барщину, измеряемую днями, стоимость кото-

²¹³ DR, V, 53—69.

рой определяется в 2 и 4 гр. Однако эти виды уборочных работ не являются единственными барщинными повинностями крестьян в Островских селах. В селе Нештедице засвидетельствована обязанность «убирать сено», в Бояновице и Братржинове крестьяне должны совершать по шесть перевозок; в селе Сазава им вменялось в обязанность участвовать в течение семи дней в господской охоте. В заключение можно добавить, что барщинные повинности распределялись между крестьянами во всех рассмотренных случаях пропорционально количеству земли. Например, в селе Нештедице все крестьяне, имевшие по лану земли, убрали по два дня, а державшие по поллана — по одному дню; в селах Бржезова и Олешень крестьяне ставили по 30 копен с «поля». Натуральные повинности Островских крестьян ограничиваются в большинстве случаев курами и яйцами. Довольно часто практикуются взносы овсом, иногда куделью и в некоторых случаях козлятами.

Наконец, чинши в Островских селах ничем не отличаются от того, что наблюдалось в соседних селах: высота чинша разнообразна — от 20 и до 85 гр. с лана; чаще всего он колеблется от 40 до 64 гр. Как указывалось выше, в удельных селах часть барщины заменяется деньгами.

Сравнивая материалы по ренте крестьян Островских сел с одновременными данными по южной Чехии, можно прийти к заключению, что структура крестьянских повинностей в последней четверти XIV в. здесь существенно отличается от этого района: барщина распространена почти повсеместно, лишь в немногих случаях и частично заменяется деньгами, и удельный вес ее, как можно судить по господским оценкам крестьянских работ, достаточно высок. Само собою разумеется, однако, что, сравнивая материал по 37 селам центра с данными более чем по 500 населенным пунктам юга, трудно настаивать на абсолютной точности полученных выводов, и чтобы они стали более достоверными, следует расширить поле исследования.

Севернее рассмотренных Островских и Збраславских сел начинались обширные владения двух соседних монастырей — Бржевновского и Страговского, окружавшие столицу Чехии с запада, севера и востока. Поскольку описанные в обеих поземельных описях села были расположены в непосредственной близости друг от друга,

частично даже чересполосно, и так как описания их отделены друг от друга всего несколькими годами, представляется возможным рассмотреть соответствующий материал совместно.

Наиболее компактную группу представляли левобережные села названных монастырей: к севоро-западу от Бржевнова находилось 16 принадлежавших этому монастырю сел, между которыми и южнее которых лежало десять Страговских сел. На правом берегу Влтавы, начиная от впадения ее в Лабу, к юго-востоку тянулись сначала Клуминские села Бржевновского монастыря (десять), затем несколько Страговских сел (Хабры, Седлец, Тржековице, Штеховице и, наконец, между Прагой и Костельцом — девять Костелецких сел Бржевновского монастыря. Таким образом, мы располагаем для 1406—1410 гг. данными о ренте 49 сел.

Приступая к рассмотрению системы крестьянских повинностей в селах, расположенных вокруг Праги, можно отметить здесь то же увеличение и разнообразие барщинных повинностей, которое отмечалось в предыдущей группе сел. Так, из 16 левобережных Бржевновских и десяти левобережных Страговских сел барщина засвидетельствована в подавляющем большинстве случаев, причем барщинные повинности весьма тяжелы и разнообразны. В Тржебонице с каждой «дедины» крестьяне должны были пахать по одному дню озимое и яровое, убирать 42 копны, отрабатывать сверх того восемь дней на уборке господского хлеба, а также перевезти 12 мер господского овса и воз хвороста. Чинш составлял в этом селе 80 гр., и кроме того, каждый держатель лана должен был сдать и доставить в монастырь по 5 мер овса и дать 9 кур, 80 яиц и одну утку²¹⁴. Как можно судить из других мест того же документа, наиболее тяжелой повинностью крестьян была обязанность убирать господский хлеб, обозначенная количеством копен. При описании села Бржевнов по этому случаю дается такое разъяснение: «и каждая копна должна иметь 50 снопов, так что 50 снопов должны дать 4 стрихона при обмолоте»²¹⁵. Столь же велики и крестьянские повинности в других селах этого района. В Иночанах,

²¹⁴ DR, VII, 158.

²¹⁵ DR, VII, 155: «Et quodlibet capete debet habere 50 manipulos, ita quod 50 manipuli debent dare 4 strych in tritulacione».

например, крестьяне ставят по 32 копны, отбывают семь дней «сгона», два дня пахоты, перевозят хворост; в Тржебизе (Тржебовезье) отсутствует пахота и «сгон» уменьшается до одного дня, однако остается обязанность убирать по 32 копны, а также появляется целый ряд дополнительных работ: уборка овса, гороха и конопли, сушка сена, уход за овцами. При этом указано, что работа выполняется на господских харчах, но продолжительность ее по многим операциям никак не определяется²¹⁶. В селе Збузаны крестьяне делятся на две группы: одни ставят по 20 копен и перевозят по три воза камней, а другие обязаны делать все, что будет приказано²¹⁷, первые платят высокий денежный чинш, вторые «освобождены» от него. Наконец, в селе Либоч уже все крестьянские дворы (18) должны работать три дня в неделю на своих харчах и своими средствами²¹⁸. Здесь перед нами впервые выступает с такой определенностью резкое увеличение отработочной ренты, доходящей до присвоения значительной части рабочего времени крестьянина. При этом обнаруживается и значительная гибкость форм последней, принимающей то вид еженедельной трехдневной барщины для всех крестьян, то концентрирующей на одной лишь их части, но зато достигающей своего логического завершения в виде ничем не ограниченной барщины по воле господина.

Безотрадным было положение крестьян и в соседних Страговских селах²¹⁹. Например, в селе Угонице крестьяне пашут озимое и яровое (полдня), отрабатывают по пять дней на уборке в порядке «сгона», ставят по 20 копен, кроме этого, они должны работать на лугах по два дня, перевозить, и притом на своих харчах, господское зерно (по 20 копен); сено (два воза) и дрова (полвоза), а также принимать участие в господской охоте (два дня). В этом

²¹⁶ DR, VII, 162—163: «Item debent de qualibet hereditate metere per 1 diem in avena messum, que shon dicitur.

Item ubi fiunt tres strichones de ordeo, debent ipsi incole deponere et metere et fenum exsiccare et canapum extrahere in agro, et oves abluere et tondere; et quando istam robotam laborant, videlicet in piso, ordeo et messe shon et canapo et ovibus, tunc debent ipsi laboratores in ipsa curia, quibus laborant, per eosdem in cibo et potu procurari et cibari».

²¹⁷ DR, VII, 156.

²¹⁸ DR, VII, 160.

²¹⁹ DR, VII, 230—239.

же селе подсоседки (девять человек) работают по одному дню в неделю, причем даже установлено — какой день (*videlicet feria II*) ²²⁰. В селе Горжемержице уборка заменяется деньгами (*pro messe 7 gr.*), но каждый крестьянин должен мыть и стричь овец весной и осенью по указанию монастырской администрации.

Весьма показательно, что барщинные повинности устанавливаются в этом случае уже не с лана, как это было во всех предыдущих случаях, а с каждой хозяйственной единицы, независимо от ее величины ²²¹.

Еще более конкретно определены повинности крестьян Тржесовице: жители его определяются как «вечные деди-чи», (*«diediczones perpetui»*), а барщинные повинности их устанавливаются формулой: «должны постоянно работать сколько будет необходимо» ²²².

В обширном списке работ Тржесовицких крестьян обращает на себя внимание обязанность вылавливать лес, сплавляемый по Влтаве из Захлумских вотчин монастыря ²²³.

Как видно из приведенных данных, барщинные повинности крестьян Страговских и Бржегновских сел очень высоки и весьма разнообразны. Вместе с тем, в пределах рассматриваемого района впервые зарегистрирована еженедельная трехдневная (*tres dies in septimana*) и неопределенная барщина, соответствующие наиболее тяжелым формам зависимости крестьянства. Далеко не случайным является то, что в пределах всей рассмотренной группы сел имеется лишь один случай коммутации барщины (село Горжемержице), да и то лишь частично.

Столь резкое увеличение барщины стоит в непосредственной связи с наступлением феодалов на крестьянские земли, с захватом и включением последних в состав господского домена. Классическим случаем такого рода в пределах рассматриваемого материала является село Гайно, относительно которого сведения Страговского ур-

²²⁰ DR, VII, 231.

²²¹ DR, VIII, 237: «Item ibidem de quolibet laneo, vel $\frac{1}{2}$ laneo, uno quartali, vel una area subsidiali tenetur quilibet metere per tres dies, tam pauper quam dives ad mandatum procuratori».

²²² DR, VIII, 291.

²²³ DR, VIII, 292: «Item strues de Zachlum, quando veniunt tenentur extrahere de aqua cum familia monasterii».

бария весьма выразительны и конкретны. О крестьянах этого села составитель описи указывает, что прежде они находились на положении чиншевиков (*prius censuabantur*), но в период, непосредственно предшествующий составлению описи, были лишены своей земли и взамен чинша обложены барщинными повинностями²²⁴: пахать озимое и яровое, ставить с каждой дедины по 1920 снопов²²⁵, убирать по два дня господский хлеб, также сушить и складывать сено, сажать либо сеять овощи, мыть и стричь овец и, наконец, убирать горох. Что касается крестьянских полей, то о них прямо говорится, что они присоединены к курии (*«pro curia (sunt) ibidem applicate»*)²²⁶. Таким образом, мы видим, что резкое возрастание крестьянских повинностей непосредственно связано с расширением доменов.

Весьма примечательно, что возрастание барщины отнюдь не вело за собой снижения остальных повинностей. Так, крестьяне левобережных Бржегновских и Страговских сел систематически сдавали кур и яйца, иногда уток и зерно, причем и в этих случаях срок взноса часто определялся уже известной нам формулой «когда им прикажут» (например, село Жепы, Тржебовице, Набдин Бржегновского монастыря). Обычно сдавали по 7 цыплят и от 32 до 80 яиц и т. п. Равным образом и чинш не только не уменьшался, но часто даже значительно увеличивался по сравнению с чиншом, который взимался в соседних селах 30 лет тому назад. Так, села Рузен, Угонице платили 50 гр.; Тржебовице, Княжевесь и др.— 64 гр.; Братковице, Набдин, Тмань, Каменице, Свркин и др.— 78—80 гр.; Мотолы—80—140 гр.²²⁷, Княжевесь, Олшина—128 гр.²²⁸. В одном случае (село Погоржелец) зарегистрирован даже

²²⁴ DR, VIII, 236: «Item sunt hereditates villanorum. que prius censuabantur, sed pre memorie dominus Sdenko, cupiditate ductus pratorum et agrorum pro se et pro curia prefata a villanis exsolvit. Item omnes villani ibidem tenentur et obligati sunt ad angarias, seu robotas».

²²⁵ В переводе на обычные в этих монастырях меры измерения для барщинных работ 1920 снопов составляют приблизительно 38¹/₂ копен.

²²⁶ DR, VIII, 236.

²²⁷ DR, VIII, 288. В Мотоле имеется 3 дедины, платящие чинш, и все они платят по-разному, а именно — 80, 100 и 140 гр.

²²⁸ DR, VIII, 239.

чинш 160 гр. с лана ²²⁹, хотя случаи наиболее высоких чиншей приходится на села, барщинные повинности в которых не указаны. Все же общее стремление к увеличению феодальной ренты, проявляющееся к кануну гуситских войн, вряд ли можно оспаривать.

На правом берегу Влтавы наблюдается та же картина. Во всех Клуминских, Костелецких и Страговских селах (исключение составляет только Уездец) зарегистрирована барщина.

Как и в левобережных селах, основным видом барщинных повинностей здесь являются уборочные работы, измеряемые количеством дней (при этом часто не определяемые точно и ограниченные только потребностями барского хозяйства) и снопов. Так, в селе Бржистви крестьяне вместе с виканскими крестьянами должны убирать хлеб с трех господских полей и убирать сено ²³⁰. Четыре подсоседка в этом селе должны были работать на домене каждую неделю по одному дню ²³¹. 11 молотильщиков в селе Викан должны работать всегда, когда им будет приказано ²³². Крестьяне села Слатина обязаны были ставить по 20 копен, причем поземельная опись предусматривала, что если господских хлебов не хватит для выполнения всеми крестьянами установленной нормы, то за каждую невыполненную копну с крестьян взыскивается один грош ²³³. Кроме того, крестьяне должны также два дня работать на уборке яровых, чесать и стричь овец, убирать и перевозить на господский двор сено. С 3 «дедин» Хращицкие крестьяне Костелецкого панства обязаны были ставить по 40 копен с каждой «дедины», а с четвертой — 60 ²³⁴, Пржедицкие — по 20 копен, а крестьяне Крукс и Генрих — по 40 ²³⁵.

²²⁹ DR, VIII, 289 (в источнике указан чинш с квартала — 40 гр. Следовательно с лана, состоящего из 4 кварталов, чинш был бы равен 160 гр.).

²³⁰ «Item debent metere omnes annonas cum villa Wykan de tribus araturis et ad curiam ducere et fenum componere». (DR, VII 175).

²³¹ «Omni septimana tenetur laborare unum diem in curia» (DR, VII, 175).

²³² DR, VII, 179: «Item quando necesse fuerit, debent tritulare, quando ipsis mandatur».

²³³ DR, VII, 175: «Et si in dicta villa non habebunt quid metere, tunc pro quolibet capete 1 gr. solvat».

²³⁴ DR, VII, 182.

²³⁵ DR, VII, 183.

Подсоседок в селе Костелец каждую неделю работает один день, когда ему прикажут ²³⁶. Мало чем отличается барщина крестьян Страговских правобережных сел. Так, Хаберские крестьяне должны были выставлять по 20 копен, каждая из которых состояла из 50 снопов, один день убирать горох, косить господский луг и дважды в год мыть и стричь овец ²³⁷.

Натуральные и денежные платежи крестьян правобережных сел центра в основном не отличаются от соответствующих платежей крестьян левобережных сел. Известным отличием являются только натуралии Костелецких крестьян. Обычно натуральные платежи состоят из яиц и цыплят. Костелецкие крестьяне уплачивали особый сбор «за лес», состоявший из определенного количества овса и ржи.

Например, крестьяне села Славонов вносили 2 меры овса, Пржедицкие крестьяне — полмеры ржи и 2 меры овса, Забрановские — меру ржи и 3 меры овса и т. д.

Денежные платежи во всех рассмотренных селах достаточно высоки (учитывая величину барщины) и в большинстве случаев равняются или поднимаются выше 60 гр. Так, Клуминские крестьяне платили по 60 гр. (села Слатина, Бржистви, Весце), чинш Михельских крестьян составлял 80 гр., Мраченицких — 90 гр. ²³⁸, в Клумине и Уездце — 96 гр., в Викане, где к тому же отмечена очень высокая барщина, чинш равнялся 128 гр. ²³⁹. Примерно такова же высота чинша в Страговских селах: в Седлце — 60 гр., в Хабрах — 83 гр. с «дедины» ²⁴⁰. Хотя в Костелецких селах в отдельных случаях чинш опускается до 44 (село Забродье) и даже до 36 гр. (село Радванов), но, поскольку нам неизвестна точная величина облагаемых участков (в источнике они обозначаются *hereditates*, а дедина обычно менее лана), нельзя с уверенностью утверждать, что он тут ниже, чем в рассмотренных селах. С другой стороны, в селе Ицковице зарегистрированы

²³⁶ DR, VII, 180: «Omni septimana uno die laborat, quidquid mandatur».

²³⁷ DR, VII, 286.

²³⁸ DR, VII, 175—176, 179.

²³⁹ DR, VII, 177—178.

²⁴⁰ DR, VIII, 286—287.

платежи в 120 гр. с лана ²⁴¹. Это является подтверждением того, что платежи в этих селах достаточно высоки.

Из рассмотренного материала видно, что структура феодальной ренты во всех селах, расположенных вблизи Праги, в основном однородна. Вместе с тем она резко отличается от состава и характера крестьянских повинностей в южной Чехии. Это подтверждается и примерным расчетом стоимости составных частей феодальной ренты в центре, там, где такой расчет представляется возможным. Например, в селе Слатина, где стоимость одной копы приравнивается к одному грошу, наблюдается следующее соотношение между чиншем и барщиной. Крестьяне уплачивают со всего села 11 коп чинша, а стоимость одних только уборочных работ (кроме которых крестьяне должны были мыть и стричь овец и убирать сено) составляет 3 копы 7 гр., т. е. около 30% чинша. Подобное соотношение зарегистрировано в соседнем селе Весце, где сумма крестьянских чиншей составляет 16 коп, а уборочные повинности оценены в 5 коп. Еще более выразительно соотношение между главными видами феодальной ренты в селах Тржебиз (Тржебовице) и Велеславин, где чинши составляют соответственно 4 копы 16 гр. и 5 коп 14 гр., а стоимость уборочных работ может быть приравнена к 2 копам 12 гр. и 2 копам 51 гр. Вместе с тем в таких селах, как Иночаны и Рузен стоимость барщины превышает чинши, составляя в первом случае 6 коп 18 гр. против 6 коп и во втором 20 без малого коп против 18 коп 23 гр. чинша. Но встречаются и такие села, как, например, Либоч, в которых барщина является вообще единственным видом феодальной ренты, упоминаемой в источнике. Подобное соотношение между частями феодальной ренты наблюдается и в других селах изучаемого района, т. е. стоимость барщины колеблется от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ чинша, а иногда даже превышает ее. Напротив, случаи, когда для данного села отмечается лишь одна денежная рента, крайне немногочисленны и нетипичны в пределах территории, лежащей непосредственно вблизи Праги.

Таким образом, в результате проведенного выше анализа материала можно прийти к выводу о том, что осо-

²⁴¹ DR, VII, 183. В селе Ицковице некоторые крестьяне платят берну не 32 гр., как обычно, а в размере одной копы.

бенностью рентовой структуры во всех селах, расположенных вокруг Праги, является резкое увеличение удельного веса отработочной ренты. Тенденция к увеличению барщины, явственно проступающая еще при изучении Збраславских сел, становится уже вполне осязаемой по материалам Островского урбария. Наконец, данные первого десятилетия XV в. показывают, что во многих случаях отработочная рента начинает оспаривать у денежной ее господство. Рост денежной ренты, подмечаемый и вокруг Праги, не поспевает за увеличением барщины, часто определяемой уже не количеством дней в году, как это было на юге, а порой числом дней в неделю. Это увеличение барщины стоит в непосредственной связи с увеличением барской запашки и всего господского хозяйства в целом. С другой стороны, усиление барщинной эксплуатации резко ущемляло жизненные интересы крестьянства и тем самым стимулировало его революционную активность, превратившую окрестности Праги в важный по своему значению революционный очаг в стране.

Из сказанного видно, что особенности ренты в Жижелицких, Чешско-Бродских и Колинских селах позволяют объединить эти села в одну обширную группу с феодальными владениями, расположенными вокруг Праги, и противопоставить всю эту группу южным районам страны. Остается, однако, невыясненным, являются ли особенности ренты в центре страны отличительным признаком всей ее северной половины или объяснение им надо искать просто в близости такого городского центра, как Прага, которая, естественно, являлась крупным рынком для сельскохозяйственных продуктов. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо вовлечь в рамки настоящего исследования последние из еще нерассмотренных групп феодальных владений, где данные поземельных описей позволяют ознакомиться с характером и системой крестьянских повинностей.

6

К северу, северо-востоку и северо-западу от Праги на стыке Пражского, Жатецкого и Литомержицкого архидиаконатов, в бассейне реки Огрже, а также к востоку, по верхней Изере, в пределах Болеславского архидиаконата

находим значительную группу владений, по селам которых имеются данные о феодальной ренте.

Если не считать расположенных на значительном удалении от всех остальных Броумовских и Полицких сел Бржевновского монастыря, то весь материал укладывается в две территориальные группы — северо-западную и северо-восточную. К ним принадлежат сведения, распадающиеся на три части по времени, — наиболее ранними являются данные о ренте сел Роудницкого монастыря (1338 г.), за ними следуют Гельфенбургские и Роудницкие села архиепископства Пражского, а также небольшая группа Сланских сел Островского монастыря, т. е. описания, относящиеся к 1388—1390 гг. Последнюю группу образуют Страговские и Бржевновские владения в Раковницком и Литомержицком краях (1406—1410 гг.). Все эти панства располагались в бассейне Огрже и частично Лабы, а на расстоянии примерно 30—40 км к востоку начиналась северо-восточная группа, куда входили владения Градищенского монастыря (1410 г.) и Бехарско-Зерчицкие села архиепископства Пражского (1390 г.).

Наиболее раннюю группу северных сел, описанных в изучаемых источниках, составляли, как уже отмечалось выше, 30 сел Роудницкого монастыря, разбросанные довольно причудливыми группами вокруг монастыря, а также в Сланском, Литомержицком, Мельникском и Жатецком краях. Принадлежность всех упомянутых сел одному монастырю, одновременность соответствующих данных, а также их качественная однородность позволяют рассматривать все села как один комплекс феодальных владений. При этом, однако, необходимо указать, что поземельная опись Роудницкого монастыря принадлежит, как это было отмечено нами в специальной статье о чешских поземельных описях²⁴², к наименее характерным памятникам этого рода. Исследователь сталкивается при изучении ее с краткостью и неопределенностью выражений, а также с хаотическим расположением всего материала. Тем не менее, сопоставляя данные поземельной описи со свидетельствами помещенных там же грамот, можно все же попытаться наметить основные особенности состава и характера крестьянских повинностей во владениях Роудницкого

²⁴² «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XI, стр. 222—223.

монастыря. Это представляет тем больший интерес, что Роудницкий урбарий принадлежит к числу самых древних памятников этого рода, и привлечение его несколько раздвигает хронологические рамки исследования в целом. В урбарии Роудницкого монастыря упоминаются более 30 сел, однако только 30 из них относятся к интересующему нас в настоящее время району²⁴³. Из них в четырех селах (Обрдов, Бржези, Бабины, Глинна) источник указывает только общую сумму чинша, и лишь по 26 имеются более или менее определенные указания о величине и характере крестьянских повинностей. В 22 случаях при этом находим достаточно отчетливые указания на барщину. Главной и наиболее распространенной барщинной повинностью являются здесь, как и везде в пределах рассмотренного материала, уборочные работы (два, три, четыре или шесть дней), определяемые в некоторых случаях величиной урока. В селах Желевчице, Долина и Баков крестьяне ставят по 20 копен, в селе Водоход — по 16 и даже 32 копы. Кроме этого, в селе Либоржице упоминается пахота: с каждого лана крестьяне должны вспахивать здесь 2 югера господских полей; в селе Баков — по два дня убирать сено; все жители села Миков обязаны были сообща косить господский луг, при этом иногда при указании по уборке сена употребляется неопределенная формула «работать на сене» (село Погоржице). В селе Заборзье крестьяне должны работать на винограднике (*item in vinea laborare tenetur раурекус*); в селе Пальч Большой садовник обязан работать в барском огороде и хмельнике. В одном случае (село Либоржице) зарегистрирована извозная повинность; местные крестьяне, согласно описи, должны были производить две перевозки с поля на курию и, кроме того, три поездки «*ad placitum nostrum*».

Натуральные платежи в большинстве Роудницких сел состоят из кур и яиц, и удельный вес их в общей сумме феодальной ренты сравнительно незначителен. Так, либоржицкие крестьяне должны были давать ежегодно 4 курицы и 22 яйца с «земли», в Бакове Малом — 4 и 40, в Долине соответственно — 8 и 40 с большой, 30 яиц и 6 цыплят с малой «земли» и т. д. Кроме того, Либоржицкие крестьяне (этот случай единственный из числа зарегистри-

²⁴³ DR, II, 4—17.

стрированных в урбарии Роудницкого монастыря) сдавали ежегодно 8 стрихонов зерна (по 2 стрихона ржи, пшеницы, ячменя и овса).

В селе Долина крестьяне ежегодно вносили 3 квартала овса. В нескольких селах крестьяне платили «за ягнят» 2 (Буденице) или 3 гр. (село Долина). В селе Пальч Большой виноградарь обязан был обрабатывать виноградник за половину урожая ²⁴⁴.

Чинш крестьян Роудницкого монастыря весьма разнообразен. Наиболее часто встречается плата в 1 марку (64 гр.) с лана (села Желевчице, Долина, Бакөв, Ветла) и «земли» (села Пальч Большой, Врбичаны). Отмечаются также платежи в 48 гр. с «дедины» (села Заборзье, Миков), 50 гр. 3 геллера и 76 гр. 10 геллеров (село Водоход). Крестьяне села Буденице платят ежегодно чинши в 2 марки с «хорошей земли» (*bona terra*), в селе Ратшинавесь с 67 югеров «*unus homo*» платят 2 марки 14 гр.; однако и в первом и втором случаях платежи крестьян ограничиваются только уплатой денег — натуралии и барщина здесь отсутствуют. В ряде сел установление величины чинша, так же как и других платежей, невозможно, ибо, как уже указывалось выше, составитель описи ограничивался только суммарной чиншевой записью. Так, в селе Бржези указано, что крестьяне должны платить чинш в 5 марок без 20 гр. с 11 ланов, в селе Бабины — 4 марки без фертона с 14 ланов, в селе Глинна — 4 марки 14 гр. с 9 ланов и т. д.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что в северных селах Чехии во второй четверти XIV в., несмотря на общее господство денежных платежей крестьян, барщине принадлежит видное место, а натуральные платежи сравнительно незначительны.

Следующую по времени группу северных сел составляют 20 населенных пунктов Роудницкого дистрикта архиепископства Пражского. К северо-востоку от них на правом берегу Лабы находилось 11 сел архиепископства, расположенных недалеко от замка Гельфенбург ²⁴⁵. Особ-

²⁴⁴ DR, II, 5: «Item est ibi una vinea et pomerium, et viniter habet excolere eam per medium».

²⁴⁵ Эти села определены в источнике *ad castrum Helfenburg*. Их следует отличать от сел Гельфенбургских владений панов Рожмберка, расположенных в южной Чехии по реке Бланице.

няком располагались пять Сланских сел Островского монастыря и семь сел Зерчицко-Бехарского дистрикта.

В архиепископских Роудницких селах ²⁴⁶, к сожалению, также не всегда представляется возможным точно определить состав крестьянских повинностей. Однако во всех тех случаях, когда последние описаны сколько-нибудь подробно, мы находим среди них довольно высокие барщины. Состав их не отличается от обычного состава барщинных повинностей в этой части страны: в селах Бржица, Черноушек, Водоход, Робце крестьяне выставляют по 40 копен и работают на уборке господского хлеба по два дня в году, а также отбывают извозные повинности. В селах Черновесь, Гневице, Добружин количество копен уменьшается до 20. Кроме того, отмечаются уборка и перевозка сена (в селах Лунек, Страшков, Залужьи). Наконец, в селе Каловице к списку барщинных повинностей прибавляется уборка хмельника.

Натуральные взносы архиепископских крестьян ограничиваются курами и яйцами, которые поступают в нескольких случаях в виде чиншевых взносов и отдельно — в виде взносов, определяемых термином *honoroficiencia*. Упоминаются также денежные платы «вместо уток», «вместо ягнят», «вместо сыров».

Денежные платежи архиепископских крестьян в Роудницком дистрикте на первый взгляд кажутся очень небольшими, они нигде не поднимаются выше 1 марки, составляя во многих случаях 31—32 гр. (Гневице, Залужьи, Жидовице, Робце и др.) и даже опускаются в одном случае до 14 гр., но, поскольку нам неизвестна величина облагаемых участков (только в одном селе Омезин крестьянские держания определяются в ланах), не представляется возможным судить о величине чинша по сравнению с другими районами.

Значительно более подробными данными располагаем о феодальной ренте крестьян другого архиепископского владения — Гельфенбургского. Во всех 11 населенных пунктах этого владения барщина представлена многими разнообразными повинностями ²⁴⁷. Но основной вид барщины — уборочные работы — заменяется в восьми селах

²⁴⁶ DR, VI, 92—98.

²⁴⁷ DR, VI, 100—103.

платой, равной в большинстве случаев 4 гр. (Тугань, Каловице, Ближведлы и др.). Зато встречается ряд повинностей, связанных с огородным и луговым хозяйством: убирать репу, унаваживать огороды и возить на них навоз (село Држевчице), возводить изгородь вокруг господских огородов и лугов, снимать овощи, перевозить и перебирать овощи (села Ближведлы и Држевчице), обрабатывать огород и убирать луга (Ближведлы). В селе Држевчице упоминаются работы по уборке льна и конопли²⁴⁸. В целом ряде сел (Павлице, Страхалы, Мошнице, Губины и др.) крестьяне должны возить сено; извозные повинности в Гельфенбургских селах вообще довольно разнообразны: в Начковицах крестьяне обязаны возить жерди для хмельника, в Ближведлах — зерно и муку, пиво и воду. В шести селах крестьяне перевозят по три повозки дров (Тугань, Каловице, Губины, Робечь и др.). Приведенные материалы позволяют предположить, что в конкретных условиях Гельфенбургских сел центр тяжести архиепископского хозяйства лежал не в области разведения зерновых культур, но скорее в сфере разведения конопли, льна, огородничества и лугового хозяйства. Безусловно, в этом смысле следует истолковывать указания источника на огораживание лугов и огородов.

Относительно натуральных повинностей Гельфенбургских крестьян можно ограничиться лишь немногими замечаниями. Почти во всех селах упоминаются куры и яйца, входящие в состав обязательных натуральных повинностей и «подарков» господину; в Каловицах, Робече и Губинах встречаются также взносы ржи и овса по 3 стрихона того и другого с каждого лана.

Наконец, чинш в Гельфенбургских селах колеблется вокруг того же среднего уровня в 60—64 гр., который вообще типичен для данного района в XIV в.²⁴⁹

²⁴⁸ DR, VI, 101: «Item rapas debent pro castro fodere. Item fimare debent ortos et prata. Item olus debent succidere et comportare et ad dolia aptare et coquere. Item linum et canapum extirpare et colligare debent, quando seminantur in illis ortis».

²⁴⁹ Чинш в селе Начковице составляет 140 гр., но податной единицей является не лан, как во всех остальных Гельфенбургских селах, а «hereditas pop mensurata» (дедина неизмеренная), ввиду чего не представляется возможным судить о реальной высоте чинша в этом селе (DR, VI, 100).

Крестьянские повинности в семи Зерчицко-Бехарских селах ²⁵⁰ мало чем отличаются от рассмотренных повинностей в архиепископских владениях на севере Чехии. В селах Зерчице и Кобыльнице крестьяне должны ставить по 24 копны и убирать по одному дню овес. Копны и уборка в качестве барщинной повинности отмечаются также в селах Весце (20 копен), Бехары (четыре дня), Будчевесь (два дня). Крестьяне сдают в нескольких местах по 4—6 цыплят с лана, иногда — пшеницу и овес (Кобыльнице, Зерчице, Весце). В пяти случаях из семи чинш равен 64 гр., в одном — 59, в одном — 32.

На фоне всего рассмотренного материала несколько необычны чиншевые заметки о платежах крестьян пяти Сланских сел Островского монастыря (Либушин, Пхеры, Овны, Винаржице, Иемник) ²⁵¹. Во всех случаях перечислены имена держателей с указанием размеров их участков и величин причитающихся с них платежей, в конце подведена сумма полугодового или годового чинша. Поскольку при этом полностью отсутствуют какие-либо иные данные, можно предположить либо, что повинности крестьян в этих селах ограничивались одним чиншем, либо, что в соответствующих местах Островской описи имеются пропуски. Первое не представляется полностью исключенным, однако, сравнение с почти одновременными данными по соседним округам делает его маловозможным. Что касается второго, то оно представляется тем более вероятным, что в других местах Островской описи неоднократно встречаются случаи, когда подобные чиншевые заметки по другим селам сопровождаются развернутыми характеристиками, но попавшими на другое место рукописи ²⁵². Ввиду этого мы считаем возможным предположить, что подобные общие характеристики крестьянских повинностей пяти Сланских сел были утрачены до издания рукописи, а поэтому чиншевые заметки, взятые сами по себе, не могут привлекаться для исчерпывающей характеристики крестьянских повинностей в этом районе.

²⁵⁰ DR, VI, 98—100.

²⁵¹ DR, V, 70—71.

²⁵² Ср., например, заметки о селе Бояновичах (DR, V, 54 и 58); Братржинове (56 и 58); Бруншов и Градиштько (58 и 63); Петров (61 и 64); Крянны (57 и 62) и многие другие.

Для начала XV в. мы располагаем в изучаемом районе материалом по группе Страговских и Бржевновских сел, которые находились в непосредственной близости друг от друга и были разбросаны в бассейне нижнего течения реки Огрже между Лоунами и Литомержицами, а также по владениям Градищенского монастыря, раскинувшимися к северу от только что рассмотренных Бехарско-Зерчицких сел.

В пяти Бржевновских селах (Грдлы, Доланки, Бушовице, Травчице, Почаплы) имеется барщина²⁵³. Кроме уборочной работы («shop» или «саресиа» до 8 дней) упоминаются извозные повинности и в одном случае сенокос и обязанность мыть и стричь овец (село Грдлы). В качестве натуральных взносов здесь названы цыплята, утки, иногда яйца и сыр, в двух случаях козлята. Денежный чинш составляет здесь 48 (Грдлы), 36 (Доланки), 60 (Бушовице), 30 (Травчице) и 64 (Почаплы) грошей с лана. Для оценки этих данных необходимо вспомнить, что, как было отмечено выше, стоимость копны (саресиа) в Бржевновских селах приравнивалась к 1 гр. Ввиду этого в селах Доланки или Травчице стоимость одних только копен (40) превышает чинш.

В процессе рассмотрения крестьянских повинностей Страговских сел имеется возможность составить некоторое представление о движении феодальной ренты за 40—60 лет. Это связано с тем, что во многих селах поземельная опись содержит не только урбариальные заметки обычного характера, но и грамоты, подробно перечисляющие состав и характер крестьянских повинностей для более раннего времени. Рассмотрим в качестве образца материал по нескольким селам, где формулы грамот содержат наиболее полное перечисление крестьянских повинностей, и сравним полученный результат с данными собственно урбариальных заметок.

Уставная грамота села Патек датируется 1374 г. В селе в это время насчитывалось 18 вновь обмеренных полей по 72 югера в каждом. Держатели этих наделов уплачивали по 72 гр. чинша, сдавали по 6 стрихонов зерна (по 2 пшеницы, ржи и ячменя), по 1 кварталу конопли и обязаны были отвозить все это на барский двор. Кроме

²⁵³ DR, VII, 166—169.

этого, они должны были перевозить своими средствами по 10 стрихонов господского зерна и по возу сена. Уборочная повинность состояла в обязанности выставять по шесть косцов и, наконец, крестьяне уплачивали по 6 куриц и по 6 яиц. Все эти повинности мы находим и в 1410 г., правда, с характерными прибавлениями: например, десять стрихонов господского зерна «крестьяне» должны перевозить по приказу приказчика без всякого противоречия и на своих харчах; сдаваемые крестьянами зерновые продукты также должны быть теперь привезены на курию с припиской «quando ipsis mandatur et specialiter circa Nativitatem Christi»²⁵⁴. Кроме того, для всех крестьян этого села, вопреки торжественному обязательству эмфитевтической грамоты ни в коем случае не увеличивать крестьянских повинностей²⁵⁵, появилась новая обязанность убирать господский луг, и сверх того прибавился обширный список работ, которые должны были выполнять подсоседки. Здесь мы находим разнообразные и тяжелые барщины: пахать 10 полос овса, десять дней работать на уборке, три дня на мельнице, три дня на господском дворе, дважды в году мыть, стричь овец и, наконец, чесать коноплю всегда, «если будет работа». Если прибавить, что в общем описании села на первое место вынесено описание господского хозяйства, трудно отрешиться от впечатления, что центр тяжести господского хозяйства передвинулся с эксплуатации крестьян-чиншевиков на собственно господскую запашку, а главную рабочую силу на домене составляют подсоседки.

1374 годом датируются также эмфитевтические грамоты сел Радонице и Страдонице. Повинности, перечисленные здесь, полностью аналогичны повинностям крестьян села Патек. Единственным исключением является отсутствие у Страдоницких крестьян обязанности сдавать коноплю. В 1410 г. и в Страдоницах и в Радонице мы

²⁵⁴ DR, VIII, 252. «Item quilibet de laneo debet et tenetur ducere 10 strichones cuiuscumque grani seu farine ad monasterium ad mandatum procuratoris suis sumptibus et expensis».

²⁵⁵ DR, VIII, 255. «Promittimus autem tam apud nosquam apud posteros et successores nostros prefatos homines nostros vel eorum successores in nullis aliis contribucionibus, solucionibus et exactionibus oneribus et honoribus non molestare et aggravare nisi voluerint nos et successores nostros de mera eorum benivolencia et voluntate cum aliquo subsidio honorare».

находим расширение списка крестьянских повинностей, с одной стороны, а с другой стороны — свидетельство дробления и парцелляции крестьянских наделов. В селе Радонице появились держатели полуквартальных наделов, которые обязаны были косить господские луга; семь подсоседков этого села должны были работать на жатве девять дней и особо убирать овес, работать на плотине три дня и столько же в курии. Кроме того, все они должны были мыть и стричь овец дважды в году и убирать коноплю на курии. В селе Страдонице подсоседки в 1410 г. обязаны были работать на уборке хлеба шесть дней, особо работать на курии и три дня на мельничной плотине; подобно подсоседкам сел Патек и Радонице, Страдоницкие должны были дважды в году мыть и стричь овец и убирать коноплю²⁵⁶. Общее увеличение суммы феодальной ренты отмечается и в других населенных пунктах этой группы сел. Так, в селе Воленице чинш увеличился с 96 до 136 гр., а к числу барщинных повинностей прибавилась обязанность крестьян пасти овец по приказу управляющего и убирать коноплю²⁵⁷. В селе Врбна чинш крестьянина увеличился с 72 до 100 гр. и, кроме того, появилась новая повинность работать на мельничной плотине²⁵⁸. У крестьян села Перуц чинш увеличился вдвое — с 64 до 128 гр.²⁵⁹ Учитывая, что за это время цены возросли в этом районе в среднем на 25—30, максимум на 50%²⁶⁰, вполне убедительным становится предположение о повышении феодальной ренты; появляются достаточно веские основания для вывода об усилении феодальной эксплуатации и общем ухудшении положения крестьян в этом районе. Остальные Страговские села Патецкой группы описаны в источнике весьма суммарно; иногда соответствующие сведения вообще ограничиваются краткими чиншевыми записями, из которых затруднительно делать сколько-нибудь широкие выводы, так как в некоторых населенных пунктах монастырю принадлежали лишь небольшие клочки земли.

²⁵⁶ DR, VIII, 261, 266—267.

²⁵⁷ DR, VIII, 270. Ср. стр. 271.

²⁵⁸ DR, VIII, 272: «quocienscumque opus erit, prout incole villarum Patek, Radomicz et Stradomicz».

²⁵⁹ DR, VIII, 276.

²⁶⁰ F. G r a u s. Chudina městska..., str. 189—191.

В уцелевшей части Градищенского урбария сохранились описания крестьянских повинностей по 35 населенным пунктам. Переходя к рассмотрению крестьянских повинностей в этих селах, необходимо остановиться на одной особенности источника, которая отличает Градищенский урбарий от других подобных документов. В то время как в большинстве остальных поземельных описей мы находим перечисление норм обложения для данного села, и при описании повинностей каждого конкретного хозяйства эти нормы соблюдаются довольно точно, в Градищенском урбарии вовсе отсутствуют общие перечисления норм обложения, а конкретные заметки о повинностях крестьян отличаются во многих селах чрезвычайной пестротой и зачастую полным отсутствием прямого соотношения между величиной держания и размерами повинностей. Так, в селе Гневоусице с полноланового участка полагается 12, а с полуланового — 10 дней уборки; в селе Верхнее Качье одни крестьяне платят с лана 60 гр., другие с квартала 42 гр., третьи 60 гр., но уже с половины лана и т. д. Количество примеров такого рода можно было бы увеличить во много раз (ср., например, села Днебог, Подольи, Добра Вода, Ивина и др.). Вместе с тем в поземельной описи встречается особая группа крестьян с привилегиями, платящих намного меньше остальных²⁶¹.

Список барщинных повинностей Градищенских крестьян достаточно разнообразен и обширен. Только в двух случаях из 35 (селах Хлумек и Вышков) отсутствует барщина, и в двух селах (Козмице и Мужский) она заменена деньгами. Наиболее часто встречаются уборочные работы, учитываемые обычно в днях; в селе Втелен крестьяне обязаны были выставить 30 копен хлеба. Следует отметить, что число барщинных дней неодинаково в различных селах (14 дней — село Подольи, Качье Верхнее, 13 дней — Вапно, Стражище, Невекловице и т. д.). Самая высокая барщина засвидетельствована в селе Днебог, где крестьянин Гирзик отбывал с 2½ кварталов 22 дня одних только уборочных работ. Сравнительно редко барщина снижается до недели и меньше (Немысловице — 4 дня, Могельнице — 2 дня). Сильные колебания

²⁶¹ УН, str. 3, № XXXVIII, XXXIX; str. 4, № XLV; str. 19, № LXVI; str. 2, № XXXVII и др.

барщины заметны и внутри отдельных сел. Так, в селе Подольи крестьяне Ян Псык и Ян Гомул несут различные повинности, хотя размер держания полевой земли обоих составляет один лан ²⁶².

Во многих случаях крестьяне отбывают барщину непропорционально величине занимаемого участка. В селе Добрая Вода и с дедины и с половины ее отбывается одинаковая барщина — семь дней уборочных работ, перевозка сена с луга, мытье овец, уборка полосы конопли, полосы репы, прополка проса, возка бревен на мельничную плотину. В селе Льготице крестьяне с трехквартального надела должны были отработать семь дней по уборке хлеба, работать на лугах, привезти воз сена, мыть и чесать овец, убирать полосу конопли, выкапывать полосу репы, полоть полосу мака, а также пахать трижды по 24 полосы. С квартального надела против ожидания нормы повинностей уменьшаются только вдвое, а не втрое ²⁶³. Еще более непропорционально тяжелым является обложение подсоседков. В селе Бусов они должны работать один день в неделю на барщине ²⁶⁴. В целом ряде сел засвидетельствована и другая тяжелая барщина — пахотная повинность, обычно формулируемая как обязанность трижды пахать по 16 (села Боровице, Мукаржов, Гошковице, Подольи и т. д.) и 24 полосы (село Льготицы). Имеются и сенокосные повинности и связанная с ними перевозка сена (село Втелен, Боровице, Стражице и многие другие). Особенное внимание привлекает обязанность крестьян работать на господском хмельнике по одному и два дня (села Мукаржов, Могельнице, Невекловице, Буковина и другие — всего девять сел) и заготавливать для хмельника колья ²⁶⁵, а также на коноплянике (села Добра Вода, Льговице, Боровице, Ивина) ²⁶⁶. Показательно, что в большинстве случаев обязанность пасти и стричь овец принадлежит к числу ненормированных и, следовательно, самых тяжелых барщин ²⁶⁷.

Кроме извозных повинностей, связанных с луговым

²⁶² УН, str. 2, № XXXVII.

²⁶³ УН, str. 4—5, № XLII.

²⁶⁴ УН, str. 22, б/н.

²⁶⁵ УН, str. 8, 9, 10, № XLVII, XLIII, XLIX.

²⁶⁶ УН, str. 4, 4—5, 5, 7—8, № XL, XLII, б/н.

²⁶⁷ УН, str. 2, № XXXVI.

хозяйством, засвидетельствована и обязанность возить лес и т. д. Особым видом барщины является в Градищенских селах обязанность крестьян обеспечивать бесперебойную доставку воды в монастырь по водопроводу, указанная в восьми селах (Мукаржов, Стражище, Козмице, Главице и т. д.)²⁶⁸. Труднее определить характер и значение того вида барщины, который в нашем источнике носит название «ропозпеһо». В селе Бусов эта повинность состояла в том, что крестьяне в течение одного дня должны были оказывать «помощь» в работе на господском хозяйстве в зависимости от потребностей последнего²⁶⁹.

Среди натуральных повинностей крестьян Градищенского монастыря чаще всего встречаются цыплята и яйца. Число первых колеблется около 4, яиц — 20 или 40, редко 60. Кроме того, в 12 селах крестьяне дают по курице. Далее, в четырех селах (Рыбитве, Верхняя Крупа, Пржеставалки и Немысловице) крестьяне сдают рожь, ячмень, овес, пшеницу, горох. Взносы зерном обычно невелики (1—1½ меры каждого продукта), но в последнем селе, напротив, весьма велики. Немысловичские крестьяне уплачивают с участка в 1 лан по 10 мер ржи и пшеницы, 1 меру гороха²⁷⁰. Следует при этом подчеркнуть, что это село является единственным среди всего привлеченного в настоящей работе материала (959 сел), где отсутствует чинш. Вполне вероятно, что в этом случае, который может быть признан исключением, высокие натуральные платежи заменяют денежные взносы, ставшие правилом во всех остальных селах.

Кроме перечисленных натуральных повинностей крестьяне Градищенских сел уплачивают еще два специальных натуральных побора в пользу господина, о которых отсутствуют упоминания в других источниках. Это так называемые *plaske* и *orgawne*, состоящие каждое из одной меры овса и цыпленка. *Plaske* засвидетельствовано в Льготицах, Боровицах, Ивине, Мукаржове и других, всего в 19 селах, *orgawne* — в Олшине, Главицах, Вапнах и других, всего в семи селах. Природа этих налогов выяснена А. Н. Ясинским, который считал их сбором за право пастьбы скота.

²⁶⁸ УН, стр. 8, № XLVIII; стр. 10—11; № LII; стр. 11, № LIII.

²⁶⁹ УН, стр. 22, б/н.

²⁷⁰ УН, стр. 21, № LXXVII.

Денежные платежи в Градищенских селах очень разнообразны, но изучение их реальной величины затруднено, ввиду того, что в подавляющем большинстве сел, с одной стороны, неизвестна величина облагаемых участков, а с другой, даже там, где она известна, чинши сплошь и рядом не находятся в прямой зависимости от величины крестьянского надела. Кроме того, весьма разнообразны земельные меры и соответствующая терминология источника. В селах Градищенского монастыря довольно часто встречаются ланы, дедины, загоны, виргаты и кварталы, причем нигде не указаны размеры этих единиц в югерах. В связи с этим сравнение одних только чиншевых сумм не может дать в данном случае сколько-нибудь ценных выводов. Но характер источника таков, что во многих местах он дает возможность сравнивать величину суммы денежных поступлений с целого села с количеством барщинных дней и натуральных взносов; зная стоимость основного вида барщины — уборочных работ и главных видов натуральных платежей, можно до известной степени наметить соотношение между различными видами феодальной ренты в некоторых селах. При этом надо иметь в виду, что весьма значительная часть барщинных работ определяется в источнике в самой общей форме и не может быть даже приблизительно выражена в деньгах, хотя бы уже потому, что остаются неизвестными продолжительность и объем таких работ, как мытье и стрижка овец, заготовка кольев для господского хмельника, ремонт водопровода и т. д. Однако и соотношение между чиншем и стоимостью уборочных работ там, где оно дано в источнике, является довольно показательным и свидетельствует о весьма значительном удельном весе барщины в системе крестьянских повинностей и платежей. Так, в селе Вапно чинш составляет 5 коп 42 гр., а стоимость уборочных работ, считая по грошу за рабочий день, равна 2 копам 8 гр.²⁷¹ В селе Невекловице сумма чинша, — 6 коп 24 гр., а стоимость уборки — 2 копы 22 гр.²⁷², в селе Ивина соответственно — 7 коп 29 гр. и 1 копа 47 гр.²⁷³, в селе Главице — 3 копы 17 гр.

²⁷¹ УН, str. 14, б/н.

²⁷² УН, str. 10, № L.

²⁷³ УН, str. 7—8, б/н.

и 1 копа 11 гр.²⁷⁴, в селе Мукаржов — 2 копы 35 гр. и 43½ гр.²⁷⁵, в селе Боровицах — 5 коп 56 гр. и 1 копа 28 гр.²⁷⁶ И в других селах мы находим соотношения, близкие к приведенным. Из этого видно, что одна только уборочная повинность составляет от 20 до 40% величины чинша. Но во всех этих случаях действительная величина всей суммы отработочных повинностей значительно выше, так как буквально в любом из приведенных случаев можно было бы назвать еще целый ряд неоцененных барщин, величина которых достаточно высока, но все они остались в наших подсчетах неучтенными. Например, в селе Ивина кроме чинша в 7 коп 29 гр. и 107 дней уборки крестьяне должны были выполнять еще ряд повинностей и барщинных работ, которые не могут быть определены денежной суммой²⁷⁷.

Столь же разнообразен итоговый перечень повинностей сел Боровице, Невекловице и др.

Аналогичную картину крестьянских повинностей наблюдаем и в крайнем северо-восточном углу Чехии, расположенном далеко в стороне от рассмотренных выше вотчин. В 24 селах Полицкого панства Бржевновского монастыря²⁷⁸ можно было бы отметить разве только несколько более слабо развитую барщину, чем в Градищенских вотчинах. Но и здесь крестьяне должны убирать и складывать сено, отбывать два дня уборочных работ, называемые здесь особым термином («*que jezrub dicuntur*»), обязаны возить жернова, строительные материалы, выходить на охоту («*quociens ipsis mandatur*»), возить дрова к монастырю и т. д. Кроме того, крестьяне должны с каждого лана трижды пахать по 24 полосы. Перечисленные повинности относятся к крестьянам, имеющим лошадей, а безлошадные взамен извоза должны были выполнять работы в господском хозяйстве. От барщины освобождаются лишь крестьяне сел Маршов и Ляхов, о которых сказано, что они освобождаются от уборки и от

²⁷⁴ УН, str. 14, № LVII.

²⁷⁵ УН, str. 8, № XLVIII.

²⁷⁶ УН, str. 6.

²⁷⁷ УН, str. 8. Здесь отмечаются такие повинности, как кошение и перевозка сена, уход за овцами, работа на конопле и др.

²⁷⁸ DR, VII, 199—207.

прочих работ («de messe et aliis robotis sunt liberi») ²⁷⁹. Зато более высокую барщину, чем крестьяне окрестных сел, отбывают жители Полицы, к списку барщинных повинностей которых прибавляется обязанность убирать коноплю («сапарит extrahere»), ремонтировать мосты («pontus emendare»), возить камни для обжига извести и т. д. ²⁸⁰ Натуральные платежи полицких крестьян определяются в источнике дважды: в первый раз в общем списке крестьянских повинностей, предпосланном описанию отдельных сел (4 курицы, 12 яиц, 1½ меры зерна) ²⁸¹ и вторично для каждого села в отдельности; здесь натуральные повинности заметно повышаются лишь для крестьян сел Маршов и Ляхов, где с каждого лана они составляют по 2 меры пшеницы, ржи и овса. Чинш примерно для половины сел низок (в семи селах по 20 гр., в двух — 24 и в трех — даже 16 гр. с лана); в остальных случаях он колеблется от 32 до 90 гр. В селах Сухдол и Бела барщина заменяется деньгами (16 гр. с лана) ²⁸².

По-иному выглядят крестьянские повинности в соседних с Полицкими 14 селах Броумовского панства того же монастыря ²⁸³. Обязанности крестьян ограничиваются здесь уплатой чинша, впрочем довольно высокого и всегда одинакового (64 гр. с лана), а также небольшими натуральными. Барщина отсутствует вовсе. Однако это отличие в рентовой структуре находит себе естественное объяснение, если приглядеться к другим особенностям описанных сел. Как это видно из названий сел (Руперсдорф, Фойтсдорф, Дитрспак) и имен держателей (Йоганн Пульманн, Николай Лон) ²⁸⁴, Броумовские села были заселены немецкими колонистами, получавшими при переселении ряд льгот, в том числе и освобождение от барщинных работ.

Подводя итоги рассмотрению крестьянских повинностей в селах северной Чехии, устанавливаем, что здесь барщина носила иной характер, чем на юге, и примерно соответствовала тому, что наблюдалось вокруг Праги. Коммутация барщины представляется редким исключени-

²⁷⁹ DR, VII, 200, 201.

²⁸⁰ DR, VII, 199—200.

²⁸¹ DR, VII, 200.

²⁸² DR, VII, 203, 204—205.

²⁸³ DR, VII, 189—199.

²⁸⁴ DR, VII, 197, 196, 195.

ем. Вместе с тем отработочные повинности крестьян увеличиваются в числе и возрастают почти по всем статьям. Барщина переживает и качественные изменения, что находит свое выражение в появлении и укреплении к началу XV в. ряда формул неопределенной барщины, барщины по воле господина, направленной на всестороннее обслуживание растущего, усложняющегося и укрепляющего свои связи с рынком господского хозяйства. Об изменении структуры барского хозяйства свидетельствует появление таких повинностей, как работа на господском коноплянике и хмельнике, многочисленные работы, связанные с господским лугом, и, наконец, обязанность мыть и стричь овец, распространяющаяся на крестьян целых феодальных владений. Хотя перечисленные повинности сами по себе не являются новостью, но в ряде случаев источники позволяют установить первое появление перечисленных барщин в данном селе именно на рубеже XIV—XV вв. Резкое возрастание барщины не сопровождается уменьшением чинша, напротив, последний во многих случаях в свою очередь значительно повышается. Следует подчеркнуть, что в пределах изучаемого времени отмеченные изменения рентовой структуры по сравнению с югом не только не ослабевают, но по мере приближения к Крестьянской войне становятся все более явственными. Что касается натуральных платежей, то, хотя по сравнению с югом здесь наблюдается некоторое расширение натуральных взносов, все же удельный их вес в общей массе феодальной ренты остается невысоким.

Рассмотрение материалов о рентовой структуре центральной и северной Чехии приводит нас, таким образом, к выводу о том, что крестьянские повинности в районе Праги и к северу от нее не только сходны между собой и отличны по своему составу и характеру от того, что было выше установлено для юга, но и развиваются по иному пути. Высокий удельный вес барщины в составе крестьянских повинностей наблюдается в окрестностях Праги и в Роудницком крае уже в конце первой половины XIV в., и с течением времени роль отработочной ренты не только не уменьшается, но, как показывают материалы по Островскому и особенно по Страговскому, Бржегновскому и Градищенскому монастырям, возрастает. К началу XV в. барщина во многих вотчинах начинает превращаться хотя

и не в количественно преобладающий, но во всяком случае в ведущий вид феодальной ренты; можно даже сказать, что она оспаривает (в некоторых районах) у денежной ренты ее абсолютное господство. Это вытекает не только из того, что отработочные повинности колеблются для подавляющего большинства населенных пунктов от 30 и до 50% всей суммы чинша, но также и из наблюдений над темпами роста отдельных видов ренты. Если чинш вырастает, как было показано за это время, на треть или на половину своего первоначального размера, то барщина увеличивается в полтора, в два раза, а во многих случаях появляется вообще заново. При этом можно говорить и о качественном изменении первоначальной отработочной ренты. Список барщины все время растет и усложняется, уточняется не только продолжительность, но и количество и качество произведенной работы. Это ярко проявляется в широком распространении системы урочных барщин, определяемых не простым указанием видов работы и продолжительностью каждого из них, но точным нормированием самих производственных операций и столь же точным учетом результатов крестьянского труда, примеры чего были частично приведены выше.

Для определения смысла и характера отмеченного в источниках увеличения отработочной ренты необходимо поставить его в тесную связь со специфическими чертами вотчинного хозяйства в XIV—XV вв. в центре и на севере Чехии. Возрастание и разнообразие барщин неразрывно связано здесь с увеличением домена, с усложнением всего господского хозяйства, вынужденного приспособляться прежде всего к потребностям Пражского рынка. В самом деле, если южночешская вотчина развивалась в этих условиях в сторону ослабления отработочной ренты и одностороннего увеличения ренты денежной, то на севере наступление чинша и его неуклонный рост, идущий одновременно с усилением барщины, позволяют заключить, что здесь перед нами своеобразный ответ феодальной вотчины на развитие в экономике страны товарного производства, существующего в условиях феодальной формации. Если чешская вотчина на юге страны развивалась в этих условиях в сторону ослабления отработочной ренты и одностороннего увеличения денежной, то на севере — в сторону усиления отработочной ренты и барщины.

Укрепление последней резко сказалось на положении крестьян, наложив неизгладимый отпечаток на всю жизнь феодально зависимой деревни. Задавленное непосильной барщиной и в то же время до крайности стесненное со всех сторон феодальными рогатками, крестьянство центральной Чехии не могло сыграть той роли, которая выпала на долю южночешских крестьян. Здесь, как известно, началась Великая крестьянская война, но не крестьяне центра, а пражский плебс оказался более способным к длительной борьбе, и не Пражский сельский район, а Табор дал революционному движению не только имя, но и революционную программу и руководителей. Наконец, на севере, где крестьянство находилось в более тяжелом положении и было разобщено и оттеснено даже от ближайшего городского рынка посредствующей ролью вотчины, оно далеко не всегда оказывалось способным подняться до тех форм организованности, которые мы встречаем в центре, не говоря уже о Таворе.

* * *

Рассмотренные в настоящей главе платежи и повинности чешского крестьянства далеко не исчерпывают собой всей суммы феодальной ренты, которую оно уплачивало сеньору, церкви и государству. Но возможен ли вообще сколько-нибудь полный учет всей суммы ренты на основе поземельных описей, и если возможен, то изменятся ли в связи с этим общие выводы из всего изученного материала? К сожалению, уже по первой части поставленного вопроса не легко прийти к твердому заключению. Составители урбариев архиепископства Пражского, панов из Рожмберка и крупных монастырей интересуются прежде всего той частью феодальной ренты, которую составляли платежи и повинности, взимаемые сеньором в качестве землевладельца, и приводят список всех крестьянских рент в таком виде, что многие и достаточно крупные платежи крестьян невольно исчезают из поля зрения исследователя. Поземельные описи обычно твердо фиксируют чинш, отработочные повинности и регулярные виды натуральных взносов. Все остальное частью упоминается только изредка, более или менее случайно, частью вовсе не находит себе места в этих документах. Так, систематически опуска-

ются все указания на мелкие обычные платежи, взносы и «помочи» крестьян, которые, однако, во всей своей совокупности составляли немалую часть феодальной ренты. Никогда не указываются, что, впрочем, вполне объяснимо, такие поступления, которые обыкновенно характеризуются термином «случайных»: посмертный побор, плата за наследство, свободный сбор и т. п. Весьма редки упоминания о баналитетах, о судебных штрафах, даже о таких платежах, как всякого рода «honogoficiencia». Таким образом, определение полной суммы феодальной ренты сопряжено с немалыми затруднениями. Только соединяя многие случайные упоминания и попутные замечания источников в одно целое, можно попытаться определить, хотя бы приблизительно, эту сумму. Но при этом было бы невозможно дать развернутую картину соответствующих повинностей в локальном и в хронологическом разрезах, а речь может идти лишь о констатации наличия и определении характера отдельных налогов, барщин и натуральных взносов.

Кроме чинша, барщины и регулярных натуральных взносов поземельные описи чаще всего упоминают о берне, которая представляла собой государственный поземельный налог, взимавшийся нерегулярно²⁸⁵. В поземельных описях упоминаются различные виды берны. Чаще всего засвидетельствована генеральная берна (*berna generalis*), которую держатели земельных участков уплачивали в большинстве случаев в размере 32 гр. с лана. Монастыри были обложены сверх того еще одним видом берны (*berna regalis*), которая всей своей тяжестью ложилась на плечи все того же крестьянства. Наши представления о практике сбора берны расширяются благодаря привлечению двух специально посвященных ей документов. Оба они относятся к 1379 г. и представляют собой берновый регистр по нескольким архиепископским дистриктам и отдельно по Пльзеньскому краю²⁸⁶. Сопоставление этих документов с данными о берне, приводимыми в урбариях, показывает, что она взималась во всех частях страны в одинаковом размере и на равных основа-

²⁸⁵ О сборе берны в Чехии накануне гуситских войн см. обстоятельную статью К. Крофты (см. K. Krofta, *Začátky české berně*, С. С. А., XXXVI, 1930).

²⁸⁶ См. УЗИС, XI, стр. 232

ниях²⁸⁷. Кроме того, в документах находим указания и на другую берну, взимаемую по специальному распоряжению Королевской канцелярии²⁸⁸.

В документах встречаются еще упоминания о различных дополнительных сборах — «contributio», «steura». Эти сборы иногда прямо заменяются прямым обложением²⁸⁹. Здесь перед нами уже несомненно случай присвоения сеньорами общегосударственного налога и превращения его в один из видов внутривотчинного обложения крестьянства. Впрочем, в ряде случаев и генеральная берна поступает в казну сеньора. Так, еще А. Н. Ясинский показал, что во владениях Градищенского монастыря берна от части крестьян поступала непосредственно в распоряжение монастырской администрации.

Вместе с берной обычно взимался особый налог, который поступал в пользу сборщиков последней («pro delencialibus», «smazne») и равнялся 1 гр. Практика взимания берны предоставляла феодалам и их агентам широкие возможности для дополнительного ограбления и притеснения крестьян. О характере всякого рода вымогательств, сопровождавших сбор берны, красочно рассказывает Штитный²⁹⁰.

Кроме того, постоянным общегосударственным налогом, во многих местах также узурпированным феодалами, являлся подымный сбор (fumales). Этот налог распределялся вне всякого соответствия с имущественным положением облагаемых крестьян «с каждого очага» (de quolibet foco) по одному, иногда по половине гроша²⁹¹.

Все перечисленные налоги поступали, как правило, в денежной форме. То же можно сказать и о широко применявшейся в этот период сеньорами практике вымогательства у крестьян под различными предлогами всевозможных единовременных взносов — «помочей». Наиболее

²⁸⁷ Ср., например, материалы из Роудницкого (стр. 17), Хотешовского (стр. 33, 34), Островского (56, 58, 67, 89), архиепископского (95—150) урбариев, Бржезновской (162, 182, 188, 191—198) и Страговской поземельных описей (233, 235, 239 и др.).

²⁸⁸ DR, VIII, 268; ср. 263 и др.

²⁸⁹ DR, VIII, 250: «Preterea dicti nostri homines, heredes et eorum successores liberi erunt ab omnibus exactionibus particularibus sive steuris, pro quibus solvent nobis singulis annis tres grossos de laneo».

²⁹⁰ J. Macek. Tabor..., str. 126.

²⁹¹ DR, I, 26, 27, 30—32, 34, 35, 38, 39 и мн. др.

ярким примером такого рода является установленная в Жижелицком панстве Рожмберков специальная подать в помощь господину, отправляющемуся за границу («quando dominus extra terram ad expeditionem iturus est per 4 grossos»). Подобный налог упоминается также в Рожмитальском дистрикте Пражского архиепископства и во владениях Роудницкого монастыря. От этого вида «помочей» надо отличать зарегистрированную во владениях Градищенского монастыря особую повинность — «ротоzne», заключающуюся в одном дополнительном дне барщины по усмотрению господина.

Особую группу дополнительных поборов, весьма недостаточно и неопределенно упоминаемых поземельными описями, представляют такие платежи, как «plaske» и «оргавне» во владениях Градищенского монастыря (см. выше), а также сборы «pro equis» в Полицком панстве и «pro silva», встречающийся во многих местах. Все они имеют то общее, что взимаются феодалом за пользование лугами, лесами и угодьями, чаще всего пастбищными. Природа двух первых установлена А. Н. Ясинским, который показал, что они представляют собой плату за выпас крупного рогатого скота и овец. Что касается «лошадного сбора», то он уплачивался не только курами и овсом, как предшествующие, но и деньгами ²⁹².

К перечисленным повинностям близки по своему характеру различного рода баналитеты, проявляющиеся чаще всего в обязанности молотить зерно на господской мельнице или уплачивать особый денежный сбор. Сюда же следует отнести и обязательную покупку пива в господской корчме, пользование господским рыбником, право ловли рыбы на водоемах, принадлежавших господину, и т. п.

Обширный список личных повинностей и «случайных» поборов открывается взносами так называемых «почетных» подношений (honor, honorantia, honoroficientia, rosta). В большинстве случаев они вносятся курами, иногда яйцами, в редких случаях и деньгами ²⁹³. Тяжесть этого побора состояла не столько в размерах, сколько в

²⁹² DR, VII, 201.

²⁹³ Особняком стоит «honoroficientia» в Тын Бехинском дистрикте, где «Item sunt honorancie circa natale Christi medium pecus et unum porcum interfectum dant burgravio». DR, VI, 142.

самой его природе, так как уплата господину даже небольшого взноса означала признание незыблемых прав феодала по отношению к его подданным.

Личные права господина проявлялись не только в получении сравнительно небольших регулярных поборов с подвластных ему крестьян, но и в особых правах на их имущество. Эти права реализовались при всякой перемене в положении крестьянина, при переходе крестьянского имущества из одних рук в другие, а также в случае смерти держателя. Характер исследуемого источника не позволяет надеяться найти сколько-нибудь подробные известия о размерах и практике взимания этих платежей²⁹⁴. Действительно, «о праве мертвой руки» находим лишь случайное упоминание в архиепископском урбарии и в некоторых грамотах, приложенных к поземельной описи Островского монастыря²⁹⁵. Из прихода-расходной ведомости бургграфа Новоградского панства узнаем, что поступления по «праву мертвой руки» занимают определенное место среди «прочих доходов» (*percepta diversa*). Зато в грамотах засвидетельствована неоднократно плата за допуск. Что касается таких платежей, как «свадебный побор» и т. п., то о них в наших источниках сведений не имеется.

На грани между личными поборами и торговыми пошлинами находятся платежи *«przycemne»* и *«wzdaczie»*, особенно часто встречающиеся во владениях Страговского монастыря. Эти поборы удерживались со всех приезжающих и выезжающих из пределов данной вотчины крестьян. Само собой разумеется, что уплата этих взносов не освобождала от пошлин в обычном смысле этого слова; последние взимались буквально со всех видов товаров и строго регламентировались. Примером такого рода может служить то место Рожмберкского урбария, где говорится о торговых сборах со всех приезжающих с товарами через Буковскую заставу²⁹⁶. При этом берется

²⁹⁴ Например, при описании села Мниховне «Item devoluciones pinescius, qui a domino mittitur, tollit»; также при описании села Хлум: «Item devoluciones dominus tollit», DR, VI, 111.

²⁹⁵ См. дипломатарий Островского монастыря, где неоднократно упоминается, что имущество сирот, умерших прежде достижения совершеннолетия, переходит к господину. DR, V, 74.

²⁹⁶ DR, VIII, 252, Ср. 242, 259—260, 266—268, 272.

плата с каждой повозки, с бочки вина (2 денария), с мешка хмеля (2 денария), с каждого быка, свиньи, а также при провозе ремесленных изделий, кос, мечей, сошников и т. п.²⁹⁷ Кроме провозных пошлин крестьяне уплачивали еще и собственно торговые сборы: так, в селе Тржесовице упоминается обязанность всех продающих и покупающих уплачивать сбор по 2 гр. с каждой копы²⁹⁸.

Отдельную и притом немаловажную графу феодальных доходов и соответственно обложения крестьян составляли судебные штрафы и платежи, связанные с содержанием органов феодальной юстиции. Во многих случаях составители архиепископского урбария при описании населенных пунктов отмечают, кому принадлежит право получения судебных штрафов — бургграфу, рихтарю, камерарию или субкамерарию²⁹⁹. Иногда штрафы за различные преступления распределяются в одном населенном пункте между различными лицами, причем всегда указывается доля дохода каждого³⁰⁰. Бывают случаи, когда судебные штрафы упоминаются среди прочих доходов³⁰¹. Во многих населенных пунктах засвидетельствованы также специальные денежные сборы на содержание судебного аппарата (*judicialia*, *expensae judiciaria*), принимающие иногда форму натуральных платежей на содержание судьи, приезжающего в данный населенный пункт для отправления своих функций³⁰². Сюда же относятся и многочисленные в архиепископских владениях сборы на содержание палачей³⁰³.

²⁹⁷ RR, str. 41, № 360.

²⁹⁸ Кроме того, нужно отметить особый сбор при продаже домов: «quando domus venduntur, quod wlgariter nominatur wzdawne, 1 gr. (DR, VI, 110); во владениях архиепископства засвидетельствован особый торговый сбор «trzne».

²⁹⁹ Так, например, в Штепанове, Хлуме, Льготе, Крживсоудове, Лзине и других населенных пунктах «culrae recipit» (DR, VI, 110—112, 134—137, 146—147). В некоторых случаях штрафы получает рихтарь, за исключением тех, которые должны поступать камерарию или субкамерарию (DR, VI, 123, 125).

³⁰⁰ DR, VI, 124, 125.

³⁰¹ «Item est iudicium quod solvit de theoloneo culpis pistoribus et carnificibus sexag. annuatim. DR, VI, 101—103; VII, 175, 191, 199—201, 206, 209 и др.

³⁰² DR, VII, 191—194.

³⁰³ DR, VI, 114—117, 120, 121, 123, 125—127, 129 и др.

Перечисленные платежи и поборы в свою очередь не исчерпывают списка крестьянских повинностей. Сюда, например, не вошли все специально церковные доходы, начиная с десятины и кончая многочисленными платами за различные требы. Десятина взималась обыкновенно натурой. В одной из поземельных описей об этом имеется прямое упоминание: в урбарии Погледского монастыря перечислены зерновые, поступавшие в качестве десятины с крестьян десяти сел, причем указаны имена последних и количество поступавшего от них зерна. Насколько можно судить, десятина часто уплачивалась натурой и в начале XV в. Как широко вошла в быт чешской церкви денежная уплата за молебны, панихиды и пр. «духовные» услуги, на основаниях поземельных описей судить не представляется возможным, но счета Тржебоньского монастыря показывают, что денежные поступления за требы («офегу») могли составлять одну из главных статей духовных феодалов (на 60 коп чинша эти доходы превышали 27 коп) ³⁰⁴.

Хотя все перечисленные платежи и повышали намного общую сумму феодальной ренты, можно полагать, что они не изменяли существенным образом ее структуру. Кроме церковной десятины (которая, к тому же, во многих местах уплачивалась деньгами), только «*plaske*», «*prawne*» и некоторые другие второстепенные поборы взимались натурой. Берна, подымное, «помочи», плата за допуск, многочисленные судебные штрафы, торговые пошлины и т. д. взимались деньгами. Роль барщины во всех перечисленных дополнительных повинностях крайне невелика. Таким образом, говоря о структуре всей феодальной ренты в целом, следовало бы несколько увеличить в ее составе удельный вес натуральной и значительно поднять, быть может даже удвоить, процент денежных платежей. Ввиду этого установленная в предыдущем изложении картина преобладания денежной ренты во всей системе крестьянских повинностей, как на севере, так и на юге страны становится еще более очевидной и убедительной.

³⁰⁴ UT, str. 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу XV в. Чехия была одной из наиболее развитых стран феодальной Европы. Значительного подъема в этот период достигает чешское ремесло и торговля. Все больше расширяется рынок для сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим крестьянское хозяйство и вотчина феодала быстро втягивались в рыночные связи и все больше возрастала товарность. Этим объясняются те серьезные сдвиги, которые переживает в это время феодальная вотчина. Рост производительных сил в сельском хозяйстве в этот период находит свое выражение как в увеличении общего количества продукции, так особенно и в расширении целого ряда отраслей сельского хозяйства, тесно связанных с рынком. Наблюдение над характером крестьянских повинностей позволяет в целом ряде случаев предположить появление новых для данной вотчины посевов конопли, льна, расширение овцеводства. В то же время источники свидетельствуют о развитии рыбного хозяйства, хмелеводства и виноградарства, а также о рационализации лесного хозяйства, продукция которых все в большем количестве поступает на рынок. Обращает внимание появление значительного числа мельниц, которые применялись не только для помола зерна, но и в лесопильном, кожевенном, валяльном и даже в горном деле.

Крепнущая связь вотчины с рынком повышает заинтересованность феодала в увеличении продуктивности его хозяйства. При рассмотрении конкретных вотчин вырисовывается различие в их организации и методах ведения барского хозяйства. На плодородном севере, где вотчина

устанавливает непосредственные связи с городским и прежде всего с Пражским рынком, она вступает на путь расширения господского домена и широкого использования барщинного труда зависимых крестьян. На юге хозяйство вотчины выступает с несколько иными чертами. Поскольку крестьяне издавна находились здесь в тесной связи с рынками ближайших городов, которых было так много в южной Чехии, лежавшей на скрещении главных торговых путей центральной Европы, феодал видел большую выгоду в непосредственной эксплуатации крестьянского хозяйства. Это не говорит о сворачивании господского хозяйства, но для работы на домене все чаще используется, наряду с трудом зависимых крестьян, и наемная рабочая сила, источником которой были недостаточно обеспеченные землей слои феодально зависимых крестьян.

Втягивание вотчины в систему рыночных отношений отражалось самым непосредственным образом на положении чешского феодально зависимого крестьянства, прежде всего по линии усиления феодальной эксплуатации. В связи с этим приобретают особое значение вопросы о формах феодальной ренты, господствовавших в той или иной части страны, о соотношении видов феодальной ренты в каждом из этих районов, о темпах нарастания той или другой из ее форм. Изучение структуры и специфики движения феодальной ренты в различных районах Чехии во второй половине XIV и в первом десятилетии XV в. показывает, что несмотря на сравнительно небольшие размеры страны, в данном случае невозможно говорить о строгом единообразии рентовой структуры, правильно и однозначно эволюционирующей в течение отмеченного периода в пределах всей Чехии. Напротив, источники позволяют наметить локальные различия в составе, характере и развитии системы крестьянских повинностей и платежей в отдельных вотчинах и группах вотчин. Само собою разумеется, что результаты произведенной работы было бы преждевременно считать окончательными и безусловно правильными. Тем не менее они все же представляются наиболее вероятными выводами, опирающимися на анализ ренты более чем 950 населенных пунктов, разбросанных почти по всей стране. Понятно, что изучение других источников, и в первую очередь сохранившихся, но не изданных поземельных описей, могло бы заметным

образом уточнить и даже, быть может, существенно изменить предлагаемые итоги.

Наиболее отчетливые индивидуальные характеристики намечаются при изучении сел крайнего юга, с одной стороны, и ближайших к Праге сел центральной Чехии — с другой.

В первом из этих районов можно говорить о господстве денежных платежей и о роли барщины, сведенной к минимуму. В центре денежная рента сохраняет преобладание, но уже далеко не столь безусловное, так как разнообразные барщины занимают видное место в системе феодальной ренты. Натуральные платежи в обоих случаях невелики, хотя на севере уровень их несколько выше, чем на юге.

Учитывая не только эти типичные районы с наиболее ясно выраженными особенностями феодальной ренты, но и сходные с каждым из них, приходим к выводу, что разграничительная черта между районами Чехии, отличающимися друг от друга структурой феодальной ренты, проходит севернее Страшицких, Пршибрамских, Седльчанских, Миличинских и Штепановских сел. Таким образом, к северу от разграничительной черты остаются не только 95 ближайших к Праге населенных пунктов, но и 167 сел северной Чехии. Оставляя в стороне стоящие особняком 47 сел Хотешовского монастыря, получаем в итоге к югу от указанной выше линии 596, к северу — 296 сел¹. Разумеется, трудно было бы настаивать на абсолютном значении указанной черты. Так, например, повинности в 61 Ржечицком селе и в некоторых Рожмберкских селах могут рассматриваться как переходные от юга к северу. Но все же в общем эта линия сохраняет свое значение. К югу от нее, и чем дальше, тем в большей степени, проступают отличительные черты структуры крестьянских повинностей южной Чехии. На севере самыми типичными являются, как уже отмечалось, ближние к Праге села. Наличие большого города способствовало более раннему и яркому выявлению местных особенностей. При рассмотрении крестьянских повинностей на крайнем и среднем юге Чехии следует не упускать из виду особенностей гос-

¹ К 95 Пражским и 167 северным селам следует прибавить села Жижелицкого панства Рожмберков (16), Чешско-Бродского дистрикта (11) и Колинскую вотчину Страговского монастыря (7).

подского хозяйства в этих районах. Как показывает изучение отдельных вотчин юга, примеры Новоградского панства и в особенности Тржебоньского монастыря могут, как мы видим, рассматриваться в качестве типичных.

Барская запашка на юге Чехии была сравнительно невелика, и сколько-нибудь отчетливых сведений о ее росте не имеется. Вместе с тем господское хозяйство использовало в значительных для XIV в. масштабах наемную рабочую силу. В связи с этим в системе феодальной ренты барщина занимает небольшое место. В ряде случаев вовсе не зарегистрированы отработочные повинности крестьян, причем такая картина наблюдается одинаково как в 70-х годах XIV в. (например, Фримбуркское, Витоньское, Майдштейнское панство Рожмберков), так и в первом десятилетии XV в. (Захлумские села Страговского монастыря). Натуральные платежи играют здесь подчиненную роль и относительно невысоки. Главную часть натуральной составляющей составляют лен, конопля, мак, иногда зерновые. В барском хозяйстве большое место занимают лесоводство и луговодство, что при сопоставлении с натуральными взносами в виде ягнят и поросят, часто заменяемых деньгами, позволяет говорить о значительном развитии животноводства. Все эти наблюдения приводят в конечном счете к заключению о значительной товарности сеньориального хозяйства. Кроме того, абсолютное господство денежной ренты и постоянная коммутация ее натуральных форм показывают, что и крестьянское хозяйство было уже тесно связано с рынком.

Таким образом, феодальная рента в южной Чехии характеризуется ясно выраженным преобладанием денежных платежей над всеми остальными видами крестьянских повинностей. Процесс коммутации барщин и натуральных платежей здесь в основном уже позади, и упоминания о барщине в большинстве случаев сопровождаются приписками о возможности замены ее деньгами. Роль натуральных платежей вообще невелика, но по мере приближения к западным районам страны можно подметить некоторый рост натуральных взносов. Равным образом при продвижении к северу барщина, почти совсем незаметная на крайнем юге, становится все более и более ощутимой. Однако удельный вес барщины в общем невелик, и в тех случаях, где удастся точно подсчитать соотно-

шение между видами феодальной ренты, она составляет в среднем не более 5—10% всех зарегистрированных в урбариях повинностей. Нужно помнить, при этом, что в большинстве изучаемых сел юга барщина просто вовсе не упоминается.

Изученные материалы не дают возможности детально установить картину движения феодальной ренты на юге страны в конце XIV — начале XV в.

Однако структура феодальной ренты, обрисованная выше преимущественно на материалах поземельных описей 70-х годов, не переживает в течение следующих 30—40 лет качественных изменений. Денежные платежи сохраняют в системе феодальной ренты свое господствующее место, и процесс коммутации натуральных ее видов успешно продолжается. Каких-либо тенденций к усилению или возрождению барщины здесь не наблюдается. Вместе с тем обнаруживается значительный рост денежных платежей, тем более заметный, что он не соответствует ни возможной стоимости заменяемых деньгами повинностей, ни падению стоимости денег, которое наблюдается в Чехии конца XIV — начала XV в. При этом показательно, что перед нами вырисовывается не только рост денежного чинша, но и всякого рода случайных феодальных поборов, штрафов и т. п., пример чему мы видим в Новоградском панстве. На этом основании можно прийти к заключению, что упоминаемая в поземельных описях сумма феодальной ренты должна быть повышена и притом за счет денежных платежей. Таким образом, южно-чешская вотчина и подвластная ей деревня все более неуклонно втягиваются в систему крепнущих рыночных связей. Увеличение товарности барского и крестьянского хозяйства усиливает феодальную эксплуатацию и способствует развитию имущественной дифференциации феодально зависимого крестьянства.

Строение и состав феодальной ренты в центральных и северных районах страны существенно отличаются от обрисованной картины. Домен здесь значительно больше и возрастает на протяжении всего изучаемого нами периода. Вместе с тем, как показывает пример Патецкой вотчины и Бржегновских сел, которые являются для севера не менее показательными, чем Новоград и Тржебонь для юга, для севера типична разветвленная и сложная

система высоких барщин, обслуживающих все потребности господского хозяйства.

Таким образом, хотя денежные платежи составляют также количественно преобладающую часть феодальной ренты, но наряду с ними зарегистрированы разнообразные, подчас очень высокие барщины, превращающиеся в отдельных вотчинах в главную часть феодальной ренты. Вотчины наиболее высокой барщины группируются вокруг крупнейшего города этого района и всей страны — Праги. Натуральные взносы крестьян здесь также не особенно высоки, но во всяком случае, значительно выше, чем на юге (особенно во владениях Градищенского монастыря). Структура сельского хозяйства в этой части страны определяется сочетанием зерновых культур с хлеводством, виноградарством, разведением льна и конопли. Особое место занимают на севере луговое хозяйство и тесно с ним связанное овцеводство, а также огородничество, продукты которого находили себе сбыт в городах и особенно в Праге. Можно полагать, что и на севере Чехии господское и крестьянское хозяйство вступают во все более тесную связь с рынком.

Таким образом, увеличение феодальной ренты свойственно и северочешской деревне, хотя формы его осуществления отличны от форм присвоения прибавочного продукта непосредственных производителей на юге.

По мере приближения к началу Крестьянской войны структура феодальной ренты становится все более и более рельефной. Увеличивается количество и меняется самый характер барщины, появляются новые отработочные повинности: таковы работы на коноплянике, на хмельнике, а также многочисленные повинности по обслуживанию господского овцеводства. Хотя удельный вес отработочной ренты по всему району еще довольно далек от 50 %, но темп его роста намного опережает наблюдающееся в это же время возрастание чинша и платежей. Процесс коммутации в центре не только не обнаруживается, но известны случаи прямо противоположного порядка, когда крестьяне, бывшие прежде чиншевиками, теперь несут тяжелую барщину на растущем за счет их же участков господском домене.

Качественные изменения барщин подмечаются в направлении замены барщин, определяемых числом дней

в году, отработочными повинностями, точно измеряемыми. Неоднократно фигурирует еженедельная и даже ненормированная барщина — работа по воле господина. В некоторых сёлах барщина превращается даже в господствующий вид феодальной ренты. С особой тяжестью ложатся возрастающие отработочные повинности на плечи наиболее слабо обеспеченных земель крестьян — подсоседков. Именно для них чаще всего устанавливается барщина, целиком определяемая потребностями господского хозяйства, а в тех случаях, когда они отбывают ненормированные повинности, последние всегда непропорционально велики сравнительно с карликовыми размерами их земельных наделов.

Своеобразна структура феодальных повинностей западного края Чехии. Здесь, как можно судить по данным урбария Хотешовского монастыря, барщина занимает промежуточное положение между тем, что наблюдалось на юге и на севере. Зато натуральные платежи значительно выше, чем в любом из этих районов и стоимость их достигает в отдельных селах стоимости барщины, даже превосходит ее.

Что касается общих заключений о характере феодальной ренты в масштабах всей страны, то несомненным представляется прежде всего факт господства денежных платежей в системе крестьянских повинностей. Денежная рента постоянно и неуклонно растет, причем нужно отметить, что возрастает не только ее абсолютная величина, но и реальное значение. Если цены в течение 30—40 лет, предшествовавших гуситским войнам, поднялись на 25—50 %, то один только чинш повышался в полтора, а в некоторых случаях и в два раза. Параллельно с этим резко увеличивающаяся и даже иногда наново появляющаяся на севере барщина не меняет того факта, что денежная рента преобладала в целом по стране. В самом деле, если учесть, что в тех же поземельных описях засвидетельствовано значительное число платежей и поборов, носящих преимущественно денежный характер, то перевес денежной ренты над отработочной станет вполне убедительным. К числу этих денежных платежей, ложившихся на все чешское крестьянство, относилась также и генеральная берна, которая взималась повсеместно в одинаковых размерах. Во многих случаях феодалы присваивают берну,

превращая ее в составную часть своих доходов и нарушая тем самым верховные права короны. Вместе с этим, меняется и характер берны — из периодического сбора она становится регулярным, взимаемым сплошь и рядом по усмотрению господина. Превращение генеральной берны в регулярный налог и появление наряду с нею новых видов обложения означали усиление эксплуатации крестьян, так как увеличивались их денежные платежи. Наряду с берной повсеместное распространение имел и подымный налог, а также платежи сборщику. Если добавить к этому так называемые «помочи», случайные поборы, судебные штрафы, торговые пошлины и т. п., уплачиваемые преимущественно в денежной форме, то станет вполне очевидным, насколько тяжелым и безвыходным было положение чешского крестьянства.

Из сказанного видно, что к началу XV в. и особенно в первом его десятилетии в Чехии наблюдается значительное усиление феодальной эксплуатации, формы которой обнаруживают большую гибкость и приспособляемость, отражая возрастающие в связи с ростом товарного производства потребности вотчинного хозяйства. Этот процесс наступления феодалов на имущественные и личные права крестьян наблюдается как на севере, так и на юге страны, но формы его различны: на юге увеличение суммы феодальной ренты достигается преимущественно приращением денежных платежей и сопровождается в ряде случаев полной коммутацией барщинных и почти полным превращением натуральных повинностей в деньги; на севере не только возрастает чинш, но и расцветает самое разнузданное присвоение крестьянского труда в наиболее грубой форме — форме отработочной ренты. В связи с этим барщины, порою совершенно незаметные на юге, приобретают на севере иногда значение главной составной части феодальной ренты. По-разному складывается и судьба господского хозяйства — оно не исчезает и на юге, но роль основной рабочей силы здесь отводится, как можно видеть на примере Новоградского и Тржебоньского панств, не крестьянам-барщинникам, а наемной рабочей силе, черпаемой из наименее обеспеченных слоев того же феодально-зависимого крестьянства.

Господство денежной ренты, являющейся ярким выражением роста товарно-денежных отношений, ускоряет

процесс расслоения крестьян, влечет за собой увеличение дробности подавляющего числа крестьянских наделов, резко снижает жизненный уровень основной массы чешского крестьянства. Однако изучение локальных особенностей процесса дифференциации чешского крестьянства, его темпов и специфики выходит за пределы настоящей работы и рассмотрено особо.

После всего сказанного следует попытаться ответить на вопрос о причинах, определивших различие рентной структуры и всего облика феодальной вотчины на юге и на севере Чехии. Само собою разумеется, что было бы преждевременно пытаться дать на него исчерпывающий ответ без специального и углубленного изучения локальных различий и специфических черт городов юга и севера. Такое изучение крайне важно не только само по себе, но и потому, что оно может по-новому осветить результаты приведенных выше наблюдений, которые трудно было бы считать чем-нибудь бóльшим, нежели предварительным ознакомлением с огромным и далеко еще не исчерпанным материалом. Представляется, однако, все же возможным уже на данном этапе исследования высказать по этому поводу некоторые соображения, требующие, естественно, дальнейшей проверки и уточнения.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что не отличавшиеся своим плодородием районы южной Чехии, где господство денежной ренты выявилось со всей отчетливостью и определенностью, могут быть названы в XIV—XV вв. областью наибольшего сосредоточения городов и приближающихся к ним по своему характеру местечек. Вместе с тем, здесь не было единого городского центра, который мог бы подобно Праге втянуть в свою орбиту, подчинить и привязать к себе близлежащие городские центры. В южной Чехии мы наблюдаем весьма большое количество городов, разумеется, по масштабу XIV в.² Здесь находились такие королевские и не уступающие им архиепископские города, как Табор, Будеевице, Писек, Домажлице, Клатовы, Сушицы, Водняны, Пельгржимов, Пршибрам, Тын над Влтавой, Ржечица, Прахатице, Нетолице, Волынь, Хинов, Штепанов, Кржив-

² Нельзя, конечно, забывать, что большинство городов Чехии еще не утратило в изучаемое время свой аграрный характер.

соудов. Если добавить к этому и многие города, принадлежавшие крупным магнатам, — Рожмберк, Крумлов, Рожмиталь, Новоград, Индржихув Градец, Пацов, Истебнице, Тржебонь, Седльчаны, Свины Трговы, Миличин, Седлец, Веселый и др., то и в этом случае далеко не все городские центры юга будут приняты во внимание. Учитывая ограниченные размеры территории, на которой размещались все эти и им подобные городские центры, не будет преувеличением признать, что редко из какого села этого края нельзя было в течение дня добраться до ближайшего города. В таких условиях господство и рост денежной ренты приводили к непосредственному общению крестьян с ближайшим городским рынком, и связи феодальной деревни с городом оказывались не только необходимыми и повседневными, но и шли при этом в значительной степени непосредственно через крестьянское хозяйство. В отличие от этого города севера, иногда быть может даже более крупные, чем многие из названных выше, были разбросаны на гораздо больших расстояниях, да и сами географические условия не благоприятствовали здесь сообщению между ними. Вполне вероятно поэтому, что, хотя и на севере крестьянское хозяйство с каждым десятилетием все теснее связывалось с рынком, возможности феодалов были в этом отношении несравнимы с крестьянскими. Поэтому феодалы здесь не только были заинтересованы в торговле с городом, но оказались непосредственно и активно втянутыми в эту торговлю, оттесняя крестьян от участия в последней с помощью многочисленных феодальных привилегий и прямого насилия.

В предшествующем изложении отмечалось, что Роудницкий монастырь заводит в Праге собственное торговое учреждение, которое сосредоточило в своих руках склады, лавки, корчмы и конторы. Подобные «предприятия» имели в Праге и Бржегновский и Страговский монастыри. Вполне понятно, что в таких условиях феодал был максимально заинтересован в повышении доходности своего домена, и наиболее простым и в то же время достаточно эффективным средством для этого являлось усиление феодальной эксплуатации, принимавшей форму увеличения удельного веса отработочных повинностей в системе феодальной ренты. Другими словами, создаются необходимые предпосылки для расширения господской

запашки, обрабатываемой принудительным барщинным трудом феодально зависимых крестьян.

Поэтому на севере вотчина, не успев радикально перестроить методы своего хозяйствования, отвечает на рост рыночных связей усилением феодальной эксплуатации в ее наиболее грубой и примитивной форме. Так, в аграрном развитии Чехии уже в конце XIV — начале XV в. обнаружились тенденции, которые нашли свое полное выражение в последующие века³.

Неплодородные земли юга не представляли в этом отношении тех возможностей увеличения господских доходов, которые теперь все больше привлекают внимание феодалов. Кроме того, юг с его развитой городской жизнью издавна лежал на одной из главных торговых артерий тогдашней Европы; денежная рента здесь уже давно успела укорениться и приобрести прочность обычая. Ввиду этого способы наступления феодалов на крестьянство, вызванного все тем же ростом товарно-денежных отношений, к концу XIV — началу XV в. приобретают здесь иные внешние формы. Кроме того, зарождавшееся применение наемного труда неминуемо накладывало неизгладимый след на все стороны жизни южночешской вотчины.

Все виды повышения товарности феодального хозяйства осуществлялись в конечном счете за счет усиления эксплуатации крестьянства. Маркс подчеркивал, что и денежная рента является формой присвоения феодалом прибавочного труда феодально зависимых крестьян. Наступление феодалов вызывало обострение классовой борьбы в чешской деревне и привело к невиданной для средневековой Европы по своим масштабам и продолжительности Великой крестьянской войне XV века.

³ Б. Т. Рубцов. Усиление феодальной эксплуатации в Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. «Вопросы истории», 1954, № 12. Он же. Чехия накануне гуситского движения. «Труды Одесского государственного ун-та», т. 67, 1950. Эволюция феодальной ренты в Чехии и ее влияние на ухудшение положения крестьянства накануне Великой крестьянской войны XV в. КСИС, № 14.

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ

- ČCM — Časopis českého musea.
 ČMM — Časopis matice moravské.
 ČDV — Časopis pro dějiny venkova (первые 4 года (1914—1917) журнал выходил под названием Agrární archiv).
 ČČH — Česky časopis historický.
 DR — Decem registra censuum bohemia compilata aetate bellum husiticum praecedente. Deset urbářů českých z doby před válkami husitskými. K vydání upravil Josef Emler. V Praze, 1881.
 FRA — Fontes rerum austriacarum.
 FRB — Fontes rerum bohemicarum.
 HA — Historický archiv.
 JSH — Jihočeský sborník historický.
 MVGDB — Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen.
 RDBM — Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae.
 RR — Registrum bonorum Rosenbergicorum a. MCCCLXXIX compilatum. Urbář zboží Rožmberského z. r. 1379. K vydání upravil Jos. Truhňlář. V Praze, 1880.
 UH — Zlomek urbaře Kláštera Hradišského. Vydal Jos Emler. V Praze, 1885.
 UT — Urbář z roku 1378 a učty kláštera Třeboňského z let 1367—1407, V Praze, 1949.
 VČAZ — Věstník české akademie zemědělské.
 VČZM — Věstník československého zemědělského musea.
 VKCSPN — Věstník Králevské české společnosti Nauk.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Основоположники марксизма-ленинизма

- К. Маркс. Капитал, тт. I—III. Госполитиздат, 1951.
- К. Маркс. Революционная борьба в Венгрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6.
- К. Маркс. Черновые наброски письма В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII.
- К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3.
- К. Маркс. Хронологические выписки. Тетрадь 2. Архив Маркса и Энгельса, т. VI.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3.
- Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Москва, 1952.
- Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV.
- Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2.
- Ф. Энгельс. Марка. Сборник «Крестьянская война в Германии». Москва, 1952.
- Ф. Энгельс. К истории прусского крестьянства. Сборник «Крестьянская война».
- Ф. Энгельс. К «Крестьянской войне». Сборник «Крестьянская война».
- В. И. Ленин. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. Соч., т. 1.
- В. И. Ленин. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Соч., т. 29.
- В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
- В. И. Ленин. Рецензия на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос». Соч., т. 4.

II. Источники

1. Общие издания

Archiv český čili staré písemné památky české i moravské, sebrané z archivů domácích i cizích. Řady selské a instrukce hospodářské. Díl XXII—XXIII, V. Praze, 1905—1907.

Decem registra censuum bohemia compilata aetate bellum husiticum praecedente. Deset urbářů českých z doby před válkami husitskými. K vydání upravil Josef Emler. V Praze, 1881.

Fontes rerum austriacarum. B-de XXIII und XXXVII, Wien, 1865 und 1872.

Fontes rerum bohemicarum. Prameny dějin českých. I—IV. Praha, 1873—1892.

Hus. Sebrane spisy. Vydal J. Erben. I—III, Praha, 1866—1868.

Naše Národní minulost v dokumentech. Chrestomatie k dějinám Československa. I díl (Do zrušení nevolnictví). K vydání připravil Václav Husa člen Korespondent ČSAV za spolunucasti akademika Václava Vojtiška, Dr. Jaroslavy Václavkove, Dr. Petra Ratkoše a Doc. Dr. Josefa Polišenského.

Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. I—IV, VI, VII Edd. Erben—Emler—Mendl. Praha 1855—1955.

Reliquae tabularum terrae regni Bohemiae anno MDXLI igne consumptarum. Pozůstatky desk zemských kralovství českého. r. 1541 pohořelých. Vydal Dr. Josef Emler. Díl I—II, V Praze, 1870—1872.

2. Отдельные публикации поземельных описей и других источников

Fragmentum urbarii episcopatus Pragensis anno cc. MCCXC compilatum. Zlomek urbáře biskupství Pražského z. r. asi 1290. Vyd. Jos. Emler. D. R., I.

Conscriptio bonorum monasterii S. Mariae Rudnicensis anno MCCCXXXVIII facta. Popis statků kláštera Panny Marie v Roudnici r. 1338 učiněny. Vyd. Jos. Emler, D. R., II.

Registrum monasterii aulae Regiae de omnibus proventibus anno MCCCXLII scriptum. Urbář kláštera Zbraslavského z. r. 1342. Vyd. Jos. Emler. DR, X.

Fragmentum urbarii monasterii Vallis S. Mariae. Zlomek urbáře kláštera Pohledského. Vyd. Jos. Emler. DR, III.

Urbarium monasterii Chotiessovensis anno MCCCIXVII compilatum. Urbář kláštera Chotěšovského r. 1367 složený. Vyd. Jos. Emler. DR, IV.

Registrum bonorum Rosenbergicorum a. MCCCLXXIX compilatum. Urbář zboží Rožmberského 2 v. 1379. K vydání (z rukopisy bibliotheky křižovnické) upravil Jos. Truhlář. Pojednání Kralevské české společnosti nauk (Abhandlungen der Königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften), VI Rady, díl 10, v Praze, 1880.

Registrum bonorum monasterii S. Johannis Bapt. Ostroviensis. Urbář kláštera Ostrovského r. 1388. Vyd. Jos. Emler. DR, V.

Registrum bonorum archiepiscopatus Pragensis anno cc. 1390 compilatum. Urbář arcibiskupství Pražského r. 1390 sepsaný. Vyd. Jos. Emler. DR, VI.

Urbář z roku 1378 a učty kláštera Treboňského z let 1367—1407. Registrum censuum ac proventuum de anno MCCCLXXVIII nec non recepta et distributa monasterii Trzebonensis de annis MCCCLXVII—MCCCCVII. Historický Archiv. Vydava I třída české akademie věd a umění. Číslo 52, v Praze, 1949.

Registrum bonorum monasterii Brzewnowiensis anno MCCCCVI cons-

- criptum. Urbář kláštera Břevnovského. r. 1406 složený. Vyd. Jos. Emler, DR, VII.
- Zlomek inventáře kláře kláštera Břevnovského z let 1390—1394. Vyd. Jos. Emler. Věstník kralovské české společnosti nauk. Ročník 1888, y Praze 1889.
- Zlomek urbáře kláštera Hradištského. Vydal Jos. Emler. Pojednání Král české společnosti nauk (Abhandlungen der Königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften vom Jahre 1883—1884). R. 6. d. 12, v Praze, 1885.
- Registrum bonorum monasterii Strahoviensis a. MCCCCX compilbatum. Urbář kláštera Strahovského r. 1410 složený. Vyd. Jos. Emler, DR, VIII.
- Registrum bonorum praepositurae ecclesiae Pragensis saeculo XV ineunte compilatum. Urbář probošství kostela Pražského. Vyd. Jos. Emler, DR, IX.
- Rukopisné zlomky Drkolenské. Podava Ferd. Tadra. Věstník české akademie pro vědy, slovesnost s umění. Ročník VIII, č. 3.
- Urbář kostela Jistebnického z doby předhusitské (Kniha Rokycanova). Truhlař Jos. Paběrky z rukopisů Klementinských. Věstník české Akademie věd a umění. Ročník IX, 1900.
- Urbář kláštera Ždarského na Moravě. Podává Ign. B. Mašek. Časopis Matice Moravské. Ročník sedmý, v Brně, 1875.
- Das Urbar der Lichtensteinischen Herrschaften Nikolsburg, Dürnholz, Lundenburg, Falkenstein, Feldsberg, Rabensburg, Mistelbach, Hagenberg und Gnadendorf aus dem Jahre 1414. Bearbeitet von Bertold Bretholz. Reichenberg und Komotau, 1930.
- Urkundenbuch des ehemaligen Cisterciensitiles Goldenkron in Böhmen. Bearbeitet von Mathias Pangerl. Fontes rerum austriacarum, Bd. XXXVII, II Abth., Wien, 1872.
- Diplomatář kláštera blažosladené Panny Marie řeholních kanovníků řádu sv. Augustina v Roudnici. Věstník Kralovské české společnosti nauk. Ročník, 1894.
- Purkrabské účty panství Novohradského z let 1390—1391. K vydání upravil Josef Šusta. Historický archiv, č. 35. 1909.
- Registrum bernae in bonis archiepiscopatus Pragensis a. MCCCLXXIX collectae. Ed. Jos. Emler. DR, XI.
- Účet pokladníka arcibiskupství Pražského z let 1382—1383. Historický Archiv, d. 37, v Praze, 1912.
- Popravčí kniha panův z Rožmberka. Vydal František Mareš. Pojednání Kralevske české společností nauk. Řady VI, díl IX, v. Praze, 1878.
- Ein Bernregister des Pilsner Kreises vom Jahre 1379. Herausgegeben von Josef Emler. Abhandlungen der Königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. 6, Folge, 8. Band, Prag, 1877.
- Registra decimarum papalium čili Registra desátků papežských z diocesi pražské. Pojednání Kr. české společnosti nauk, R. VI, sv. 6, 1873.
- F. Tadra. Kniha protokolů auditorů papežských z konce XIV stol. Věstník Kr. č. společnosti nauk, 1893.
- Zprávy o statcích a přech venkovských z archivu města Prahy, ed. J. Teige, AC XVI, Praha 1909; AC XVIII, Praha, 1912.
- Zlomky purkrabských účtů Choustnických z. r. 1375—1387. JSH. Ročník XXVI (1957) č. 1.

III. Литература

1. На русском языке

- Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга первая. Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, 1952.
- История Чехословакии, т. I. М., 1956.
- Е. А. Косминский. Английская деревня в XII веке. М.—Л. 1925.
- Е. А. Косминский. Очерки по аграрной истории Англии в средние века. Сотенные свитки 1279—80 годов как исторический источник. «Труды Института истории РАНИОН». Вып. 1, 1926.
- Е. А. Косминский. Очерки по аграрной истории Англии в средние века. К вопросу о коммутации рабочих повинностей. «Ученые записки Института истории РАНИОН». т. III, 1929.
- Е. А. Косминский. Английское крестьянство в XIII в. «Средние века», 1942, вып. I.
- Е. А. Косминский. Вопрос о рабочей силе в английской феодальной вотчине XIII в. «Вопросы истории», 1945, № 1.
- Е. А. Косминский. Манор-Брамpton с XI по XVI в. «Средние века». 1946, вып. II.
- Е. А. Косминский. Вопросы аграрной истории Англии XV в. «Вопросы истории», 1948, № 1.
- Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. М., 1947.
- Е. А. Косминский. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв. «Вопросы истории», 1955, № 2.
- Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова, Сорок лет советской медиевистики. «Вопросы истории», 1957, № 11.
- Б. Поршневу. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
- Б. Т. Рубцов. Гуситские войны. М., Госполитиздат, 1955.
- Б. Т. Рубцов. Ценный источник по аграрной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV века. «Ученые записки Института славяноведения», т. XI, М., 1955.
- Г. Э. Санчук. Чешский земский законник «*Majestas Carolina*» (1355) как исторический источник для изучения начала образования национального государства. «Краткие сообщения Института славяноведения», 1951, № 2.
- М. М. Смирин. Борьба за землю в юго-западной Германии в XV и начале XVI в. Исторические записки, 1938, № 4.
- М. М. Смирин. О крепостном состоянии крестьянства и характере крестьянских повинностей в юго-западной Германии в XV и начале XVI в. «Исторические записки», 1946, № 19.
- М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. Москва, 1952.
- А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Т. I—II. Прага, 1935—1947.
- А. Н. Ясинский. Введение «немецкого» права в селах Чехии XIV века. Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904.

- А. Н. Ясинский. Основные черты развития права в Чехии в XIII—XV вв. Историко-юридический очерк. Юрьев, 1902.
- А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Том 1. Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права. Юрьев, 1901.
- А. Н. Ясинский. Падение земского строя в чешском государстве (X—XIII). Киев, 1895.
- А. Н. Ясинский. Поземельная опись градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии. Труды Белорусского государственного университета, 1926. т. XII.
- А. Н. Ясинский. Присяга крестьян по чешскому средневековому праву (Сборник по славяноведению, 1, 1904).
- А. Н. Ясинский. Происхождение и природа чешских поземельных единиц. Научные известия Смоленского государственного университета, 1924, т. II.
- А. Н. Ясинский. Чешское свидетельство XIV века о русском металлургическом производстве. Сборник Учено-литературного общества при императорском Юрьевском университете. Выпуск первый.
- А. Н. Ясинский. Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии. Сборник в честь Ламанского. 1905.
- А. Н. Ясинский. Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии. «Ученые записки Института истории (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук)», т. III, М., 1929.

2. На чешском и других языках

- A. Bachmann. Geschichte Böhmens. I—II, Prag, 1899—1904.
- F. M. Bartoš. Čechy v době Husově. Praha, 1947.
- J. Boček. O sehnání poddaného sedláka se statku čili odsadě v Cechách. Č. D. V., 2, 1915.
- J. Bošтік. Soupis vědeckých prací, publikovaných československou akademií zemědělskou do r. 1934. Praha, 1935.
- V. Brandt. Glossarium illustrans bohémico-moravicae historiae fontes. Brno, 1876.
- K. Castelin. Česká drobná mince doby předhusitské a husitské 1300—1471. Praha, 1953.
- J. Čelakovský. Povšechné české dějiny právní. Ottův Slovník naučný, d. VI, 1893.
- F. Čeněk. Mrvění polí v XV stol. V. Č. Z. M., d. V, 1932.
- V. Černý. Badání v dějinách hospodářských v Československu od roku 1932. R. D. S. G., 1938.
- V. Černý. Badania w zakresie dziejow gospodarczych, a szczegolnie rolniczych, w Czechosłowacji od r. 1918. R. D. S. G., Tom II, 1932.
- V. Černý. Hospodářské instrukce. Přehled zemědělských dějin v době patrimoniálního velkostatku v XV—XIX století. Prameny a základy vydávané československou Akademií zemědělskou. V Praze, 1930.

- V. Černý. Prameny ke studiu zemědělských dějin. V. Č. A. Z., 1937.
- V. Černý. Vyvoj patrimoniálního velkostatku a jeho spravy. Sborník přednášek proslovených na prvním sjezdu čsl. profesorů filosofie, filologie a historie v Praze 3—7 dubna 1929. Praha, 1929.
- A. Dopisch. Die landesfürstlichen Urbare Nieder u. Oberösterreichs, aus dem XIII und XIV Jahrhundert. Wien und Leipzig, 1904.
- Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis I—X, Paris, 1937—1938.
- B. Dudík. Mährens allgemeine Geschichte. Brno, 1860 sq.
- J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II, Praha, 1903—1916.
- F. Graus. Český obchod se sukrem ve 14. a poč. 15. stol. Praha, 1950.
- F. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. Díl I. Dějiny venkovského lidu od X stol. do první poloviny XIII stol. Praha, 1953.
- F. Graus. Chudina městská v době předhusitské. Praha, 1949.
- F. Graus. Recenze knihy F. M. Bartoše. Čechy dobe Husove. Sborník hospodářských a sociálních dějin II, 1947.
- F. Graus. Soukenictví v době předhusitské. Sborník pro hospodářské a sociální dějiny. Praha, 1946.
- M. Heyne. Das deutsche Nahrungswesen von den ältesten geschichtlichen Zeiten bis zum 16. Jh. Leipzig, 1901.
- V. Husa. Epochy českých dějin. Vyd. 2. Praha, 1949.
- V. Husa. Třídni boje-tabu československého dějepisu. Dějiny a přítomnost, I, 1937.
- V. Chaloupecký. Selská otázka v husitství. Příspěvek k ideologii doby a revoluce. Sbírka přednášek a rozprav university Komenského v Bratislavě. Sv. 12, 1926.
- H. Jireček. Slovanské pravo v Čechách a na Moravě. I—II, Praha, 1863—1864.
- Kapras. Právní dějiny zemí Koruny České, d. II, Praha, 1914.
- F. Kavka. Přehled dějin Československa v epose feudalismu II (od pol. 14. století do 1526). Praha, 1956.
- C. Klier. Bernictví kralovství českého před válkami husitskými. Casopis českého musea. LXXVI, 1902.
- J. M. Klimesch. Ein Urbar der Herrschaft Netolitz aus dem 15. Jahrhundert. MVGDB, 1915.
- A. Krejčík. Míry, váhy a peníze v Rožmberském urbáři (Masse, Gewichte und Münzen im Urbare der Herren von Rosenberg). Sborník Československé Akademie Zemědělské. roč. XI, seš. 3.
- A. Krejčík. Rejstřík jmenný a věcný k dílu A. Sedláčka, Paměti a doklady k staročeským míram a vahám. Praha, 1933.
- K. Krofta. Dějiny selského stavu. V Praze, 1949.
- K. Krofta. N. Jasinskij. Praha, 1935.
- K. Krofta. Jizni Čechy do válek husitských. Z přednášky konané dne 22 dubna 1913 sdružení agrárních akademiků. V Praze, 1914.
- K. Krofta. Josef Pekař a dějiny českého venkova. V. Č. A. Z., 1937.
- K. Krofta. Náš selský stav v poddanství V. Č. A. Z., 1938.
- K. Krofta. Začátky česke berne. C. Č. H., XXXVI, 1930.
- K. Krofta. Žižka a husitská revoluce. Praha, 1937.

- K. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. I—III. Leipzig, 1885—1886.
- J. Lippert. Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit ausschliesslich aus Quellen. B. I—II, Prag, 1896—1898.
- J. Macek. Husité na Baltu a ve Velkopolsku, Praha, 1952.
- J. Macek. Husitske revoluční hnutí, Praha, 1952 (русский перевод. М., 1954).
- J. Macek. Prokop velký, Praha, 1953.
- J. Macek. Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin. Nova mysl, N 8, 1952.
- J. Macek. Tábor v husitském revolučním hnutí, díl I, Praha, 1952. Díl II, Praha, 1955. 2. vydání díl I, Praha, 1955, d. II. Praha, 1956 (русский перевод. Т. I. М., 1956).
- J. Macek. Venkovský lid v husitské revoluci. Praha, 1953.
- J. Macek. Zdeněk Nejedlý o husitství ČsČH, I, 1953.
- B. Mendl. Hospodářské a sociální poměry v městech pražských v letech 1378 až 1434. Č. Č. H., XXII—XXIII, 1916—1917.
- B. Mendl. Prameny k agrárním dějinám v rámci činnosti českoslovanského Státního ústavu historického. V. Č. Z. A., 1938.
- B. Mendl. Příspěvek k dějinám českého vinařství v době husitské Č. D. V. d. 3, 1916.
- A. Mik a. Feúdalní velkostatek v jižních Čechách (XIV—XVIII stol) Historický sborník, I, Praha, 1953.
- V. Müller. Svobodníci Pokus o monografii ze socialnych dějin českých 15 a 16. století. Praha, 1905.
- Zd. Nejedlý. Hus a naše doba, Praha, 1956.
- Zd. Nejedlý. Dějiny husitského zpěvu I—VI. v Praze, 1956.
- Zd. Nejedlý. O smyslu českých dějin. Praha, 1952.
- J. Pacht a. Pekař a pekařovština v českém dějepisectví. Praha, 1950.
- F. Palacký. Dějiny národu českého v Čechách a na Morave. 3. vyd. Praha, 1876—1877.
- J. Pekař. K českým dějinám agrárním ve středověku. Č. Č. H., VIII, 1901.
- J. Pekař. Kniha o Kosti. d. II. Praha. 1911.
- J. Pekař. Žižka a jeho doba. Díl I—III, v Praze, 1927—1929.
- V. Prasek. Žерна-мльны. Selský archiv, Ročník II, 1903.
- V. Prasek. Příspěvek k dějinám selským. Selský archiv, Ročník III, 1904.
- R. Rauscher. O popravci knize panů z Rožmberka. Praha, 1934.
- J. Salaba. Doplnky ke kritice českých urbařů. Věstník Kralovské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicka-jazykozpytna. Praha, 1929.
- J. Salaba. Příspěvky ke kritice urbařů pozemkových a jiných knih. katastrů, map, starých učtů atd. Selský archiv. 1921—1923.
- Sborník pro hospodářské a sociální dějiny. I—II, Praha, 1946—1947.
- Sedlacek A. Paměti a doklady o staročeských mírách a vahách. Rozpravy České akademie věd a umění I tř., č. 66. Praha, 1923.
- J. Šusta. Dvě knihy českých dějin. v Praze, 1917.
- J. Šusta. Glosy k rožmberskému urbaři. Č. Č. H. R. XII, 1906.
- J. Šusta. Listář Krumlovský (Uvahy a drobne spisy historické díl. I, v Praze, 1934).

- J. Š u s t a. Otroctví a velkostatek v Čechách v X—XII st.
J. Š u s t a. Uroční rejstřík kláštera zlatokorunského z počátku 15 věku. ČCH, R. XIII, 1907.
F. T a d r a. Kulturní styky čech s cizinou. Praha, 1897.
F. T e p l ý. O rybníkařství v Čechách do husitských valek. VČZM, R. VIII, 1935.
W. W. T o m e k. Dějepis města Prahy, díl III, v. Praze, 1875.
W. W. T o m e k. Urbář kláštera Strahovského složený roku 1410. Památky Archeologické, díl II, 1856.
F. V a c e k. Dějiny církevního desátku v Čechách a na Moravě. Č. D. V., R. XII, 1925.
F. V a c e k. Emfyteuse v Čechách ve XIII a XIV století. Č. D. V., R. VI—IX, 1919—1922.
F. V a c e k. K agrárním dějinám českým staré doby. Č. D. V., R. IV—V, 1917—1918.
F. V a c e k. K dějinám selské roboty v Čechách. Č. D. V., R. XXIII, 1936.
F. V a c e k. Práva vesské obce v 15 století. Č. D. V., R. III, 1916.
F. V a c e k. Selský stav v Čechách v letech 1419—1620. Č. D. V., R. XIV—XVI, 1927—1929.
F. V a c e k. Soudnictví v Čechách městské a vrchnostní až do XV stol. Č. D. V., R. IX—XII, 1922—1925.
F. V a c e k. Urbáře a pozemkové knihy. Č. D. V., R. XIII, 1926.
E. W e r u n s k y. Böhmens sozial-politische Entwicklung in vor-husitischer Zeit. Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum, Geschichte und Deutsche Literatur. Vierter Jahrgang, Leipzig, 1901.
Č. Z i b r t. Bibliografie české historie, d. II, v Praze, 1902.
-

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Австрия — 26
Анцигль — 77; Einsiedl — P, I, 526 (Anzigl—RR, 7/44)
- Бабины — 135, 136; Babiny — P, I, 23—24 (Babina—DR, II, 6)
Бабье — 75; Babí, Bamberg — P, I, 21 (Villa Pabembergh alias dicta Babye — RR, 2/7)
Баков — 135, 136; Bakov — P, I, 27—28 (Bakow — DR, II, 5, 7)
Банов — 90; Bářov — P, I, 30 (Banow — RR, 49/422)
Бачовице — 117; Bačovice, Băcovice — P, I, 25 (Baczowicz — DR, VI, 122—123)
Бела — 148; Bělá — P, I, 47 (Biela — DR, VII, 205)
Беленце — 76; Bělence — P, I, 49 (Welenczow — RR, 10/73)
Бенешов — 91, 92; Benešov — P, I, 57 (Benessow — RR, 20/159)
Бероунка, река — 89, 122
Бехарско-Зерчицкое панство — 31
Бехары — 139; Běchary — P, I, 42 (Byecharzie — DR, VI, 99)
Бехинский край — 101
Бзи — 87; Bzí — P, I, 265 (Bzye — RR, 42/368)
Билани — 119; Bylany — P, I, 254—255 (Bylan — DR, VI, 106)
Бинов — 85; Buňov — P, I, 257 (Bynow — RR, 12/84)
Бистра — 75; Bystra — P, I, 258 (Villa Schilt dicta Bistra — RR, 8/52)
Битетице — 118; Bitětice — P, I, 85 (Bytyetycz — DR, VI, 119)
Битов (Хотешовский монастырь) — 113; Bítow, Witowa — P, I, 86 (Bytow — DR, IV, 32)
Битов (Хиновский дистрикт архиепископства пражского) — 95; Bítov — P, I, 86 (Byetow — DR, VI, 135)
Бланица, река — 86, 99, 136, 138
Бланице — 95; Blanice, Blanička — P, I, 89 (Blanycze — DR, VI, 134—135)
Ближеведлы — 138; Blíževedly — P, I, 100 (Blyzebedly — DR, VI, 102)
Блуды — 114; Bludy — P, I, 104 (Blud — RR, str. 22)
Богдалин — 91; Bohdalín — P, I, 108 (Bohdalowo pole — RR, 18/136)
Богдаловице — 94; Bohdalovice — P, I, 108 (Bohdalowicz — DR, V, 71)

¹ Указатель составлен Е. В. Рубцовой.

- Богуневце — 119; Bohouňovice — P, I, 112 (Bohunyewicz — DR, VI, 106)
 Богунце — 94, 95; Bohunice — P, I, 114—115 (Bohvnicz — DR, VI, 140)
 Богутин — 97; Bohutín — P, I, 118 (Bohutyn — DR, VI, 148)
 Божеевице — 90; Božejovice — P, I, 153 (Bozieyowicz — RR, 17/127)
 Болеславский архидиаконат — 133
 Борек — 111; Borek — P, I, 135 (Borek — DR, VI, 107)
 Борковице — 88, 95, 96; Borkovice — P, I, 138 (Borkowicz — RR, 43/374)
 Борованы — 66; Borovany — P, I, 140, 141 (Villa Borowan — RR, 11/82)
 Боровице — 144; Borovice — P, I, 140 (Borowycze — UH, 6)
 Бойы — 79; Bory — P, I, 143 (Borz — RR, 36/307)
 Бойилец — 88; Bošilec — P, I, 145 (Bossulecz — RR, 42/364)
 Бояновице — 125, 139; Bojanovice — P, I, 120 (Boianowicze — DR, V, 54)
 Бранна — 85; Branná — P, I, 165 (Branna — RR, 55/472)
 Братржинов — 125, 139; Bratřínov — P, I, 169 (Bratrzyenow — DR, V, 56—57)
 Братрковице — 129; Bratrkovice — P, I, 168—169, DR, Index personarum et locorum¹, 403 (Bratronicze — DR, VII, 164—165)
 Бржевнов — 126; Břevnov — P, I, 177 (Brzewnow — DR, VII, 155, 156 и во многих других местах)
 Бржевовский монастырь — 19, 25, 27, 29, 31, 41, 54—56, 57, 68, 74, 99, 122, 123, 125, 126, 129, 134, 149, 162, 167
 Бржежани — 119; 120; Břežany — P, I, 191 (Brzezany — DR, VIII, 243)
 Бржези — 135, 136; Břeží — P, I, 181—182 (Brzeza — DR, II, 5, 9)
 Бржезина — 115; Březina — P, I, 182—183 (Brzyezyna — DR, VI, 113)
 Бржезовице — 103; Březovice, Jílovice Česka — P, II, 151 (Brzezowicz — RR, 5/16)
 Бржица — 137; Bříza — P, I, 195 (Brzeza — DR, VI, 95)
 Бржистви — 55, 130, 131; Bříství — P, I, 193 (Brziestie — DR, VII, 175, 179)
 Брод — 95, 97, 119; Brod — P, I, 202 (Broda — DR, VI, 145, 146)
 Бродское панство — 30
 Броумовское панство — 26, 31, 134, 148
 Бртна — 39; Brtná — P, I, 210 (Brtna — DR, VI, 151)
 Бртце — 89, 90; Brtce — P, I, 209 (Brdcze — RR, 45/395)
 Бруншов — 139; Brunšov — P, I, 211—212 (Brunssow — DR, V, 55, 63)
 Буденице — 136; Budenice — P, I, 225 (Budinicz — DR, II, 5)
 Будиков — 118; Budíkov — P, I, 226 (Budykow — DR, VI, 120—121)
 Будчевесь — 139; Budčeves — P, I, 223 (Budczyewes — DR, VI, 99—100)
 Бук — 100; Buk — P, I, 232 (Buk — DR, IX, 304)
 Букова — 84; Buková — P, I, 234 (Bukowie — RR, 12/83)

¹ В дальнейшем употребляем сокращенно — DR, Index locorum и приводим соответствующую страницу указателя.

Буковина — 144, 145; Bukovina — P, I, 238 (Bukowyna — UH, 20, 21)
 Буковско — 88, 96; Bukovsko — P, I, 241 (Bukawsk — RR, 41/360)
 Бусов — 144; Bousov Horní — P, I, 150 (Busow — UH, 22)
 Буковское панство — 26, 29, 74, 86, 87, 94, 98
 Бушовице — 140; Boušovice — P, I, 118 (Bussowicze — DR, VII, 167)
 Бучице — 115; Budčice, Bučice — P, I, 223 (Budczycz — DR, VI, 113)
 Бьелень — 75; Běleň, Wieleś — P, I, 49 (Bieleins — RR — 7/41)
 Вавице — 88; Vavice Pal. (326, 241), Babice — P—I, 22 (Wawicz — RR, 38/321)
 Вапно — 143, 145, 146; Vápno — P. S., IV, 477 (Wapno — UH, 13—14)
 Велеславин — 132; Veleslavín, P S IV, 491 (Weleslawin — DR, VII, 160)
 Велиславице — 102; Velislavice — PS, IV, 495 (Welysslawycz — DR, VIII, 226)
 Вепа — 42
 Весце (Бехарско-Зерчицкий дистрикт архиепископства пражского) — 139, Vesce — DR, Index locorum, 427 (Wessczye — DR, VI, 98—99)
 Весце — (Клуминское панство Бржегновского монастыря) — 131, 132, Vesce — DR, Index locorum, 427 (Wesecz — DR, VII, 176)
 Ветла — 136; Vetlá — PS, IV, 532 (Vetla — DR, II, 11, 12)
 Викан — 55, 130, 131; Vikaň — DR, Index locorum, 428 Vykaň — P S, IV, 658 (Wikan — DR, VII, 178—179)
 Вильштейнское панство — 26, 30, 109, 110, 111
 Винаржице — 139; Vinařice — PS, IV, 549 (Vinarzezie — DR, V, 70—71)
 Вискитна — 117; Vyskytná — P. S., IV, 663 (Wysskytna — DR, VI, 127)
 Витевице — 87; Vitějovice — PS, IV, str. 558—559 (Witiewowicz — RR, 40/352)
 Витингауское панство (Тржебоньское панство Рожмберков) — 26, 28, 74, 82
 Витоньское панство — 26, 28, 74, 76, 77, 78, 82, 161
 Влконице — (Богиче) — 100; Vlkonice-DR, Index locorum, 428; Boji-
 ce — P, I, 121 (Bogicze — DR, X, 304)
 Влкосовице — 91; Vlkosovice — PS, IV, str. 581 (Wilkossowicz — RR, 18/135)
 Влтава, река — 23, 73, 86, 89, 94, 101, 102, 122, 124, 126, 128, 130
 Влчовесь — 89, 90; Vlčoves — PS, IV, str. 576 (Wilczowess — RR, 18/140)
 Водоход — 135, 136, 137; Vodochody — PS, IV, 592 (Wodochoti — DR, VI, 96—97)
 Воленице — 51, 52, 142; Volenice — PS, IV, 603 (Olenicz — DR, VIII, 270—271)
 Волинка, река — 99
 Волинское панство — 29, 74, 99
 Вольдухи — 110; Volduchy — PS, IV, 602 (Wolduch — RR, 52/443)
 Врабин — 87, 88; Vrabín — PS, IV, 611 (Wrabin — RR, 38/322)
 Врбно — 51, 52; Vrbno — PS, IV, str. 627 (Wrbna, — DR, VIII, 219, 271, 273, 428)
 Врабче — 81; Vrábče — PS, IV, 610 (Wrabczie — RR, 35/302)

Врбице — 92, 111, 113 (Wrbicz — RR, 15/115)
 Врбичаны — 136; Vrbičany — PS, IV, 626 (Wrbiczan — DR, II, 17)
 Вржесце — 96; Vřesce — PS, IV, 629 (Wrzesscze — DR, VI, 136)
 Встиш — 111, 112; Vstiš — PS, IV, 639, 640 (Wstuschs — DR, IV, 25)
 Втелен — 143, 144; Vtelen — PS, IV, 654 (Vtelen — DR, VI, 98)
 Вшевилы — 97; Vševily — PS, IV, 653 (Wssewyl — DR, VI, 109)
 Вышков — 143; Vyškov — PS, IV, 674 (Wyskow — UH, 7)

 Гаймын — 102; Hajmín — P, I, 578 (Haymyn — DR, VIII, 226)
 Гайно — 56, 100, 101, 128; Hajno, Hejná — P, I, 605 (Hayna — DR, VII, 186)
 Гартеншлаг — 66; Hardetschlag — P, I, 591 (Hartunslag — RR, 14/94)
 Гашловице — 94; Hašlovice — P, I, 596 (Hassliczie — DR, V, 72)
 Гельфенбург, замок — 136
 Гельфенбургское панство пражского архиепископства — 134, 137, 138
 Гельфенбургское панство Рожмберков — 26, 29, 31, 74, 86, 88, 98, 99, 136
 Гидчице Большая — 100, 101; Hydčice Velké — PS, IV, 819—820, (Hidczicze Maior — DR, VII, 186—187)
 Гидчице Малая — 100, 101; Hydčice Malé — P, I, 819—820 (Hidczicze — DR, VII, 186—187)
 Главатце — 87; Hlavatce — P, I, 628 (Hlawatecz — RR, 37/319)
 Главечник — 114; Hlavečník — P, I, 628—629 (Hlawecznic — RR, 22)
 Главице — 145, 146; Hlavice — P, I, 629 (Hlawyczye — UH, 14)
 Глинна — 135, 136; Hlinná — P, I, 636 (Hlinna — DR, II, 6)
 Гневице — 137; Hněvice — P, I, 648 (Hnyewicz — DR, VI, 92, 93, 98)
 Гневоусице — 143; Hněvousice — P, I, 649 (Hnewussyczye — UH, 2)
 Годемышль — 97; Hoděmyšl — P, I, 652 (Hodyemysl — DR, VI, 109)
 Годков — 90; Hodkov — P, I, 653 (Hodkow — RR, 47)
 Гойков — 117; Hojkov — P, I, 661 (Hoykow Maior — DR, VI, 131)
 Гойковец — 117, 118; Hojkovy — P, I, 661 (Hoykowecz — DR, VI, 124—125)
 Голубков — 110, 111; Holoubkov — P, I, 670 (Holubcow, 21/170)
 Голубов — 79; Holubov — P, I, 672 (Holubow — RR, 36/311)
 Гомоле — 81; Homole — P, I, 674 (Homyl — RR, 36/304)
 Горжиковице — 112, 113; Hořikovice — P, I, 700 (Orzekowicze — DR, IV, 28, 31)
 Горжипна — 77; Hořípná — P, I, 701 (Horzipny — RR, 5/17)
 Горка — 90; Horka — P, I, 800 (Horka — RR, 45/396)
 Гороседлы — 100; Horosedly — PS, I, 707 (Horssiedli — DR, IX, 303)
 Горшовский край — 109, 110, 111
 Госты — 94, 95; Hosti, Hosty — P, I, 718 (Hostych — DR, VI, 141)
 Гошковице — 144; Hoškovice — P, I, 728 (Hosczkowyczye — UH, 3)
 Градек — 90, 91; Hradek — P, I, 742 (Hradek — RR, 21/163)
 Градец — 112; Hradec — P, I, 737—738 (Hradecz — DR, IV, 38)
 Градиштько (Островский монастырь) — 139; Hradišťko — P, I, 757 (Hradyszcze — DR, V, 58, Hradisce — DR, V, 63)
 Градиштько (Жижелицкое панство Рожмберков) — 114; Hradišťko — P, I, 757 (Hradistko — RR, 22/179)
 Градищенский монастырь — 10, 11, 19, 22, 27, 32, 40, 41, 43, 122, 134, 140, 143, 146, 147, 149, 153, 154, 163
 Граховиштье — 83, 85; Hrachoviště — P, I, 763 (Hrachowist — RR, 55/474)

Грдлы — 140; Hrdly — P, I, 768 (Hrdly — DR, VII, 166—169)
 Гржебен — 89; Hřeben — P, I, 770 (Hrzebin — RR, 19/157)
 Грживице — 52; Hřivčice — P, I, 775 (Hrzywczicz — DR, VIII, 219, 273, 274, 275, 408)
 Губины — 138; Hubenov Velký (Hubiny) — P, I, 790 (Hubyn — DR, VI, 102)
 Губце — 77; Hubce, Obst — (Obczie — RR, 6/31)
 Гуменице — 84; Humenice — P, I, 794 (Mayerhaft — RR, 13/92)
 Гумно — 88; Humno — P, I, 795 (Humpno — RR, 38/330)
 Гурки — 110; Hůrky — P, I, 802 (Horka — RR, 53/449)
 Гучице — 97; Hudčice, Hučice — P, I, 791—792 (Hudczicz — DR, VI, 108)
 Дальковице — 115, 116; Dalkovice — P, I, 360 (Dalkowicz — DR, VI, 111)
 Дворец — 58, 85; Dvořec — UT, Rejstřík jmenný, 163 (Dworzecz — UT, 4, 5)
 Дедовице — 97; Dědovice — P, I, 375 (Dyedowicze — DR, VI, 150)
 Дехтарж — 88, 117, 118; Dechtáře — P, I, 375 (Dechtharz — DR, VI, 125)
 Динин — 88; Dinín — P, I, 522 (Dynyn — RR, 42/363)
 Дитрспач — 148; Dittersbach — P, I, 387 (Ditterspach — DR, VII, 196)
 Днебог — 143; Dneboh — P, I, 393 (Dneboh — UH, 3, 23)
 Добешов — 91; Dobešov — P, I, 395 (Dobessow — RR, 18/139)
 Добра Вода — 143, 144; Dobrá Voda — PS, IV, 587 (Dobra Woda — UH, 4, 24)
 Добржив — 110; Dobřiv — P, I, 404—405 (Dobrziewo — RR, 53/448)
 Добржин — 137; Dobříň — P, I, 403—404 (Dobrznye — DR, VI, 93)
 Добржич — 94; Dobříč — P, I, 401—402 (Dobrziecz — DR, V, 73)
 Добрна — 94; Dobrná Cistl — P, I, 405 (Dobrnye — DR, V, 72)
 Добшице — 114; Dobšice — P, I, 414 (Dobrczicz — RR, 23/191)
 Доланки — 140; Dolanky — DR, VII, 166—169
 Долина — 135, 136 Dolín — P, I, 422 (Dolyna — DR, II, 5)
 Доманин — 58, 61, 84, 85; Domanin — P, I, 425 (Domanin — UT, 4, 8)
 Домораз — 54, 100; Domoraz — P, I, 434 (Domoraz — DR, VII, 185)
 Доубрава — 94, 95; Doubrava — P, I, 441 (Dubrawa — DR, VI, 141—142)
 Драгнетице — 90; Drahnětice — P, I, 451 (Drahnietiez — RR, 17/128)
 Драготешице — 88; Drahotěšice — P, I, 454—455 (Drahotiessicz — RR, 42/361)
 Дражице — 94, 95; Dražice, Dražič — P, I, 460—461 (Drazycz — DR, VI, 140—141)
 Држеввице — 138; Dřevčice — P, I, 466 (Drzyewiczye — DR, VI, 101)
 Држевник — 97; Drevníky — P, I, 467 (Drewnik — DR, VI, 149)
 Дрохи — 75; Drochov. Drochersdorf, Drochy — P, I, 476 (Drochow — RR, 6/30)
 Дубно — 97; Dubno — P, I, 490 (Duben — DR, VI, 149)
 Дубовице — 117, 118; Dubovice — P, I, 491 (Dubowycz — DR, VI, 118—119)
 Дунаевице — 84, 85; Dunajovice — P, I, 498 (Dunayowicz — RR, 55)
 Душник — 97; Dušníky Daleké — P, I, 501 (Duznik — DR, VI, 150)
 Душницкое панство — 31

Европа — 18, 33, 45, 159, 168
 Еленки — 88; Jelemek, Jelenky — P, II, 117 (Gilemca — RR, 40/385)
 Естржебице — 95; Jestřebice — P, II, 134 (Gyestrzebycze — DR, VI, 138)
 Жабовржески — 87, 88; Žabovřesky — PS, IV, 799 (Zabourziesk — RR, 38/325)
 Жар — 83, 84; Žár — PS, IV, 805 (Zdar — RR, 12/81)
 Жатецкий архидиаканат, край — 133, 134
 Желевчице — 135, 136; Želečnice — PS, IV, 826 (Zeleweczicz — DR, II, 5)
 Желивка, река — 115
 Жепы — 129; Žepy, Řepy — PS, III, 559 (Zeppy — DR, VII, 158)
 Жерновице — 87; Žernovice — PS, IV, 834—835 (Zrnownicz — RR, 41/358)
 Жидовице — 137; Zidovice — PS, IV, 840 (Zydowicz — DR, VI, 97)
 Жижелице — 114; Žiželice — PS, IV, 854 (Zuzelicz — RR, 22/183)
 Жижелицкое панство — 26, 30, 114, 119, 120, 133, 154, 160
 Жирец (Зерчиц) — 100; Žirec — PS, IV, 847 (Zierzecz — DR, IX, 304)
 Жиховице — 54; Žichovice — PS, IV, 843 (Zichowieze — DR, VII, 185)
 Жумберк — 75; Zumberk, Sonnenberg — PS, IV, 860 (Sunnbergh — RR, 2/5)
 Заборзье — 135, 136; Zaboří — PS, IV, 685—686 (Zaborzie — DR, II, 11, 12, 18)
 Забрани — 76; Zábraní — PS, IV, 686—687 (Zabranie — RR, 7/45)
 Забродье — 131; Zábrodí — PS, IV, 688 (Zabrodie — DR, VII, 181)
 Завратна — 75, 76; Závratná — PS, IV, 741 (Zawratna — RR, 10/71)
 Загоржыи — (Страговский монастырь) — 103; Záhoří — PS, IV, 696, 697 (Zahorzye — DR, VIII, 225)
 Загоржыи (Тин-Бехинский дистрикт архиепископства пражского) — 94, 95; Záhoří — PS, IV, 698—699 (Zahorzye — DR, VI, 142)
 Загорожыи (Миличинское панство Рожмберков) — 90; Záhoří Německé — PS, IV, 699—700 (Zahorzie — RR, 48/412)
 Загостице — 95; Záhostice — PS, IV, 703 (Zahostycze — DR, VI, 135)
 Заградка — 90; Zahrádka — PS, IV, 707 (Zahradka — RR, 46/398—399)
 Залши (Буковское панство Рожмберков) — 88; Zálší — PS, IV, 722 (Zals — RR, 42/371)
 Залши (Пршибеницкое панство Рожмберков) — 89; Zálší — PS, IV, 721 (Zalssie — RR, 16/121)
 Залужьи (Крумловское панство Рожмберков) — 79, 81, 86; Zaluží — PS, IV, 723 (Zaluze — RR, 30/260)
 Залужьи (Роудницкий дистрикт архиепископства пражского) — 137; Zaluží — PS, IV, 723 (Zaluzie — DR, VI, 96)
 Затес — 78, 80; Zátés — PS, IV, 737 (Zates — RR, 30/263)
 Затонское панство — 28, 74, 99, 102, 121, 128
 Захлумское панство — 28, 74, 99, 101, 102, 121, 128
 Заход, Наход — 90, 92; Náchod, Zachod — P, III, 174 (Zachod — RR, 16/117)
 Збелитов — 90; Zbelitov — PS, IV, 743 (Zbilitow — RR — 47/402)
 Збирог — 89, 109, 110; Zbiroh — PS, IV, 745
 Збраслав (Пршибиславов) — 75; Zbraslav — PS, IV, 750 (Przibislawow — RR, 1/3)

Збраславский монастырь и села монастыря — 19, 27, 31, 40, 133
Збудовице — 100; Zbudov, Zbudovice — PS, IV, 752 (Zbudowicze — DR, IX, 303)
Збузаны — Zbuzany — PS, IV, 753 (Zbuzani — DR, VII, 156)
Збух — 111; Zbůch — PS, IV, 752—753 (Zbuoh — DR, IV, 28, 31, 32)
Зверковице — 94; Zvěrkovice — PS, IV, 791 (Zwyerkowycze — DR, VI, 140)
Згорец — 92; Zhořec — PS, IV, 774—775 (Zhorzche — RR, 21/165)
Зерчице — 139; Zerčice. Zerčice — PS, IV, 832—833 (Zerczicz — DR, VI, 100)
Зехов — 90, 91; Zechov — PS, IV, 769 (Zgiechow — RR, 49/423)
Зеховице — 99—100; Zechovice — PS, IV, 769 (Zechowicze — DR, IX, 303)
Зибоглав — 119; Zibohlavý — PS, IV, 776 (Zybohlaw — DR, VI, 106)
Златокорунский монастырь — 23
Змишовице — 118; Zmišovice — PS, IV, 786 (Zmyssowycz — DR, VI, 121—122)
Ивина — 143—147; Jivina — P, II, 168 (Gywyna — UH, 7)
Иемник — 139; Jemníky — P, II, 120 (Jemnik, Gyemnic — DR, V, 71)
Иловице — 83; Jílovice — P, II, 151 (Gilowicz — RR, 56/476)
Иловичка — 83; Jilovička — P, II, 151 (Gilowicz — RR, 56/477)
Июночаны — 126, 132; Jinočany — P, II, 156 (Ginoczany — DR, VII, 157)
Иглавская область — 113—114
Изера, река — 133
Италия Северная — 40, 108
Ицковице — 131, 132; Ickovice, Jickovice — P, II, 143—144 (Gieczkowicze — DR, VII, 186)
Калиштѣ (Рожмберское панство Рожмберков) — 75, 77; Kaliště Horní — P, II, 184 (Galisz — RR, 1/2)
Калиштѣ (Подергуское панство Рожмберков) — 88; Kaliště — P, II, 184 (Kalischtiech — RR, 38/329)
Каловице — 129, 137—138; Kalovice — P, II, 186 (Kalowicz — DR, VI, 101)
Каменице — 129; Kamenice — P, II, 194—195 (Kamenicze — DR, VII, 165)
Качов — 143; Káčov — P, II, 178 (Kaczye — UH, 2)
Кеблов — 115, 116; Keblov — P, II, 219 (Keblow — DR, VI, 112)
Кие — 51; Kyje — P, II, 464
Клетце — 95; Kletce, Klec — P, II, 233—234 (Cleczy — DR, VI, 144)
Клумин — 131; Klumín, Chlumín — P, II, 253
Клуминское панство — 31, 122, 126, 130
Княжевесь — 129; Kněževěs — P, II, 256 (Knyeziewes — DR, VIII, 239)
Кобыльнице — 139; Kobylnice — P, II, 266—267 (Kobylnyk — DR, VI, 100)
Коетин — 89; (Kojetín) Kajetín — P, II, 181 — Pal. (298, 16) (Kaye-tin — RR, 18/144)
Козичин — 97; Kozičín — P, II, 347 (Coziczyn — DR, VI, 148—149)
Козмице — 143, 145; Kozmice — P, I, 350 (Kozmyczye — UH, 11)
Колеса — 114; Kolesa — P, II, 284 (Kolessa — RR, 12/181)
Колин — 23; Kolín — P, II, 285

Колинское панство — 30, 114, 119—120, 133, 160
 Коломержице — 94, 95; Koloměřice — P, II, 288—289 (Kolymirzicz — DR, VI, 140)
 Костелец — 54, 131; Kostelec nad Vltavou — P, II, 322 (Kosteletz — DR, VII, 180)
 Костелецкое панство — 31, 41, 130
 Котовице — 113; Kotovice — P, II, 337 (Kothowicze — DR, IV, 39)
 Коуржмский край, дистрикт — 26, 114
 Кочин — 87, 88; Kočín — P, II, 273 (Koczin — RR, 38/324)
 Кошетице — 117, 118; Košetice — P, II (Costycz — DR, VI, 114)
 Крайничко — 86; Krajnicko (Krajničko) — P, II, 357—358 (Kranysko — RR, 39/338)
 Красиковице — 117; Krasíkovice — P, II, 368 (Krassykowycz — DR, VI, 128)
 Краслетин — 79; (Krasletín) Krásetín — P, II, 367 (Krasletin — RR, 36/308)
 Крженовице — 96; Křenovice (Chřenovice) — P, II, 388 (Chrzenowycze — DR, VI, 138)
 Кржеленице — 91; Křepenice — P, II, 389 (Krzepenicz — RR, 51/438)
 Крживсоудов — 57; Křivsoudov — P, II, 405
 Крживсоудовский дистрикт, Крживсоудовское панство — 30, 115, 120
 Крянны — 139; Krňany — P, II, 411 (Kyrnyany — DR, V, 57—58, 62)
 Кроцлоу — 81; Kroclov — P, II, 412 (Krocztow — RR, 36/305)
 Крсице — 97, 98; Krsice — P, II, 417—418 (Krsycz — DR, VI, 148)
 Кртлы — 87; Krtly — Pal (361, 6) (Krtel — RR, 38/323)
 Крумлов — 80; Krumlov Český — P, II, 423—424 (Chrumpnaw — RR, 32/278)
 Крумловское панство — 23, 26, 28, 74, 78, 79, 80, 94, 99, 102
 Крупа Верхняя — 145; Krupa Horní — P, II, 425
 Крауцов — 85; Krucov — P, II, 421—422 (Gruczow — RR, 12/80)
 Кудратице — 114; Kudratice — P, II, 443 (Chunraticz — RR, 23/188)

Лаба, (Эльба) река — 134, 135
 Левеч — 95; Leveč — P, II, 512 (Lewczie — DR, VI, 138)
 Лесковице — 117; Leskovice — P, II, 505—506 (Lesskowycz — DR, VI, 119)
 Лжин — 96; Lžín — P, II, 705 (Lzyn — DR, VI, 133/134)
 Либлице — 119; Liblice — P, II, 592 (Liblicz — DR, VI, 105)
 Либоржице — 135; Libořice — P, II, 599 (Luborzicz — DR, II, 7)
 Либоч — 132, 127; Liboc — P, II, 595 (Lybocz — DR, VII, 160)
 Либушин — 139; Libušín — P, II, 604 (Libossyn — DR, V, 70—71)
 Линье — 111, 113; Líně — P, II, 616 (Linie — DR, IV, 28)
 Липице — 39; Lipice — II, 622 (Lypycze — DR, VI, 116)
 Лисов — 112; Lisov — P, I, 640 (Lyssow — DR, IV, 40)
 Литоглав — 110; Litohlavy — P, II, 639 (Lythohlaw — DR, VI, 107)
 Литомержице — 140; Litoměřice — P, I, 641 (Lithomerzicz — DR, VII, 152, 166, 170)
 Литомержицкий архидиаконат, край — 133, 134
 Литоховице — 100; Litochovice — P, II, 640 (Lithochowicze — DR, IX, 17)
 Лишина — 112, 113; Lišina — P, II, 632 (Lessyna — DR, IV, 26)
 Ловешиче — 78, 81; Lověšice — P, II, 680 (Loweschicz — RR, 31/269)

Лосина — 112; Losina — P, II, 665 (Lossyna — DR, IV, 1)
 Лоуны — 23, 140; Louny — P, II, 676
 Лужница, река — 73, 94, 105
 Лунек — 137; Lounky, Lunek — P, II, 675 (Lunek — DR, VI, 92—93)
 Луг — 84; Luggau — P, II, 688 (Luog — RR, 13/93)
 Льгота (Гельфенбургское панство Рожмберков) — 87, 88; Kralovice, Kralova Lhota — P, II, 361—362 (Lhota Kralowa — RR, 40/356)
 Льгота (Штепановский дистрикт архиепископства пражского) — 115, (Lhota — DR, VI, III)
 Льгота Великая — 120; Lhota Jestřabí — P, II., 541 (Magna Lhota — DR, VIII, 245—246)
 Льгота Власткова — 88; Lhota Bělečská, Vlastková — P, II, 527—528 (Wlastkova Lhota — RR, 40/357)
 Льгота Малая — 120; (Lhota Minor — DR, VIII, 248)
 Льгота Сарторум — 87; (Lhota Sarthonum — RR, 42/369)
 Лыготице — 144; Lhotice — P, II, 573 (Lhotycze — UH, 4—5)
 Лыготка — 117, 118; Lhotka, Lhotky — P, II, 523 (Lhotka — DR, VI, 121)
 Ляхов — 147; Lachov, Löchau — P, II, 478 (Lachow — DR, VI, 153)

 Мажице — 95, 96; Mažice — P, III, 40—41 (Mazicz — DR, VI, 143)
 Майдштейнское панство — 26, 28, 74, 78—82, 161
 Малшин — 74; Mašín, Malsching — P, III, 19—20 (Malsin — RR, 5/23)
 Мальнице (Крумловское панство Рожмберкова) — 79; Malčice, Maltschitz — P, II, 7—8 (Malczicz — RR, 31/270)
 Мальнице (Пришибрамский дистрикт архиепископства пражского) — 97
 Malčice — P, III, 8 (Malczicz — DR, VI, 148)
 Мальша — река — 82
 Мантов — 111; Mantov — P, III, 22 (Mantow — DR, IV, 33)
 Маркварец — 117; Markvarec — P, III, 82 (Markwarec — DR, VI, 117)
 Марцовице — 100; Marcovice, Marčovice — P, III, 23 (Marczewicze — DR, IX, 303)
 Маршов (Пришибеницкое панство Рожмберков) — 89, 90; Maršov — P, III, 30 (Marssow — RR, 15/108)
 Маршов (Бржевновский монастырь) — 147, 138; Maršov — P, III, 29 (Marssow — DR, VII, 201)
 Маховице — 94; Machovice — P, III, 4 (Machowicz — RR, 33/285)
 Мезне — 94; Mezné — P, III, 66 (Mezun — DR, V, 72—73)
 Мекинец — 86; Měkynec — P, IV, 46 (Mekynecz — R, 33/339)
 Мельникский край — 134
 Миков — 135, 136; Mikov — P, III, 69—70 (Mikow — DR, II, 13)
 Микулов — 75, 77; Mikulov, Böhmendorf — P, III, 71 (Miculow — RR, 6/38)
 Милетин — 62; Miletin — P, III, 77
 Миличинское панство — 26, 29, 74, 89, 90, 93, 98
 Милотице — 118; Milotice — P, III, 84 (Mylotycz — DR, VI, 124)
 Мирошов — 118; Mirošov — P, III, 92 (Myrossow — DR, VI, 123)
 Митов — 98; Mitov — P, III, 97 (Mytow — DR, VI, 109)

- Михель — 131; Michle — P, III, 68—69 (Mychel — DR, VII, 179)
 Младонов — 75; Mladoňonv — P, III, 101 (Mladonow — RR, 6/36)
 Младошовице — 58; Mladošovice — P, III, 101—102
 Млынец — 74; Mlýnec, Lahrenbecher — P, II, 108—109 (Larenpecher alias Mlynecz dicta — RR, 3/9)
 Мниховице — 115; Mnichovice — P, III, 115—116 (Mnychowycz — DR, VI, 111)
 Могельнице — 143, 144; Mohelnice nad Jizerou — P, III, 122 (Mohe Inyucze — UH, 9)
 Моравия — 9, 26, 38, 41, 42, 43, 45, 48
 Мотол — 129; Motol — P, III, 141 (Mothol — DR, VIII, 288)
 Мошнице — 138; Mošnice, Moschnitz — P, III, 140 (Mossnyczze — DR, VI, 103)
 Мраченице — 131; Mračenice — P, III, 143 (Mraczenicze — DR, VII, 176)
 Мужский — 143; Mužský — 159, 160 (Muzssky — UH, 4)
 Мукаржов — 144, 145, 147; Mukařov — P, I, 155 (Mukarzyew — UH, 8)
 Мыто — 110; Myto — P, III, 167 (Muta — RR, 53/446)
 Мышлов — 117, 118; Myšlov — DR, Index locorum, 415 (Mysslow — DR, VI, 123)
 Мышляны, Малшин — 77; Malšín, Myšlany — P, III, 19—20 (Mal-schin — RR, 5/14)
 Мышляны — 77; Myšlany Horní, Dvořiště, Ober — Haid — P, I, 504 (Mislany — RR, 4/14)

 Набдин — 129; Nabdin — P, III, 36, 37 (Nabdin — DR, VII, 165)
 Нагоржаны — 78, 79, 103; Nahořany — P, I, 173 (Nahorzan — RR, 30/261)
 Надрыб — 111; Nadryby — P, III, 171 (Nadryb — DR, VI, 107)
 Намнице — 97; Namnice — P, III, 177 (Namnycz — DR, VI, 14)
 Начковице — 138; Načkovice, Naschowitz — P, I, 170, 171 (Nacz-kowicz — DR, VI, 100)
 Небагов — 88; Nebahovy — P, III, 181 (Nebahow — RR, 40/354)
 Невекловице — 143, 144, 146, 147; Neveklovice — P, I, 221 (Newek-lewycz — UH, 10, 24)
 Негонин — 90; Nehonín — P, III, 193 (Nehonyn — RR, 47/104)
 Незамыслице — 54; Nezamyslice — P, III, 223—224 (Nezamysliez — DR, VII, 184—185)
 Незамыслицкое панство — 29, 74, 99
 Незвестие — 109; Nezvěstice — P, III, 226 (Nezwiesticz — RR, 21/178)
 Немчице (Нунчиц) — 120; Němčice — DR, Index locorum, 416 (Nun-cysz — DR, VIII, 250)
 Немысловице — 143, 145; Nemyslovice — P, III, 203 (Nemyslowyczze — UH, 21)
 Неплахов — 88; Neplachov — P, III, 204 (Neplachow — RR, 42/362)
 Непомержице (Непомысль) — 119; Nepoměřice — P, III, 205 (Ne-pomuryczsz — DR, VI, 106)
 Нишовице — 99; Nišovice — P, III, 229 (Nymssiewiczze — DR, IX, 303)

Нова Вєсь (Ческобродский дистрикт архиепископства пражского) — 119; Nová ves — PS, IV, 512 (Nowa wes — DR, VI, 105)
Нова Вєсь (село Крумловского панства Рожмберков) — 79; Nová Ves — PS, IV, 511 (Nova villa — RR, 34/295)
Нова Вєсь (Хиновский дистрикт архиепископства пражского) — 95; Nová Ves — P, III, 514 (Nowa wess alias Bor — DR, VI, 136)
Новоградское панство — 25, 26, 28, 43, 63, 66, 67, 68, 74, 82—84, 85, 104, 155
Новоседлы — 80; Novosedly — P, I, 234; (Nowosedl — RR, 31/272)
Нузин — 100; Nuzín — P, III, 240 (Nuzin — DR, IX, 303)
Ныржаны — 112; Nyřany — P, III, 241 (Nayrzany — DR, IV, 30)

Обец — 77; Obec — P, III, 243 (Obczie — RR, 6/31)
Обора — 89; Obora — P, III, 246 (Obora — RR, 15/109)
Обрдов — 135; Obrdov — P, III, 247 (Obridow — DR, II, 5)
Овны — 139; Humny, Ovny — P, I, 795 (Owna — DR, V, 70)
Овчар — 120; Ovčary — P, III, 314 (Owczar — DR, VIII, 239—242)
Огржа, река — 23, 52, 133, 134, 140
Олдржихов — 90; (Oldřichov — P, III, 263) (Oldrzichow — RR, 48/413)
Олешна — 95; Olešná — P, III, 267 (Olestna — DR, VI, 137)
Олешна — 117, 118; Olešná — P, III, 267 (Olestny — DR, VI, 126—127)
Олшина — 145; Olšina — P, III, 273 (Olssyna — UH, 16)
Олшовице — 88; Olšovice, Volšovice — PS, IV, 606 (Wolessowicz — RR, 37/320)
Омезин — 137; Oměžín — P, III, 274 (Omyezyn — DR, VI, 97)
Ондржеев — 92; Ondřejovice — P, III, 275 (Ondrzejewicz — RR, 21/165)
Ономышль — 119; Onomyšl — P, III, 276 (Onomysl — DR, VI, 106)
Опалице — 81; Opalice — P, III, 277 (Opalicz — RR, 36/309)
Опланы — 119; Oplany — P, III, 279—280 (Oplan — DR, VI, 106)
Орлов — 97; Orlov — P, III, 286 (Orlow — DR, VI, 146)
Осек — 79, 80; Osek — P, III, 288 (Ossyek — RR, 30—31/264)
Остров — 74, 77; Ostrow, Wörles — P, III, 298 (Ostrów — RR, 5/22)
Островец — 97; Ostrov — P, III, 298 (Ostrowecz — DR, VI, 150)
Островский монастырь — 19, 27, 28, 94, 99, 101, 134, 136, 139, 155
Остры — 90; Ostrý — P, III, 302 (Ostry — RR, 47/408)
Отава, река — 99, 105

Павлице — 138; (Pavlice), Pabličky — P, III, 328—329 (Powlyczye — DR, VI, 103)

Павлов — 117; Pavlov — P, III, 329 (Pablow — DR, VI, 133)
Пальч Большой — 135, 136; Pálec — P, III, 319 (Palcz Maiori — DR, II, 4)

Патсау — 42

Патек — 51, 52, 53, 140, 141; Pátek — P, III, 328 (Patek — DR, VIII, 251—261, 263—273)

Патецкое панство — 32, 68, 162

Пацов — 23; Pacov — P, III, 315

Пацовское панство — 29, 74, 99, 101

Пашице — 88; Pašice — P, III, 327 (Passicz — RR, 37/316)

Пеклов — 100; Peklov — P, III, 336 (Peklow — DR, IX, 304)

Перуц — 51, 52, 142; Peruc — P, III, 346—347 (Perucz — DR, VIII, 275—278)

Петржин, гора — 38

Петров — 139; Petrov — P, III, 351 (Petrow — DR, V, 61)

Пелгржимов (Пильграм) — 57; Pelhřimov — P, III, 338 (Pylgrams — DR, VI, 125)

Плавско — 83, 85; Plasko — P, III, 373 (Plawsko — RR, 56/480)

Плана — 79; Planá — P, III, 366 (Plana — RR, 35—36/303)

Пластовице — 87; Plástovice — P, III, 371 (Plastowicz — RR, 37/317)

Плзеньский край — 21, 109, 111, 152

Плисков — 74; Plískov, Stockern — P, II, 378—379 (Pluskow prope Fridburgh — RR, 5/18)

Побистрице — 117, 118; Pobistryce — P, III, 386 (Pobysztzycz — DR, VI, 132)

Погледский монастырь, Погледское панство — 19, 30, 157

Погоржелец — 129; Pohofelec — P, III, 414 (Pohorzelec — DR, VIII, 289)

Погоржице — 135; Pohorice — P, III, 416 (Pohorzicz — DR, II, 15)

Подегуское панство — 26, 29, 74, 86, 98

Подегусы — 96; Poděhusy — P, III, 394 (Podiehus — RR, 37)

Подержице — 87, 88; Podeřiště — P, III, 394 (Poderzišť — RR, 37/314)

Подмоклы — 100, 101, 110; Podmokly — P, III, 402 (Podmokli — DR, VII, 187)

Подольи (Тын—Бехинский дистрикт архиепископства пражского) — 95; Podolí — P, III, 405 (Podole — DR, VI, 137)

Подольи (Пришибрамский дистрикт архиепископства пражского) — 97; Podolí — P, III, 405—406 (Podole — DR, VI, 148)

Подольи (Градищенский монастырь) — 144; Podolí — P, III, 404 (Podol. UH, 2)

Полица — 148; Police nad Metují — P, III, 426 (oppidum Policz — DR, VII, 199)

Полицкое панство — 26, 31, 134, 147, 148, 154

Попелиштна — 39, 117, 118; Popelištná — P, III, 433 (Popelczyna — DR, VI—121).

Попов — 111; Popov — P, III, 435 (Popow — DR, IV, 32)

Поржици — 97; Pořiči — P, III, 441 (Porzecz — DR, VI, 146)

Почаплы — 140; Počaply — P, III, 388 (Poczapi — DR, VII, 168)

Прага — 6, 26, 40, 44, 49, 57, 122, 123, 132, 133, 148, 149, 160, 163, 167

Пражская область — 26, 114, 133, 134

Прахенский край — 26

Пржегейшов — 111, 112; Přehýšov — P, III, 465 (Przehyssow — DR, IV, 23)

Пржедборж — 89; Předboř — P, III, 461 (Przedborz — RR, 19/146)

Пржедицко — 130, 131; Předicko — P, III, 462 (Przediczko — DR, VII, 182—183)

Пржеставалки — 145; Přestavlky — P, III, 470 (Przyestawlky — UH, 5—6)

Пржетин — 111; Přetín — P, III, 471 (Przyetin — DR, IV, 40)

Пржеховице — 99; Přechovice — P, III, 465 (Przechowicze — DR, X, 302)

Пржечице — 96; Přečice, Předčice — P, III, 462 (Prziedezicz — DR, VI, 143)
 Приживетице — 111; Přivětice — P, III, 485 (Przieuieticz — RR, 21/174)
 Пржизоры — 74, 77; Přízory, Priesern — P, III, 487 (Prziesorn — RR, 5/24)
 Прочевилы — 97; Pročevily — P, III, 488 (Proczyewyly — DR, VI, 109)
 Пришибенице — 89; Přiběnice — P, III, 472 (Przibenicz — RR, 17/124)
 Пришибеницкое панство — 29, 74, 89, 90, 94, 98, 104
 Пришибеническое панство — 26, 29, 74, 89, 90, 92
 Пришибрам — Příbram — P, III, 473
 Пришибрамский дистрикт и Пришибрамское панство — 29, 49, 96 — 98, 109
 Пришодольи — 78, 80; Přídolí — P, III, 476 (Prziedole — RR, 30/259)
 Псаров — 91; Psarov — P, III, 497—498 (Psarz — RR, 19/147)
 Путимов — 118; Putimov — P, III, 504 (Putymow — DR, VI, 125)
 Путков — 100; Putkov — P, III, 505 (Putkov — DR, IX, 304)
 Пхеры — 139; Pchery — P, III, 357 (Pechri — DR, VI, 70)
 Пышков — 117, 118; Pýškov, Pejškov — P, III, 335 (Pysskow — DR, VI, 119)

Радбуза, река — 111

Радванов — 131; Radvánov — P, III, 533 Radwanow
 Радетин — 117, 118; Radětin — P, III, 516 (Radyetyn — DR, VI, 128)
 Радетице — 97; Radětice — P, III, 516 (Radyeticz — DR, VI, 147)
 Раднице — 109; Radnice — P, III, 522 (Radnicz — RR, 52/444)
 Радницкое панство — 30—111
 Радобытице — 97; Radobytce — P, III, 523 (Radobytecz — DR, VI, 150)
 Радовеснице — 114; Radovesnice — P, III, 532 (Radevesicz — RR, 23/190)
 Радовеснице — 119; Radovesnice, Radovesice — P, III, 532 (Zyboh-law — Radowessicz — DR, VI, 106)
 Радонице — 51, 52, 141, 142; Radonice — P, III, 525 (Radonicz — DR, VIII, 260)
 Радошовице — 87; Radošovice — P, III, 528 (Radossowicz — RR, 38/326)
 Раковице — 57, 98; Rakovice — P, III, 537 (Rakowicz — DR, VI, 147)
 Раковницкий край — 134
 Растели — 97; (Rastely), Rztely — P, III, 547 (Rastyl — DR, VI, 147)
 Ратшинавесь — 136; Račiněves — P, III, 511 (Ratssinawes — DR, II, 15)
 Рачов — 100; Račov, Radešov — P, III, 516 (Radsow — DR, IX, 304)
 Рачьи — 100; Račí — P, III, 509 (Radczie — DR, IX, 303)
 Рексин — 90; Reksyně — P, III, 555 (Reksynie — RR, 48/414)
 Ржеменов — 117, 118; Řemenov — P, III, 555 (Rzemenow — DR, VI, 129)
 Ржечицкий дистрикт и Ржечицкое панство — 30, 42, 49, 114—117, 120, 136

- Робечь — 138; Robeč — P, II, 569 (Robecz — DR, VI, 102)
 Робце — 137; Robce — DR, Index locorum, 421 (Robczyc — DR, VI, 98)
 Ровное — 116, 118; Rovná — P, III, 596 (Rowny — DR, VI, 114)
 Рожмберское панство — 23, 26, 28, 74—78, 82, 94, 99, 102
 Рожмитель — 97, 166
 Рожмитальский дистрикт и Рожмитальское панство — 29, 74, 154
 Ройшин — 81; Rojšín — P, III, 579 (Royssin — RR, 35/296)
 Рокицанское панство — 30, 109—111
 Роудницкий монастырь и владения монастыря — 19, 25, 27, 31, 40, 43, 57, 134, 137, 154
 Росеевице — 97; (Rosejovice), Rosovice — P, III, 587 (Rossyegye-wicz — DR, VI, 147)
 Рузен — 129, 132; Ruzyně — P, 614, 615 (Ruzen — DR, VII, 159, 160)
 Руперсдорф, Рупрехтице — 148; Ruprechtice, Rupersdorf — P, II, 613 (Rupertsdorf — DR, VII, 197)
 Рыбник Большой — 117; Rybník Velký — P, III, 620 (Rybník Maior — DR, VI, 120)
- Садонице — 97; Sadonice — PS, IV, 7 (Sadenicz — DR, VI, 108)
 Сватомиров — 75; Svatomírov, Zwarmetschlag — PS, IV, 243 (Swatmirslag RR, 2/16)
 Свеправице — 116, 117, 118; Svěpravice — PS, IV, 245 (Sweprawycz — DR, VI, 117—118)
 Свераз — 43, 101; Sveraz — PS, IV, 245 (Sweraz — DR, VIII, 224)
 Светла Большая — 101; Světlá Horní — PS, 249 (Swyetly Maior — DR, VIII, 223)
 Светла Малая — 101; Světlá Dolní — PS, IV, 249 (Swietla Minor — DR, VIII, 28)
 Свинки — 88; Svinky — PS, IV, 254 (Swynna — RR, 43/376)
 Свины — 88; Sviny — PS, IV, 257 (Swna — RR, 43/373)
 Свины Торговые — 66, 84; Trhové Sviny — PS, IV, 257 (Sweincz — RR, 12/86)
 Свойнице — 88; Svojnice — PS, IV, 260 (Swoynicz — RR, 40/353)
 Своржиш — 90; Svořiš — PS, IV, 262 (Svoyzier — 46/398)
 Свркин — 129; Svrkyně — PS, IV, 263 (Swrkin — DR, VII, 161)
 Седлец (Хотешовский монастырь) — 111; Sedlec — PS, IV, 22 (Sedlec — DR, IV, 31—34)
 Седлец (Страговский монастырь) — 131; Sedlec — PS, IV, 22 (Sedlec — DR, VIII, 287)
 Седликовиче — 88; Sedlíkovice — PS, IV, 27 (Sedlicowicz — RR, 42/367)
 Сейфы — 75; Sejfy Seiften — PS, IV, 35 (Zeiffenn — RR, 3/8)
 Седлице — 97; Sedlice — PS, IV, 25 (Sedlec — DR, VI, 108, 110)
 Седльчанское панство — 26, 28, 89, 90, 93, 109
 Секиржаны Верхние — 111, 113; Sekyřany Hořejší — PS, IV, 36—37 (Sekyrzany Maius — DR, IV, 32)
 Секиржаны Нижние — 111, Sekyřany Dolejší — PS, IV, 36—37 (Sekyrzany Minor — DR, IV, 39)
- Скала — 86; Skála — PS, IV, 64 (Scal — RR, 39/341)
 Скришов — 116, 117; Skryšov — PS, IV, 85 (Skryssow — DR, VI, 129)

Славонов — 55, 131; Slavoňov — PS, IV, 101 (Slawnow — DR, VII, 180)
 Сланское панство — 31, 134
 Слатина — 130, 131, 132; Slatina — PS, IV, 94 (Slatina — DR, VII, 175)
 Слоупенец — 81, 111; Sloupenec — PS, IV, 107 (Slupenecz — RR, 33/280)
 Смолеч — 95; Smoleč — PS, IV, 115 (Smolecz — DR, VI, 139)
 Собенов — 81; Soběnov — PS, IV, 126 (Sobyenow — RR, 34/289)
 Споли — 61, 79, 84, 85; Spolí — PS, IV, 147 (Wzpole — UT, 6, 7)
 Станков (Хотешовский монастырь) — 112; Staňkov — PS, IV, 159 (Stankow — DR, IV, 36)
 Станков (Бржегновский монастырь) — 100, 101; Staňkov Dolní — PS, IV, 159 (Stankow — DR, VII, 188)
 Становице — 116; Stanovice — PS, IV, 160 (Stanowycz — DR, VI, 116)
 Стод — 111, 112; Stod — PS, IV, 170 (Stoda — DR, IV, 24—25)
 Страгов — 53; Strahov — PS, IV, 179—180
 Страговский монастырь, владения монастыря — 20, 23, 25, 27—31, 38, 39, 40, 41, 43, 51, 53, 99, 101, 102, 114, 121, 122, 123, 125, 130, 131, 133, 140, 142, 149, 155, 161, 167
 Страдонице — 51, 52, 141, 142; Stradonice — PS, IV, 177—178 (Stradomicz — DR, VIII, 265)
 Стражище — 143, 144, 145; Stražiště — PS, IV, 192 (Strazyssczye, УН, 10)
 Странки — 77; Stránky — PS, IV, 184 (Stranky — RR, 3/10)
 Странов — 95; Stranovec, Hrotný (Stranov) — PS, IV, 186 (Stranow alias Strahyn — DR, VI, 135)
 Страхалы — 138; Strachaly — PS, IV, 180 (Strachale — DR, VI, 103)
 Страшень Великий — 78; Strážne Velké — PS, IV, 193 (Strazne mais — RR, 32/274)
 Страшице — 110; Strašice — PS, IV, 187—188 (Strassicz — RR, 53/453)
 Страшицкое панство — 26, 30, 43, 109, 110
 Страшков — 137; Straskov — PS, IV, 188 (Straskow — DR, VI, 95—96)
 Стржелице — 111; Střelice — PS, IV, 197 (Strzielicze — DR, IV, 38)
 Стржижовице — 111; Střížovice — PS, IV, 209—210 (Strziewowicz — RR, 21/168)
 Стрмехи — 117, 118; Strměchy — PS, IV, 211 (Strmyech — DR, VI, 132—133)
 Стропнице — 84; Stropnice — PS, IV, 213 (Stropnicz — RR, 13/87)
 Струнковице — 100; Strunkovice — PS, IV, 216 (Strunkowicz — DR, IX, 302)
 Сухдол (Витингауское панство Рожмберков) — 85; Suchdol nad Lužnicí — PS, IV, 233 (Suchdol — RR, 55/467)
 Сухдол (Бржегновский монастырь) — 148; Suchdol — PS, IV, 233 (Suchdol — DR, VII, 204—205)
 Табор — 17, 23, 91, 94, 107
 Технице — 97; Těchnice — PS, IV, 319 (Tyechnicz — DR, VI, 146)
 Течмин — 114; Tečmín — PS, IV, 317 (Teczmin — RR, 22)

- Тешков — 110; Teškov, — PS, IV, 330 (Tieskow — RR, 54)
Тмань — 129; Tmaň — PS, IV, 343 (Thman — DR, VII, 164)
Травнице — 140; Travčice — PS, VI, 351 (Trawczicz — DR, VII, 167)
Тржебин — 111; Třebín — PS, IV, 359 (Trziebin, — RR, 21/172)
Тржеболице, Тржебиз — 129, 132; Třebovice, Třebíz — PS, IV, 367 (Trzebowiezie — DR, VII, 162)
Тржебонин — 80; Třebonín Horní — PS, IV, 363—364 (Trziebonin RR, 30/257)
Тржебонь — 58, 82, 86; Trřeboň, PS, IV, 362, 363 (Witngaw alias Trzibon)
Тржебоньский монастырь и Тржебонское панство — 19, 23, 24, 27, 28, 41, 58—60, 62, 63, 66, 68, 69, 82, 85, 102, 104, 157 161, 165
Тржесовице — 39, 44, 126, 156; Třešovice Střešovice — PS, IV, 199 (Trzessowcz — DR, VIII, 291)
Тржиссов — 79; Trřisov — PS, IV, 377, 378 (Trzyessow — RR, 35)
Трнавка, река — 115
Тугань — 137, 138; Tuhaň — PS, 393 (Tuhan, — DR, VI, 101)
Тучапы — 91; Tučapy — PS, IV, 392—393 (Tuczapy — RR, 19)
Тушков — 112; Touškov — PS, IV, 350 (Tusskow — DR, IV, 24)
Тын (Бехинский) 57, 86
Тын-Бехинский (Тынский) дистрикт — 29, 49, 57, 95, 96, 98
Тынец — 131; Tynec — Teinitzl — PS, IV, 409 (Tynecz — DR, IV, 31)
Тьехораз — 39; Těchoraz — PS, IV, 320 (Tyechoraz — DR, VI, 118, DR, XI, 361)
Тьехоразек — 117—119; Těchorazek — PS, IV, 320 (Tyechoraz Minor — DR, VI, 118)
Угонице — 129; Uhonice — PS, IV, 422; Vhonicz — DR, VIII, 230—232)
Уезд Большой — 112; Ujezd Kamenný — PS, IV, 432 (Vgezd Maior — DR, IV, 30)
Уезд Малый — 113; Ujezd Červený — PS, IV, 429 (Vgezd villa Minor — DR, IV, 28)
Уездец — 130, 131; Ujezdec — PS, IV, 437—438 (Vgyezdecz — DR, VIII, 233)
Улишов (Вольшовице) — 100, 101; Ulišov — DR, Index locorum, 427, Volšovy — PS, IV, 606 (Woleszowicze — DR, VII, 187—188)
Усушь — 112; Usuší, — PS, IV, 455 (Vsussie — DR, IV, 29)
Ухерце — 111—113; Uherce — PS, IV, 420 (Vhrzec — DR, IV, 27)
Фридрихслаг — 84; Friedrichslag, Bedřichov — P, I, 40 (Friderichslag — RR, 13/88)
Фримбуркское панство — 23, 26, 28, 74, 76—78, 82, 99, 102, 161
Хаберское панство — 30—31
Хабишовице — 78, 80; Chabičovice — P, II, 2 (Chabiczowicz — RR, 30/258)
Хабры — 131; Chabry, P. II, 3 (Chaber — DR, VIII, 286)
Хазлахское панство — 26
Хвойнов — 117, 118; Chvojnov — II, 80 (Chwoynow — DR, VI, 133)
Хиновский дистрикт и Хиновское панство — 29, 74, 94, 96, 98, 99

Хлум (Ромжитальский дистрикт архиепископства пражского) — 98; Chlum — PS, II, 14—15; (Chlum — DR, VI, 108)

Хлум (Штепановский дистрикт архиепископства пражского) — 115, 156; Chlum — PS, II, 18 (Chlum — DR, VI, 111)

Хлуманки — 111; Chlumánky — P, II, 18 (Chlumani — RR, 21/166)

Хотешов — 111, 112; Chotěšov — P, II, 40

Хотешовский монастырь — 19, 27, 30, 109, 111, 113, 160

Хоузов — 111; Chouzovy — P, II, 49 (Chussow — RR, 21/167)

Хоустницкое панство — 26, 29, 74, 89, 90, 91, 94, 98, 99

Хоэшлаг — 78; Hohenschlag — P, I, (Hohenslag — RR, 32/275)

Храст — 97; Chrást — P, II, 51 (Chract — DR, VI, 146)

Храшаны — 120; Chrášťany — P, II, 57; (Chrasczany — DR, VIII, 248)

Храшицкое панство — 130

Хрбонин — 89—91; Chrbonín — P, II, 59 (Chrbonyn — RR, 18/143)

Хржеловице — 39; Chřelovice, Křelovice — PS, II, 59 (Crzelowycz — DR, V, 116)

Хцебуры — Chcebusz — P, II, 8 (Chciezur — DR, VII, 152—175)

Цейле — 119; Cejle — P, I, 69 (Czayle — DR, VI, 123)

Цетвинь — 75; Cetvin, Zettwing — P, I, 277 (Czetwin — RR, 6/37)

Чаков — 88; Čakov — P, I, 295 (Czakow — RR, 38/328)

Чаковице — 117, 118; Čakovice — P, I, 296 (Czakowicz — DR, VI, 122)

Часловице — 94; Časlovice, Častolovice — P, I, 301

Чеевце — 94; Čejevice — DR, Index locorum, 405 (Czeyewycz — DR, VI, 144—145)

Чеетице — 115; Čejetice — P, I, 306 (Czyegyetycz — DR, VI, 113)

Чейков — 117; Čejkov — P, I, 307 (Czeykow — DR, VI, 130)

Черновесь — 137; Černoves — P, I, (Czrnyewess — DR, VI, 92)

Чернотин — 111; Černotin — P, I, 331 (Czrnotyn — DR, IV, 41)

Черноучек — 137; Černouček — P, I, (Czrnuczek — DR, VI, 96)

Чертынь — 81; Čertyně — P, I, 338 (Czertenye — RR, 36/311)

Чехия — 3, 5, 6, 8—28, 32—37, 39—42, 44—46, 48, 57, 63—65, 69, 72, 73, 93, 94, 98, 99, 103, 104, 105, 107, 108, 111, 113, 114, 132, 135, 136, 149, 150, 151, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165

Чехословакия — 7, 8, 16, 22, 23

Чешские Будейовицы — 58

Чешско-Бродский дистрикт и Чешско-Бродские села — 115, 119, 120, 133

Чихтице — 87; Čichtice — P, I, 346—347 (Czuchticz — RR, 39/336)

Чишков — 97; Čížkov — P, I, 355 (Czyzkow — DR, VI, 108—109)

Шальмановице — 83, 85; Šalmanovice — PS, IV, 26 (Salmanowicz)

Шванков — 81; Švankov — PS, IV, 250 (Vila Swancowa Lhota — RR, 32/277)

Шлаглес — 84; Šlagles, Schlagles — PS, IV, 287 (Slagleins — RR, 13/89)

Шловице — 112; Šlovice — PS, IV, 288 (Sslowicz — DR, IV, 29)

Штепанов — 116, 156

Штепановский дистрикт и Штепановское панство — 30, 115, 120

Штетин — 86; Štétin — PS, IV, 300 (Szczetin — 39/337)

Штиптонь — 82, 84; Štipťon — PS, IV, 303 (Scziptrin — RR, 12/86)

Яблечно — 110, 111; Jablečno — P, II, 87 (Jableczna — RR, 54/457)
 Яворж — 90; Javoří — P, II, 107 (Javorzie — RR, 47/408)
 Яворник — 115, 116; Javorník — P, II, 110—111 (Jawornyk — DR, VI, 111)
 Ямне — 81; Jampné — P, II, 94 (Jampny — RR, 36/312)
 Янков — 88; Jankov — P, II, 97 (Jankow — RR, 39/331)
 Янов — 112; Janov — P, II, 99 (Janow — DR, IV, 28)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ УКАЗАТЕЛЯ

В связи с тем, что написание современных названий населенных пунктов в Чехословакии во многих случаях существенным образом отличается от транскрипции географических названий в XIV—XV веках, когда составлялись поземельные описи, в географическом указателе приведено современное название сел Чехии и те, которые мы находим в поземельных описях. Для установления современных названий населенных пунктов нами был использован четырехтомный капитальный труд А. Профоуса «*Místní jména v Čechách*». В отдельных случаях мы прибегали к помощи указателя географических названий, приложенного к публикации «*Deset registra*». В том случае, когда название употреблялось неоднократно, мы давали более подробное определение. Например, в работе упоминаются три села с названием Нова Весь. Поэтому в указателе было отмечено, что одно село входило в состав Крумловского папства Рожмберков, второе находилось в Чешскобродском дистрикте архиепископства Пражского, третье—в Хиновском дистрикте архиепископства (см. географический указатель, стр. 186—187).

При составлении указателя употреблены следующие сокращения: А. Profous. *Místní jména v Čechách*. Díl I, v Praze, 1954—P, I
 А. Profous. *Místní jména v Čechách*. Díl II, v Praze, 1949—P, II
 А. Profous. *Místní jména v Čechách*. Díl III, v Praze, 1951—P, III
 А. Profous, J. Svoboda. *Místní jména v Čechách*. Díl IV, v Praze, 1956—PS, IV

При указании источников пользовались сокращениями, принятыми в книге. Таким образом, если в указателе приводится, например, следующая запись: Бабины — 135, 136; Babiny — P, I, 23—24 (Babina ДР, II, 6), то это значит, что упоминание о селе Бабины встречается на стр. 135 и 136 книги. Данные об этом селе нужно искать в первом томе труда А. Профоуса «*Místní jména v Čechách*» на стр. 23—24. Наконец, упоминание о селе имеется на страницах урбария Роудницкого монастыря.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Некоторые черты аграрного развития Чехии в XIV—XV вв.	33
Глава вторая. Эволюция феодальной ренты в Чехии накануне Великой крестьянской войны	71
Заключение	158
Список важнейших сокращений.	169
Литература и источники.	170
Географический указатель.	178

Борис Тимофеевич Рубцов

Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV—начало XV в.)

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. П. Бобрик*

Технический редактор *Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № 65—78. Сдано в набор 30/X—1957 г.

Подпис. к печати 27/II—1958 г. Формат 84×108¹/₃₂.

6,125 печ. л. (10,25). Уч. изд. л. 11,3 л.

Тираж 1400 экз. Т-00087. Изд. № 2459. Тип. зак. № 3425.

Цена 7 р. 80 к.

*

Цена 7 р. 80 к.